

В. ЯНКОВСКИЙ

НЭНУНИ- ЧЕТЫРЕХГЛАЗЫЙ

Предисловие

«Нэнуни» — по-корейски четырехглазый. За острый охотничий глаз прозвали так охотники Михаила Янковского, сосланного царским правительством на Дальний Восток. Там же прошли детские годы Валерия Янковского — автора этой книги. В ней он рассказывает о полной приключений и опасностей жизни своего деда — известного ученого и охотника.

Валерий Юрьевич Янковский

НЭНУНИ-ЧЕТЫРЕХГЛАЗЫЙ

В. ЯНКОВСКИЙ

**НЭНУНИ-
ЧЕТЫРЕХГЛАЗЫЙ**

ПОВЕСТЬ

**ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ 1979**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОССТАНИЕ

В дверь комнаты постучали, не громко, но требовательно. Михаил оторвался от учебника и поднялся из-за стола. Старший их группы, студент Доморацкий, вошел быстро и решительно. Плотно прикрыл за собой дверь, приблизился и, глядя в глаза, жарко зашептал:

— Началось! Только что прибыл уполномоченный Центрального Национального комитета. Он поручил передать, чтобы в два тридцать утра все были на площади со своим оружием. Готовься, я бегу предупреждать остальных...

Доморацкий кошкой выскользнул за дверь, и Янковский снова остался один. Он провел рукой по густым каштановым волосам и машинально подошел к висевшему на стене зеркалу. В нем отразилось слегка побледневшее скуластое лицо с живыми чуть раскосыми глазами.

«Началось!» Уж не приснилось ли ему? Нет, на полу еще заметны сырье отпечатки сапог Доморацкого.

Они, польские, литовские и немало русских студентов, ждали этого момента целых сто дней и ночей. Вспыхнувшее одиннадцатого января восстание ширилось и катилось по непокорным землям Польши, Литвы и Белоруссии. Студенты Горецкого земледельческого института в Могилевской губернии очень долго оставались в стороне, хотя все это время незаметно собирали оружие, тайком тренировались в стрельбе и фехтовании...

Михаил Янковский — один из четырнадцати сыновей потомственной шляхетской семьи. В родовом имении Янкувка в свинцовом чехле хранилась грамота, в ней пожелавший пергамент рассказывал о славных делах предков. О том, что пррапрадед рыцарь Тадеуш Новина в кровопролитной сече с закованными в броню тевтонскими латниками спас от смерти польского короля Лячко, но сам потерял ногу. И в память об этом событии благодарный король пожаловал род гербом «Золотой наголенник»: на голубом поле — золотой шлем с тремя страусовыми перьями, символом храбрости. Под шлемом наголенник со шпорой и палаш, по-старопольски «Новина». Снизу эту композицию замыкала черно-золотая дуга лука. Род Новины слыл непревзойденными стрелками-лучниками.

Дальше грамота рассказывала об участии предков в средневековых крестовых походах. Но то — предки. Сам же Михаил оказался участником похода иного...

Янковский постоял с минуту в раздумье, потом не торопясь снял со стены свою охотничью двустволку, досыпал пороховницу, вынул из сундука кожаный мешочек с отлитыми заранее пулями, начал укладываться. В два часа ночи направился к месту сбора.

Было еще темно, но на площади толпилось уже довольно много людей. Кто-то негромко называл фамилии, подходившим раздавали оружие. Михаил получил заряженный пистолет и сунул его за пояс. Человек с пышными темными усами велел всем построиться. Капитан генерального штаба, недавний адъютант Виленского генерал-губернатора Людвиг Звеждовский (повстанческая кличка Топор) обратился к собравшимся:

— Панове, из-за предательства и начавшихся арестов боевые действия пришлось начать значительно раньше намеченного срока. Это осложнило дело. Мы не успели как следует подготовить сельское население, не смогли со брать необходимого количества современного оружия. Помощь из-за границы

задерживается: Австрия и Пруссия не решаются оказать содействие, боятся разгневать нашего тирана-царя...

Все слушали, затаив дыхание. Чувствовали: сейчас решается их судьба, надвигается что-то огромное и неизбежное.

— Однако немало деревень Северо-Западного края, — продолжал Топор, — примкнуло к восстанию. Люди сами куют в кузницах пики и косы и идут с ними в бой. Их так и зовут — «косинеры». А пока наша главная опора — шляхта,^[1] интеллигенция и мещане-ремесленники, но у них в основном лишь охотничье ружья, шашки да пистолеты. Правда, кое-что из казенного оружия отбили в стычках с гарнизонами и полицией. На днях мы ждем пароход из Лондона. Он везет к берегам Литвы партию армейского оружия. Но за это оружие надо платить золотом. И от Центральный Национальный комитет ставит перед нами задачу: завладеть институтом и казначейством. Мы должны захватить царское золото, чтобы им оплатить приобретенное за границей оружие. Задача ясна?

— Ясно-о...

— Тогда все, панове. Проверить и зарядить оружие! Топор разбил людей на два отряда. Один, под командой своего помощника Косы, послал на институт, второй повел на казначейство сам. В этой группе оказался и Михаил. Чуть светало, когда они окружили кирпичное казенное здание. Но часовой не спал.

— Стой, кто идет? Стой, стрелять буду! Звездовский крикнул:

— Солдаты, не стреляйте, послушайте. Мы пришли за царским золотом, оно нужно для вашей и нашей свободы. Сдавайтесь и выходите без оружия, вас не тронут...

Но в ответ прозвучало хриплое — «огонь!» В окнах на мгновение вспыхнули желтые огоньки, грохнул залп. Охнув, замертво упал на землю стоявший рядом с командиром Доморацкий. Звездовский скомандовал:

— Пока перезаряжают, вперед, под стелу!

Михаил кинулся вперед и встал под окном казначейства, не зная, что делать дальше.

— Стреляй в окно, или тебя убьют! — приказал Топор. Направив дуло в темный проем, Михаил разрядил пистолет.

Несколько человек ворвались в здание, там послышались выстрелы, возня, стоны. Вскоре немногочисленная охрана капитулировала.

Послышался треск разбиваемых сундуков. В дверях показались люди с маленькими, но тяжелыми, наполненными романовскими империалами, ящиками. Их по цепи передавали из рук в руки и грузили в отнятые у местечковых евреев конные повозки.

Почти одновременно второй отряд овладел Горецким сельскохозяйственным институтом. Утром 23 апреля директор, пристав, урядники — все местное начальство сидело под арестом, и город полностью принадлежал повстанцам. Но это же утро стало роковым для восставших студентов.

Звездовский хорошо понимал: здесь он халиф на час, вот-вот нагрянут карательные части. Поспешно похоронили Доморацкого, дали салют над свежей могилой, и отряд быстро покинул город, спеша соединиться с главными силами, сдать захваченную казну.

Двигались проселками и лесными тропами. Кадровый офицер знал, что за ними выслана погоня, и маневрировал. Впереди и сзади обоза шла разведка, кое-где ей удавалось связываться с надежными людьми, доставлять командиру устные и письменные донесения. А последние дни апреля — начало мая 1863 года совпали с тяжелыми потерями для Польского восстания. С каждым полученным донесением все

более хмурым становился Топор. И однажды, шагая возле головной подводы, Михаил услышал обрывки его разговора с одним из старших студентов:

— ...Капитан парохода, которого мы считали своим, оказался предателем, царские шпики в Лондоне сумели его подкупить. Пароход в назначенное время в литовский порт не прибыл. Негодяй увел его, пока неизвестно куда...

— Да-а, трудно нам будет без этого оружия!

— Я только что получил еще более горькую весть. Под Биржами произошел кровопролитный бой и в нем попал под пулю наш главный руководитель — Доленга — Зигмунт Сераковский, мой старый друг. Пишут, остался жив, но раненый захвачен в плен. Теперь его казнят. Нас, бывших царских офицеров, в этом случае ждет одно: петля или расстрел...

Звеждовский внезапно обернулся, поймал на себе, растерянный взгляд Михаила и жестко сказал:

— Янковский, то, что ты сейчас услышал, держи за зубами. Никому ни слова. Нам не нужно упадочных настроений, на войне всякое случается. Вот выберемся к переправе через Проню, перемахнем реку и окажемся близко к своим. Нос не вешать! Понял?

— Понял, пан капитан...

— Ты не знаешь никакого капитана. Я для всех — друзей и врагов — Топор!

В пути встречались хутора и поселки, но встречали отряд по-разному. Где выносили хлеб, молоко, махорку; напутствовали и благословляли, а где провожали взглядами исподлобья. Иные просто пугались: мы вас не видели... После таких встреч командир неизменно менял направление.

Измученные многодневным переходом, студенты сразу оживились, когда впереди из-за леса сверкнула гладь реки, а на берегу замаячил целехонький паром.

— Заводи повозки, разбирай шесты и весла!

Река сносила осевший паром, но работали дружно, западный берег все 41 ближе и ближе. Толчок — и лошади, телеги и люди уже засуетились на твердой пологой косе.

— Руби плот, чтобы им не воспользовались царские слуги! — скомандовал Звеждовский. Застучали топоры, но их стук вдруг перекрыл молодой взволнованные голос:

— Берегись, солдаты!

Выбегая из леса, на противоположном берегу уже строилась в шеренгу воинская часть, разворачивались снятые с передков пушки конной батареи. Сверкнул офицерский клинок, раздались слова команды. Над цепью поплыли сизые клубочки дыма и, как рой невидимых стрижей, засвистели, защелкали по берегу, по телегам штуцерные пули и картечь!

Вздыбилась, пронзительно заржала раненая лошадь. Вторая, завалившись, опрокинула возок с драгоценными ящиками. Вскрикнул раненый, схватился за простреленное плечо.

— Ложись, падай за телеги, за лошадей! Студенты открыли ответную стрельбу, но пули из гладкоствольных ружей шлепались в воду, не достигая другого берега. Топор дал команду бросать обоз и уходить. Отряд быстро скрылся в лесу и до вечера успел порядочно удалиться от Прони. Однако, побывав на следующий день в разведке, капитан понял — они окружены, вырваться группой надежды нет.

Звеждовский собрал всех уцелевших на лесной поляне. Он был бледен, — но держался спокойно.

— Я сам ходил на разведку, друзья, поэтому отвечаю за каждое свое слово. Лес буквально оцеплен пехотными патрулями и кавалерийскими разъездами. Вы браться всем отрядом невозможno. При

сложившихся обстоятельствах я не имею права пытаться идти на прорыв, обрекать вас на гибель: силы слишком неравны. Нам, принявшим присягу и перешедшим на сторону восстания кадровым офицерам, пощады ждать не приходится. Я попытаюсь проскользнуть в одиночку. Бог знает, доведется ли нам еще встретиться в этой жизни...

Топор слегка наклонил голову, но тут же расправил плечи и обвел всех ободряющим взглядом:

— В первый день пасхи царь объявил манифест для всех, кто прекратит борьбу добровольно. Вам, молодым, следует воспользоваться этой амнистией, чтобы сохранить себя для будущего. Помните: впереди еще долгая, трудная борьба, но чем мы будем сплоченнее и тверже, — тем ближе победа! Сдавайтесь без оружия. Безоружных по закону судят не так строго. Сложите его в лесу, оно не стоит того, чтобы его прятать. И еще советую: на допросах делайте вид, что раскаиваетесь, что попали в отряд по недомыслию. Валите всю вину на меня, мне от этого уже ничего не прибавится... Главное же — берегите и не забывайте друг друга.

Он с болью посмотрел на притихших молодых людей.

— Не поминайте меня лихом, панове! Я сделал все, что мог, но нас предали. А вам спасибо, вы выдержали испытание, никто не проявил трусости или слабости. Так и держитесь дальше. Выше головы, наше время придет! А теперь выберите мне пару надежных пистолетов — вам они больше не потребуются...

Топор осмотрел оружие, спрятал его под курткой и — как отрубил, махнул рукой:

— Прощайте!

Круто повернулся и сразу скрылся в лесу. Звездовскому удалось проскользнуть мимо патрулей и разъездов, соединиться со своими, стать командиром дивизии боевого корпуса повстанцев под командованием прославленного Босака. Он доблестно сражался за свободу, но в феврале 1864, тяжело раненный в бою под Кульчицей, попал в плен. А вскоре разделил участь Сераковского и большинства своих товарищей по руководству восстанием — был казнен на площади городка Ипатова.

Но только много позднее довелось Михаилу и его товарищам услышать о трагической судьбе своего воеводы.

Сколько просидели молодые люди в оцепенении, опустив головы, — никто не смог бы ответить на этот вопрос. Некоторые украдкой вытирали рукавом глаза. Вывел всех из шока один из старших студентов Ян Кристолович.

— Будем выполнять приказ. Сложим все оружие здесь и разойдемся по нескольку человек, чтобы не выглядеть организованным отрядом...

Он первым снял с себя саблю, поцеловал ее и, бросив на землю, отвернулся. Понурые, в глубоком молчании, все сложили в кучу ружья, сабли и пистолеты. Совсем недавно — беззаботные студенты, две недели — вольные повстанцы, сейчас они не знали, что ждет их завтра.

— Рассчитайтесь по пять-шесть человек и разбредемся порознь, — Кристолович обернулся и назвал фамилии студентов, с которыми был ближе знаком: — Янковский, Рабей, братья Лятосковичи, Ростковский... Ну и хватит. Советую всем ориентироваться на закатное солнце, так мы скорее выйдем из леса, к проезжей дороге...

Вскоре эти шестеро действительно выбрались на тракт. Их заметили и окружили. Михаил не бросил свой пистолет, который, конечно, обнаружили, занесли в протокол, и это обстоятельство впоследствии усугубило его положение.

Сначала их гнали пешком. Потом под конвоем на телеге доставили в Бобруйскую тюрьму и здесь сразу же разлучили. Царская амнистия осталась на бумаге, всех ожидало следствие.

* * *

Михаил лежал на твердой койке, в сырой и вонючей тюремной камере, бессмысленно разглядывая засиженные насекомыми стены и потолок. Говорить с соседями не хотелось. Из головы не шли напутственные слова То пора: «Запирайтесь, оправдывайтесь, делайте вид, что раскаялись. Берегите себя для будущего»... Значит, нужно разыгрывать простачка, не впутывать товарищай.

В коридоре послышались тяжелые шаги, кто-то снаружи уставился в «волчок». Потом лязгнул замок и на пороге выросла грузная фигура тюремного надзирателя.

— Янковский! Собирайся. Без вещей, на допрос. Руки назад. По коридору вперед, шагом марш...

Перед столом пожилого следователя — обшарпанный табурет.

— Садитесь, Ваша фамилия, имя, отчество. Вероисповедание. Сколько лет?

— Янковский Михаил, сын Яна, Католик. От роду двадцать один год.

— Были ли на исповеди и причастии в атом году?

— На исповеди святого причастия бывал ежегодно.

— Гражданское состояние, где родились, где учились?

— Дворянин Люблинской губернии Царства Польского, студент Горы-Горецкого земледельческого института...

— Бывший. Запомните это раз и навсегда. А теперь расскажите с самого начала о своем преступном участии в мятежнической шайке и ограблении казначейства. Кто подбил на это дело? Помните — говорите только правду, не грешите, не усугубляйте свою вину перед богом и законом.

«Доморацкий уже в могиле, о нем можно...»

— Я знаю, что врать грешно, буду говорить только правду. Вечером 22 апреля однокурсник Доморацкий велел в два тридцать утра явиться на площадь.

— Он вас заставил?

Но тут совесть не позволила очернить покойника.

— Нет, я пошел добровольно. На площади от начальника — его все звали Топор — получил оружие. Он повел нас на казначейство, по его команде стрелял и помогал выносить какие-то ящики...

— Кто разбивал сундуки в подвале казначейства?

— Было еще темно, лиц я не разглядел и не запомнил...

В конце допроса чиновник спросил:

— Что скажете в свое оправдание?

— Я, как и мои товарищи, действовал не по произволу и не из собственной корысти: мы все исполняли команду, как солдаты!

— Вот вам бланк протокола допроса. Вопросы мною заданы на левой, а свои ответы будете излагать по пунктам на правой стороне. Под ними и распишитесь. Когда потребуется, вызовем дополнительно.

Мелким, но разборчивым почерком Михаил записал на казенных листах все свои показания и

расписался.

В течение лета его вызывали еще несколько раз, пытались запутать, но он неизменно повторял, что обо всем сообщил на допросе 22 мая и добавить к этому ничего не имеет.

Наконец в сентябре состоялся суд. В небольшом темном зале впервые за долгие месяцы на скамье подсудимых снова встретились шестеро молодых шляхтичей. Все сильно изменились: похудели, пожелтели, на лицах лежала печать обреченности. Напротив них, за столом, восседали члены трибунала: презус, аудитор, заседатели — все военные.

Коротко опросив юношей, седоусый презус — штабс-капитан — кивнул головой. Аудитор встал и торжественно зачитал постановление:

— Его высокопревосходительство, командующий Виленским военным округом, генерал от инфантерии Муравьев, ознакомившись с материалами следствия, соизволил утвердить решение комиссии полевого суда, по высочайшему повелению учрежденной в городе Могилеве над мятежниками, бывшими дворянами и студента ми... осужденными за вооруженное участие в действиях Горецкой мятежнической шайки и разграбление казначейства в Горках...

Он откашлялся, обвел сидящих на скамье сверкнувшим из-под очков зловещим взглядом и продолжил:

— Далее зачитываю его высокопревосходительства собственноручную конfirmацию по означеному делу:

Командующий войсками Северо-Западного края, наместник царя Муравьев недаром получил в народе кличку «Вешатель». Мягких наказаний он не признавал.

Седоусый презус велел всем расписаться в ознакомлении с приговором и обернулся к начальнику охраны:

— А теперь отведите всех в общую камеру.

Вскоре гражданский губернатор Могилева рапортовал Муравьеву о том, что шестеро преступников отправлены с жандармами на лошадях до Смоленска, чтобы оттуда в «Тобольский Приказ о Ссыльных» они были направлены обыкновенным порядком... «О конфискации их имущества сделано должное распоряжение, о чем он имеет честь уведомить его превосходительство господина командующего».

Жизнь перелистнула еще одну мрачную страницу.

Перед отправкой осужденных в Сибирь пани Елизавета Янковская — мать Михаила — добилась встречи с сыном. Грустные и подавленные сидели они на деревянной скамейке плохо освещенной комнаты свиданий. По коридору за дверью шагал часовой.

— У нас с отцом остается тринадцать сыновей и дочь, но от этого моя боль не легче... Ты всегда радовал нас своими способностями и энергией, но, боже мой, кто мог думать — куда приведет твой темперамент! Но ты пострадал за правду, мой мальчик. Обещай мне, что ты всегда будешь честным и твердым, куда бы тебя не забросила жизнь!

— Это я вам обещаю, мама. И вы с отцом не очень беспокойтесь. Я все выдержу, мне кажется, к этому я себя подготовил. Сейчас для меня гораздо тяжелее другое: ужасно тяготит, что я, кажется, разорил всю семью! Нам ведь зачитали, что имения будут конфискованы.

— Об этом ты не думай. Вы все уже почти взрослые, скоро большинство поступит на службу. Боюсь только, помогать тебе нам будет очень трудно. А пока возьми это...

И, благословляя сына в неведомый страшный путь, пани Елизавета надела ему на пальц станичный

фамильный перстень и, обняв за шею, зашептала:

— Не снимай его, пока все это не кончится. Ты ведь будешь без средств, я не знаю, чем мы сумеем тебя поддержать. Поэтому он может пригодиться, это дорогая вещь...

Она отстранилась, посмотрела ему прямо в глаза в тихо добавила:

— Под камнем заделана ампулка со смертельным ядом. Поэтому... если силы тебя совсем оставят, не давай никому над собой издеваться — сорви рубин зубами!

Измученная женщина не могла продолжать. Опустила голову и вытянула из рукава платок. В ней боролись противоречивые чувства: беспредельная материнская жалость к сыну и мужество, чувство чести. То была их последняя встреча.

СИБИРЬ

Ненастным осенним днем двинулась из смоленской тюрьмы вереница заключенных. В цепях, в окружении конвойных шагали в колоннах арестантов вчерашние студенты. Миновали Москву, прошли сквозь владимирские Золотые ворота. Слегка передохнули, помылись в бане знаменитого централа, и дальше: Нижний Новгород — Казань — Тюмень... «Тобольский Приказ о Ссыльных» встретил лютыми морозами. Отсюда начинался великий сибирский этап, а по тем временам рекордно быстрым считалось, когда эти нескончаемые тысячи верст до Забайкалья преодолевали за полтора — два года.

Но как медленно текли дни «того» года! Весна сменила зиму, наступило знойное лето, снова надвинулась слякотная осень, а колонны, редея, все двигались навстречу солнцу: то снежными, то пыльными, то топкими дорогами. Кто не выдержал — навсегда остался там, где не встал; недолго торчал у обочины деревянный крест, сникнал и падал, и тогда уже ничто не напоминало о том, кто не одолел мучительного пути. Но все дальше месили снег и грязь, поднимали пыль сбитые и стоптанные сапоги и лапти оставшихся в живых... И среди них Михаил.

Давно отстали все пять товарищей. Кто заболел в тюрьме, кто на пересылке; а с малыми сроками вообще отправляли поближе.

Михаил, сжав зубы, перетерпел все: страшный долгий этап и не менее страшные нерчинские золотые рудники глубоко под землей.

Летом их пригнали в станицу Сиваково.

На берегу ослепительно сверкавшей реки Ингоды кипела работа: заключенные строили баржи. Сбросили серые бушлаты, засучили рукава грубых бязевых рубах. Слышался визг пил, стук молотков, удары топора. На берегу толпилось дородное начальство, дымила махоркой сонная охрана.

Неузнаваемо обросший за эти годы густой темной бородой Михаил ловко работал острым топором. Потомок рыцарей оказался на редкость способным плотником, вкладывал в работу смекалку и даже некоторые усовершенствования, чем успел завоевать уважение товарищей и авторитет у начальства.

В это утро он заметил на берегу новичков. Двое тоже бородатых, но крайне не приспособленных к физическому труду интеллигентов бестолково дергали жалобно взвизгивавшую поперечную пилу. Она то прыгала, то ее заедало. И вдруг Михаил услышал восклицание на родном языке: один из интеллигентов помянул дьявола на чистейшем варшавском диалекте. Михаил улыбнулся, подошел.

— Здравствуйте, Панове, разрешите вам помочь.

— О, пан земляк! Будьте ласковы, что-то у нас ничего не получается. Будь она проклята, эта пила и вообще все!

— Сейчас наладим. Будем знакомы, — Михаил представился.

Старшин бородач протянул руку:

— Очень приятно. Бенедикт Дыбовский. В недавнем прошлом натуралист, доктор биологии, а теперь — как видите... А это мой товарищ по несчастью, пан Леонид Домбровский.

Битый каторжник, Янковский, незаметно огляделся.

— На нас уже посматривает начальство. Так что становитесь, доктор, напротив, берите ручку пилы и начнем урок. Тяните на себя спокойно и ровно. Так. Нет, назад не толкайте, а отпускайте пилу свободно, теперь тяну я. Не нужно лишних усилий, не нужно нажима. А ну, пан Домбровский, становитесь на мое

место!

Когда прозвучала команда на перекур, присели на бревна отдохнуть, познакомились ближе. Стали вспоминать родину и нашли общих знакомых, в том числе вольнодумца князя Кропоткина, соседа Янковских по имени. Михаил признался: взгляды Кропоткина ему импонировали. Дыбовский рассказал, что за участие в восстании, за то, что на его квартире в Варшаве не раз собирались руководители Центрального Национального комитета, его едва не приговорили к смертной казни. Однако революционных идей он не разделял. И все же они подружились, хотя и ненадолго: вскоре их партии разлучили.

Но всему наступает конец. Пришла и к ним половинчатая амнистия: политкаторжан отпускали на «вольное поселение» в пределах Восточной Сибири. Михаил вышел из ворот опостылевшего острога, оглянулся и с изумлением пошагал один, без конвоя. И вдруг, взбудораженный ветром и солнцем первой вольной весны, — сорвал с пальца тяготившее годами — как символ смерти — фамильное кольцо и швырнул его прочь! Сверкнув в воздухе красной искрой, драгоценный перстень исчез в глубоком сибирском сугробе. Через мгновение пожалел: последняя память о матери! Но было уже поздно.

Михаил торопился. Скорее, скорее в Иркутск за документами, за направлением — куда угодно, но только к «новому месту жительства»! Пешком, на попутных санях добрался до столицы Восточной Сибири и здесь, на пороге полиции, столкнулся с Дыбовским. Вместе вышли из губернского полицейского управления.

— Ну-с, куда же вас направили, пан Михаил?

— На Ленские золотые прииски, на Олекму, пан доктор, а вас?

— Мне наконец разрешили заняться научной работой. При поддержке Географического общества начну изучать подводную жизнь Байкала. Но с вами связи терять не будем. Как прибудете на Олекму, сразу же сообщите адрес... Вы, конечно, слышали о недавнем героическом восстании на Кругобайкальской дорожной? Предлагаю пойти поклониться братской могиле.

Холмик — общая могила четырех расстрелянных руководителей мятежа политзаключенных — еще не зарос травой. Чьи-то заботливые руки не давали ему исчезнуть с лица земли. Сняв шапки, двое ссыльных долго молча стояли на месте казни, почтив память погибших товарищей.

Вскоре они расстались надолго. Бенедикт Дыбовский стал первооткрывателем подводных организмов «Священного моря», а село Култук, где он жил, вечным памятником неутомимому ученому.

Янковский устроился на золотом прииске на Олекме. На первые заработанные деньги купил старое кремневое ружье, порох, кусок свинца. Вечером, при коптилке, отковал три пули: на четвертую свинца не хватило и он пожалел истратить хотя бы одну на пристрелку. На заре надел лыжи и отправился в тайгу. Выследил огромного лося, подкрался, тщательно прицелился — трах!!! Но когда дым рассеялся, сошатого на месте не оказалось. Обескураженный, Михаил затесал толстую лиственницу, выстрелил в нее с упора и тоже не попал. Стало ясно — кремневка свой век отслужила. Он вернулся в поселок и со вздохом кинул фузею в сарай.

С этого дня дал зарок, а впоследствии завещал сыновьям: никогда, ни при каких обстоятельствах не выходить на охоту с непристрелянным ружьем.

Прошел год, второй, третий. Жизнь наладилась, появился достаток. Страстный охотник приобрел винчестер, двустволку, завел легавого пса Барса. Изредка приходили письма от Дыбовского, делившегося своими открытиями. Михаил отвечал, что устроился неплохо, живет в тепле, сыт, свободное время проводит на охоте. Это, конечно, не каторга. Но ему здесь тесно, все однообразно, а так хотелось бы

поездить, посмотреть свет...

И вдруг письмо от доктора. Он завершил работу на Байкале и предлагает принять участие в экспедиции на Дальний Восток. Дыбовский получил разрешение генерал-губернатора на троих: себя, Годлевского и Янковского. И хотя наместник в средствах отказал, его поддержал ответственный секретарь Географического общества Усольцев, выделил на организацию путешествия пятьсот рублей. Они с Годлевским на днях выезжают в Забайкалье и, если Михаил согласен, пусть догоняет их в Чите.

Янковский не колебался ни минуты. Взял расчет и сел на первый уходивший вверх по Лене пароход. Добрался до Иркутска, получил у Усольцева пропуск, переправился через Байкал и прискакал на почтовых в Читу. Через несколько дней все встретились на берегу памятной Ингоды, в станице Сиваково, в избе потомственного забайкальского казака Силы Михайловича Ковалева.

Дыбовский поставил перед собой цель подробно обследовать бассейн Амура и через Уссури пробраться к берегам Японского моря, в Приморский край. Но как преодолеть пространство в несколько тысяч верст с неизбежными препятствиями? Мысль о путешествии на лошадях отпадала. Лучше всего надежное, удобное судно. Но где его взять? В станице ничего подходящего не было.

Дыбовский задумался, потом пытливоглянулся на Янковского.

— Вся надежда на вас, пан Михаил. Возьметесь построить ладью, которая будет служить нам и домом, возможно, на два-три года?

— Попробую, пан доктор. Давайте завтра же отправимся искать нужный материал...

В нескольких верстах от Сиваково осмотрели сосновую рощу, выбрали, спилили и сплавили в станицу огромную, почти без сучков, лесину. Закатили на козлы и распустили ее на доски и плахи. Михаил посидел вечер, составил чертеж. Потом заготовил из корня шпангоуты, наточил топор и взялся за дело.

Работал с душой, с подъемом. Быстро загоревший, в полинявшей рубахе с закатанными рукавами, без шапки, со спиральками мелкой стружки в пышных каштановых шевелюре и бороде, он мастерил свое детище от зари до заката. Товарищи помогали, как могли: где поддержать, где перевернуть. Отзовчивые станичники несли кто гвозди, кто смолу, кто паклю. Их «Надежда», как ее окестили, хорошела с каждым днем. Она вышла просторной и достаточно легкой, чтобы три человека могли управлять парусом, а когда нужно — гнать ее на шестах или на веслах. В ящике с песком оборудовали кухню, где можно на ходу разводить огонь, варить обед или чай. На специальных дугах в непогоду натягивался брезент, под ним получалась каюта. Из плотно связанного в пучки камыша Михаил сделал три спасательных пояса. Такой же, только более мощный пояс, охватил «Надежду» вдоль бортов, сделав ее непотопляемой.

Ладью опробовали на воде и вытянули на катках на берег под погрузку, а наутро назначили выход в дальнее плаванье. Вечером все в последний раз сидели в просторной горнице Силы Ковалева и, поужинав, принялись за неизменный, со сливками, солоноватый забайкальский чай — сливан. Дыбовский не скрывал своей радости:

— Наконец-то все готово и можно отправляться. Но, главное, какое судно получилось, а? На нем, если потребуется, пройдем хоть до Тихого океана! Молодец, пан Михаил, моя вера в ваши способности полностью оправдалась.

Янковский смущенно улыбнулся.

— Мне и самому по душе наша «Надежда». И знаете, не покидает предчувствие — впереди ждет что-то необыкновенное!

Годлевский только сдержанно кивнул. Они с Янковским успели уже не раз спорить на политические темы и довольно резко расходились во взглядах. Пан Виктор называл Михаила марксистом и даже

коммунистом.

Сила Ковалев с шумом потягивал сливан. На темном от степного загара лице резко проступали глубокие морщины, кольцо в кольцо курчавилась слегка посеребрившаяся черная борода. Но очень молодо и твердо смотрели живые, как у кречета, зоркие глаза. Он согласно наклонил голову.

— Лодка — красавица, что и говорить. Заглядение. Берегите свою «Надежду» пуще ока. Только ты, Бенедикт Иванович, запомни одно: народ здесь всякий, — ухо нужно востро держать. Я не о станичниках, казаки народ добрый, не обидят. А поплывете дальше, у незнакомого берега на ночь не становитесь, на якоре надо ночевать, в сторонке. Ежели какой варнак с берега и сунется, на воде его ночью завсегда слыхать. А сами проспите — Барсик ваш взлает, предупредит...

— Спасибо за совет, Сила Михайлович, но разве и теперь еще бывают случаи нападения на проезжих, грабеж?

— Береженого бог бережет. Тут, паря, Забайкал сам знаешь. Беглому уголовнику черт не брат, он с голоду чего не натворит. — За ним стража гоняется, а он и сам спуску не дает. Слыхал, поди, песню: «Славное море — священный Байкал»? Как там говорится: «Шилка и Нерчинск не страшны теперь, — пуля стрелка миновала». Вот и не забывайте про такие дела, смотрите в оба...

Утром вся станица высыпала на берег провожать путешественников. «Надежду» дружно столкнули с катков и она, украшенная флагами, горделиво закачалась на речной волне. Бенедикт и Михаил сели на весла, Виктор примостился у руля, Барсик застыл на носу. Наступила торжественная минута.

— Спасибо, друзья, за все! Счастливо оставаться! Прощайте!

Дыбовский поднял над головой фуражку, Янковский оставил весло и — ба-х-ба! — дал салют из двустволки. Станичники скинули шапки, бабы замахали платками и над рекой раскатилось, как в хоре: «С бо-го-м!!!..»

«Надежда» развернулась на быстрине, еще раз покрасовалась перед старицей и скрылась за поворотом.

«НАДЕЖДА»

Иногда и Онон, сбегаясь, образуют Шилку. Шилка и Аргунь — Амур. Вниз «Надежду» увлекало течение, вверх — парус, а когда не было нужного ветра, поднимались на веслах, на шестах. Порою тянули свою ладью по-бурлацки, бечевой. В береговых обнажениях брали образцы горных пород, изучали рыб, на стоянках добывали зверей и птиц, ловили насекомых. Препарированные, пронумерованные и описанные экспонаты отправляли со встречными пароходами в Иркутск, Усольцеву.

Разведав Ингоду и Онон, спустились по быстрой Шилке и поднялись по Аргуни. Здесь, в небольшой станице на русской стороне, провели первую зиму. «Надежда» отдыхала на берегу, ученыe в теплой казацкой избе обрабатывали летние материалы. Охотились и а стенных козлов — дзеренов, косуль — гуранов, как зовут их в Забайкалье, дроф, волков, лисиц.

Однажды днем в избу вбежала возбужденная хозяйка.

— Господа, тревога! К станице конный отряд приближается! Варнаки! Прошлые годы они сколь раз налетали...

Похватав оружие, все выбежали во двор. В самом деле, к селу приближались вооруженные всадники. Станичники — стар и млад — выбегали из своих домов и, щелкая затворами бердан, строились за деревянным частоколом. Но вдруг крик:

— Да это ж наши! Казаки!.. Отставить! — раздалась команда.

И действительно — казачий эскадрон был уже у окопицы. Стали видны усатые и бородатые лица, папахи, шашки, пики. Все высыпали встречать и замерли в изумлении. В центре отряда важно вышагивал длинноногий верблюд, а на нем, в роскошном седле с вышитой попоной, восседал в бобровой шапке бородатый вельможа. Мигом построенные станичники взяли на караул.

Высокий чиновник приподнял свои бобры, милостиво раскланялся со встречавшими и поплыл сквозь станицу дальше. Есаул подъехал к атаману заставы, поднес ладонь к папахе:

— Вольно! Не беспокойтесь, распустите людей. Эскадрон на постой не встанет, ночевать намерено в следующей крепости.

— Слушаюсь! Р-пра-зойдись! — по-военному скомандовал седоусый хорунжий, а потом менее официальным тоном спросил: — Кого это изволите сопровождать, ваше благородие?

— Русский посол в Китае. Направляется из Пекина в Кяхту, — сотник улыбнулся и добавил негромко: — Кавалерист не ахти важный, вот и путешествует на верблюде. Собственном!

Он снова козырнул атаману и легким наметом пустился вслед удалявшемуся эскорту. А посол, в окружении лихих казаков, уже выплывал в степь, мерно покачивался на своем «корабле пустыни», направляясь дальше по древнему великому «Чайному пути»...

Весна набежала раньше обычного. И как только Аргунь очистилась ото льда, сползла на катках в реку «Надежду». Но лето 1873 года оказалось на редкость сухим и жарким, русло быстро обмелело. Лодка часто садилась на песчаных косах, плавание задерживалось. Помня советы деда Силы, ночевали на якоре на тихих плесах, в стороне от суши, хотя правый маньчжурский берег казался совсем пустынным. Лишь однажды видели двух конных монголов.

Не скоро миновали знакомое устье Шилки и оказались на могучей спине плавного Амура. На русской стороне стали появляться небольшие казачьи станицы с белыми церквушками на пригорке, с небольшой пристанью. Путешественники высаживались, чтобы купить хлеба, молока, овощей. Разнообразнейшей

рыбы и мяса добывали вдоволь сами.

Велик батюшка Амур. Только в августе показались долгожданные купола церквей города Благовещенска. Приближалась осень, а до Уссури было еще далеко, и Дыбовский надеялся договориться с пароходом. Оставив «Надежду» и ее экипаж у причала, доктор ушел в город. Прошел час, другой, третий.

— По-моему, мы только теряем время. Надо поскорее грузить продукты и плыть дальше. Кто согласится тащить нас на буксире до самой Хабаровки? — ворчал Виктор Годлевский.

— Смотрите, а вон и доктор с целой свитой военных! — Михаил указал на приближавшуюся группу с Дыбовским и представительным старшим офицером во главе.

— Знакомьтесь, друзья! Это мой старый товарищ по школе, полковник Жолнаркевич, — представил Дыбовский офицера. — Право же, везет нам на земляков. При содействии пана полковника я уже договорился с капитаном, он берет «Надежду» на буксир до Хабаровки. А устье Уссури там рядом!..

Опасаясь искр, летящих из трубы парохода, сняли с «Надежды» ее спасательный пояс и вскоре она послушно покачивалась в кильватере спешащего вниз по Амуру колесного пароходика. Через несколько днен показался теперешний краевой центр, а тогда — всего лишь большое село Хабаровка.

Как только вошли в устье Уссури, ветер повернул, их прижало к отмели. Пришлось снова стать бурлаками.

Барсик выскочил на берег и, довольный, весело побежал впереди, Бенедикт и Михаил взяли концы веревок через плечо и зашагали по пологому берегу. Стоял сентябрь, погода стала портиться, начался валовый осенний перелет птицы. Над рекой стоял свист и гам. Натуралисты-охотники, как зачарованные, не могли оторвать глаз от неба, то и дело оборачивались. Барсик подпрыгивал, визжал, забегал в воду. Низко над рекой проносились огромные стаи клоктуна, кряквы, шилохвост. Борясь со встречным ветром, гогоча и попискивая, тянулись косяки гусей и казары. Величественно, как по струнке держа четкий строй, плыли в небе белые цепочки лебедей. Чувствуя приближение непогоды, птица валом валила на юг, к озеру Ханка и дальше к границе Кореи. Здесь пролегала ее большая дорога.

Добрались до станицы Козакевичево и остановились на зимовку. Здесь они встретили 1874 год.

Работа не прерывалась. Янковский и Годлевский ходили на лыжах в тайгу, охотились на зверя, добывали немало новых интересных для коллекций птиц. Но в марте случилась беда: сгорела на охоте в лесу палатка. Возвращаясь в станицу, Янковский от ослепительного весеннего снега получил тяжелый ожог глаз. Едва добрался и слег.

К счастью его сразу же окружила заботой молодая станичная фельдшерица Катя Полозова. Лечила, водила ослепшего, как маленького, за руку, вечерами читала ему вслух. Он уже стал видеть, но с удовольствием проводил с ней время. Ему нравилось, как она читала, нравилась и сама Катя.

Но в один из вечеров; когда удобно расположившись в кресле, он внимательно слушал ее милое чтение, в дверь постучали. Девушка встала, переговорила с кем-то в прихожей и вернулась встревоженная и какая-то грустная.

— Михаил Иванович, вас просит к себе доктор... Мне кажется, случилось что-то очень важное!..

Он шагал по затихшей вечерней станице. Наступили первые дни апреля, на Уссури образовались большие полыньи, от них поднимался пар. Поля почернели, в воздухе пахло талой землей, весной, на душе было как-то тревожно. Вдруг Михаил услышал свист крыльев, остановился. Забилось охотничье сердце. И — га-ак! — темная полоса полумесяцем прошуршала над головой: гуси уже возвращались на север.

В комнате Дыбовского сидел незнакомый мужчина. Он встал.

— Каэтан Чаплеевский, здравствуйте, — гость протянул руку.

— Пан Чаплеевский совсем недавно назначен управляющим прииска на острове Аскольд неподалеку от Владивостока, но неожиданно получил разрешение вернуться на родину и ищет замены, — начал Дыбовский. — Он просил меня рекомендовать ему подходящего человека, и я подумал о вас. Вы образованны, молоды, энергичны, за годы работы на Олекме близко познакомились с приисковым делом. А насколько я наслышан, Аскольд — интереснейшее место, флора и фауна необыкновенно богаты и разнообразны. Кроме того, будете иметь вес в обществе, управляющему положен прямо-таки министерский оклад. Однако надо решать быстро. Если вы откажетесь, пан Каэтан завтра же отправится искать кандидата в Хабаровку...

Перед глазами Михаила встал далекий таинственный остров, лежащий где-то в известном лишь по учебнику и атласу теплом Японском море. Поплыли увлекательные картины. А, главное, он будет сам себе хозяин. Так надоело быть в вечном подчинении, делать все по чужой указке. Ведь с самого начала этого путешествия его не покидает предчувствие каких-то очень важных грядущих событий. Да, такого случая в жизни может больше и не представиться!

Он без колебаний принял предложение.

А через несколько дней тронулся лед. С первым колесным пароходиком, задымившим вверх по Уссури, Сунгече, а дальше на озеро Ханка, отбыли и Янковский с Чаплеевским. На крохотной пристани станицы Козакевичева их провожали Дыбовский, Годлевский и новые друзья. Все улыбались, желали успехов. Не улыбалась только одна молодая фельдшерица Катя...

АСКОЛЬД

Михаил Иванович и Чаплеевский стояли, облокотясь на деревянный, пропахший смолой и китовым жиром борт шхуны. Поскрипывая счастью, видавшая виды «Морская корова», с легким шипением вспарывая зеленоватую волну, уверенно бежала на юго-восток. Слева по борту вдалеке проплывали округлые сопки, справа — бескрайний горизонт. По носу, часто хлопая по воде короткими крыльышками, поднимались стайки морских уток, над мачтой и за кормой с криком вились чайки. А на спокойной поверхности моря то и дело показывались круглые, как шар, головы нерп. Легкий бриз был напоен запахами весеннего моря. Михаил не мог скрыть свой восторг: так вот оно какое, это Японское море! Какой необъятный простор, какой вид. А воздух? Честное слово, только ради одного этого стоило совершить весь пройденный им путь!

Вчера во Владивостоке они с хозяином прииска Кустером закончили все формальности по передаче дел, и теперь Янковскому оставалось только осмотреть хозяйство и подписать акт. В кармане у него лежало письмо Кустера к заместителю и временно исполняющему обязанности управляющего Бабику, согласно которому Михаил Иванович с сегодняшнего дня становился главой всего движимого и недвижимого на острове Аскольд.

— Пошли на мостик, я познакомлю вас с капитаном, — предложил Чаплеевский. — Очень интересная личность. Вольный шкипер-китобой. Приплыл из Финляндии, на маленькой шхуне обогнул Африку. Путешествие заняло одиннадцать месяцев! Цинговали, чуть не погибли. В Южно-Китайском море их суденышко попало в невиданной силы ураган. Все решили, что им конец, побросали свои места и, упав на колени, звали на помощь небо... И только шкипер Гек не пал духом, заревел: «Мужчины вы или бабы?! А ну — все по местам!» Один привел в себя весь экипаж, спас судно и людей...

Они взошли на капитанский мостик. Широкоплечий финн в кожаной куртке и высоких сапогах смотрел в подзорную трубу. Ветер слегка шевелил пышную рыжеватую бороду, у пояса, в ножнах, висел длинный кривой кинжал.

— Фридольф Кириллович, я хочу познакомить вас с новым управляющим Аскольда. Надеюсь, будете дружно работать.

Шкипер протянул широкую мозолистую ладонь:

— Фридольф Гек.

— Ваш дом тоже на Аскольде?

— Нет, недалеко, на другой сторона пролив. Бухта Стрелок, — Гек говорил по-русски бойко, но ломано, с заметным акцентом. — Я с Кустер подписал контракт, буду возить люди и груз, каждый месяц делать на Аскольд один-два рейса.

Капитан уже обратил внимание на ружья и собаку, с которыми Михаил Иванович поднялся на палубу.

— Любите охоту?

— Люблю. Не могу жить без нее.

— Это хорошо. Я тоже. Как-нибудь пойдем вместе на кита.

Туман на востоке стал рассеиваться. Гек обернулся.

— Вон, уже Аскольд видно. Берите труба, смотрите — какой красивый ваш остров!

Михаил Иванович навел сильную морскую подзорную трубу. Из моря поднимался и двигался

навстречу гористый, чуть опушившийся первой зеленью красавец Аскольд.

На пристани их встречали. Рядом с помощником управляющего Бабихом стояли бухгалтер, казначей, десятники. Чуть подальше — старшины артелей — батоу.

Они жали руку, кланялись, улыбались.

На следующий день Михаил Иванович подписал акт, пожелал Каэтану счастливого пути на родину, попрощался с Геком. Просил в следующий раз обязательно остановиться у него ночевать. «Морская корова» подняла паруса и легла на обратный курс.

Янковский расположился в отдельном уютном домике управляющего. Андрей Петрович Бабих ему понравился. Среднего роста, проворный, энергичный. И хотя несколько едкий, но умный и наблюдательный, он тонко разбирался в обстановке на острове.

— Со своими служащими у нас все в порядке, Михаил Иванович. Есть, правда, любители выпить, но в меру, В общем, народ добрый, честный. Слабое место — артельщики. Вчера они встречали вас улыбками, а что у них на душе — сказать затрудняюсь.

— Что вы имеете в виду?

Видите ли, Михаил Иванович, прииск, по сути дела, еще не имел постоянного управляющего: то был один, то другой, все временно. Поэтому никто в дела толком не вникал. А это привело к тому, что здесь выработалась свои неписанные законы. Перебороть их трудно, никто не рисковал за это взяться...

— А чем они вредят делу?

— Во-первых, артельщики утаивают часть золота и контрабандно сплавляют его за границу. Я докладывал Чаплеевскому и его предшественнику, но они отмахивались. Дело-то рискованное: здесь несомненно орудует хорошо организованная банда хунхузов. Поэтому никто не захотел рисковать. Ведь они умеют мстить и, как правило, жестоко. Во-вторых, извели почти всех пятнистых оленей. Быт их нещадно ради дорогих целебных пактов. Ну, и ради шкур, мяса, конечно. Судя по глубине пробитых на склонах гор тропинок, раньше их тут водилось, вероятно, огромное количество, а теперь, не знаю, осталось ли несколько десятков голов. И эти, последние, забились в обрывы и вот-вот исчезнут совсем.

— И вы спокойно разрешали так безобразничать?

— Э-э, легко сказать — разрешали! Один в поле не воин. Кому бы я ни предлагал взяться как следует, все — моя хата с краю... Я уверен, в артелях есть хорошо замаскированные настоящие бандиты. Все их боятся и слушаются беспрекословно. И концы найти нелегко, они ведь прекрасные конспираторы.

— И эти старшинки — батоу, которые встречали нас поклонами и улыбками — тоже из их числа?

— О, нет. Это настоящие труженики, по, чувствуя, они ужасно запуганы.

— Ладно, Андрей Петрович. Спасибо, что посвятили во все подробности. Будем бороться. Если возьмемся дружно, мы их одолеем. Иначе нам тут делать нечего.

В ближайшие дни Михаил Иванович обошел весь остров и остался от него в восторге. Впервые в жизни встретил он такое богатство и разнообразие природы. Бархатное дерево, огромный, стройный и раскидистый маньчжурский орех, дикая акация маака. Реликтовое хвойное красное дерево — тис. На берегу спугнул выдру, в море наблюдал морских львов, сивучей. В лесу увидел и услышал множество невиданных раньше птиц. В неприступных обрывах рассмотрел в бинокль притаившихся от людей пятнистых оленей. Сердце натуралиста ликовало и страдало: «Да, Бабих прав: еще немного — и редкие животные будут уничтожены. Надо действовать...»

В воскресенье собрали всех рабочих, и Михаил Иванович предупредил, что за намытым золотом

устанавливается строгий контроль, все до единого золотника должно сдаваться в кассу. Охота на оленей временно запрещается. — Нарушителей будут судить и изгонять с острова навсегда.

Но прошла неделя, другая и вновь поступили тревожные сигналы. Ночной сторож доложил, что перед рассветом, как и месяц назад, несколько темных фигур прокрались с шаланды к ближайшему от моря бараку, а вскоре, крадучись, отнесли на борт какой-то груз. И та, подняв прямой серый парус, скрылась в тумане.

Солнце уже садилось в море, когда Михаил Иванович, обойдя излюбленные места, проходил по гребню неприступных обрывов.

«Когда же олени начнут выходить на пастбище? В этих скалах и россыпях скоро для них не останется ни травинки».

И вдруг, показалось, над ухом пролетел шмель — взжик! Что-то шлепнуло в утес почти на уровне головы, а затем из ущелья донеслось — пах-х-х! Он оглянулся и успел заметить голубоватый дымок. Как кошка, юркнул под скалу, обежал вокруг и осторожно сверху заглянул в расселину. Но там уже никого не было.

В сумерках вернулся в поселок и сейчас же послал мальчика за Бабихом. Выслушав, Андрей Петрович потемнел:

— Задумали избавиться, сволочи! Вот почему все и боялись их трогать. Что будем делать?

Медлить было нельзя, авторитет нового начальства колебался. Посовещались и решили тайно, без свидетелей, пригласить на беседу двух главных старшин.

Поздно вечером в окно домика управляющего постучали. Бабих открыл дверь, и в комнату, кланяясь, вошли оба батоу: толстый розовощекий Сунь и конопатый желтолицый Ван. Они ломано, но бегло объяснялись по-русски на том особом диалекте, который хорошо знаком каждому старожилу-дальневосточнику. Старшинки присели на стулья, Михаил Иванович предложил чай. Гости задымили трубочками.

— Что будем делать дальше, старшинки? Не слушаться моих указаний и уходить с острова или дружно работать? — управляющий перевел взгляд с одного на другого.

Экспансивный Сунь вскочил со стула и хлопнул себя по ляжкам:

— А — я, хозяин, вы верно говори, только мы виновата нету. Новый закон все знай, наша люди кругом согласна, если только...

— Что только?

— А — я, моя говори не могу! Моя боиса.

— Чего боишься? Нас никто не слышит. Говори.

Сунь растерянно глянул на товарища.

— Ван, расскажи все, как есть, — сказал Бабих, — вместе будем хорошенко думать.

Хмурый Ван глубоко затянулся, выбил трубочку о толстую мягкую подошву туфли и стал еще желтее.

— Хорошо, я говори буду. Вы, русска, наша закон худо знай. Наша люди кругом хорошо, только один плохо — хунхуз...

— Откуда хунхузы, где они?

— Его здесь давно живет. Вы посмотри — его как рабочий одинаково. Его рабочий нету. Его только

карта играй, опий кури, рабочий люди деньги забирай. Это они золото укради, олени стреляй, никому не боися.

— А сколько их всего здесь?

— Моя артели семь, Сунь артели — пять люди, кругом двенадцать.

— И несколько сот человек им подчиняются! А как их можно узнать, если они одеты как рабочие? — Михаил Иванович даже привстал. Бабих тоже в упор глядел на старшинок.

Ван сощурил и без того узкие, как щелки, глаза.

— Слушай моя. Хунхуза рубаха, штаны говори не могу. Его рука могу хорошо говори. Котора рука кайла, лопата держи нету, — только карта, ружье, ножика держи, — такой рука чиста, гладка, как мадама одинаково. Хорошо глаза посмотри — сразу видать!

Янковский и Бабих переглянулись.

— А вы можете их нам указать?

Оба батоу отрицательно покачали головами.

— Наша не могу. Если наша покажи, — через три, пять, десять солнца все равно помирать будем.

— А как же от них избавиться?

— Ваша надо сам нашел, сам выбирай, сам прогоняй. Сейчас...

Старшинки тихонько выглянули за дверь, в темноте обошли дом и, вернувшись в комнату, предложили свой план. Управляющий с помощником придут в бараки посмотреть, как живут рабочие. После получки, как правило, идет азартная игра в карты и кости. Пусть постоят возле каждой компании, как бы интересуясь игрой, но смотрят на руки. И сами увидят: кто рабочий, а кто...

Ван прибавил:

— Раньше нам никто не помогал. Если вы поможете — шибко спасибо. Без хунхуза нам будет легко работать. Когда вы приедете, на меня смотреть надо. Я сзади главный хунхуза встану, говорить ничего не могу, только вот так — из трубка дым так пускать будем! — Он задрал голову и выпустил вверх к потолку сизую струю.

Когда после первого числа — дня расчета, Янковский и Бабих явились в большой барак, дым там стоял коромыслом. Было шумно, пахло бобовым маслом, чесноком, китайской водкой. Сквозь облака табачного дыма дальний конец барака — как в тумане, гулянка в полном разгаре. У игроков — возбужденные, потные лица. Сверкающие, как при высокой температуре, глаза тревожно заглядывали в засаленные продолговатые карты с замысловатыми иероглифическими знаками.

Двигались заскорузлые, со сбитыми ногтями и корявыми пальцами, мозолистые клешни и холеные, с длинными ногтями, не ведавшие черной работы, руки аристократов...

Вошедшие многозначительно переглянулись: они с первой же минуты оценили мудрый совет своих старшинок.

— Черт возьми, но я насчитал всего одиннадцать, — едва слышно процедил сквозь зубы Бабих. Они еще раз обошли длинный стол и вопросительно посмотрели друг на друга.

— Да-а, где-то захоронился еще один — невидимка. И старшинки не уходят, чувствуют, что мы недосчитались.

Вдруг Михаил Иванович почувствовал легкий толчок в локоть. Это, протискиваясь сквозь толпу зевак,

будто невзначай задел его конопатый Ван. Вот он прошел к краю стола и задержался за спиной невзрачного чумазого человечка. Тот был одет в засаленную синюю куртку с такими длинными рукавами, что из них лишь едва выглядывали кончики пальцев... с длинными, загнутыми ногтями!

Он сидел нахохлившись, ни на что, кроме карт, не обращая внимания. Ван как бы случайно остановился за спиной игрока, задумчиво затянулся трубкой и, мечтательно глядя в потолок, выпустил вверх тонкую струю табачного дыма.

— Он! И, кажется, самый главный, — шепнул Андрей Петрович, — теперь, пожалуй, все.

Наступил решающий момент.

Михаил Иванович попросил всех временно прекратить игру. Наступила тишина, десятки черных и коричневых глаз были устремлены на них. Янковский и Бабих стояли рядом, руки в карманах, и опытные бандиты поняли: не в пустых. Они не тронулись с места. А в это время, по сигналу стоявшего в дверях служащего, в тамбур вошла вооруженная охрана золотой кассы. Михаил Иванович освободил левую руку и указывая по очереди на каждого из двенадцати, сказал:

— Этим встать и идти к выходу. Завтра их увезут с Аскольда, потому что они ослушались моего приказа: крали золото, стреляли оленей. Дальше так будет с каждым. Марш на выход. Быстро!

В полной тишине растерявшиеся бандиты встали и один за другим потянулись к выходу... А утром вся шайка была посажена на шаланду, под конвоем доставлена во Владивосток, передана властям. Несколько сочувствующих прихлебателей потихоньку покинули остров сами, и на Аскольде установился новый порядок. Первое время ходили слухи об угрозах хунхузов отомстить, но постепенно и они заглохли.

Поздней осенью капитан Гек привез письмо от Дыбовского и рассказал, что они с Годлевским остановились на зиму на его хуторке в заливе Стрелок. В письме Бенедикт Иванович сообщал, что в конце лета они с большими мытарствами добрались до Владивостока и, не найдя ничего лучшего, решили провести эту зиму здесь, через пролив от Аскольда. Он мечтает добыть для коллекций наиболее редкие виды крупных млекопитающих, прежде всего очень скучо описанного пятнистого оленя и уссурийского тигра. Весной намеревается приехать в гости.

С волнением встречал Михаил Иванович прибывшую первым весенным рейсом «Морскую корову». Уже издали, как только шхуна вошла в бухту Наездник, друзья махали фуражками, а встретившись на берегу, крепко обнялись.

— Счастлив принять дорогих гостей!

— А я — приветствовать вас на этом посту, убедиться в том, что не ошибся, рекомендую вас Чаплеевскому! — Голубые, глубоко посаженные глаза Дыбовского светились отеческой лаской. Всегда немного угрюмый, с несколько тяжелыми чертами лица, Виктор Годлевский на этот раз тоже сдержанно улыбался в каштановую бороду.

— Идемте прямо к столу. Дома все готово, — Михаил Иванович обернулся к сошедшему на берег Геку. — Спасибо, Фридольф, что доставил дорогих гостей. Как управишься, шагай скорее ко мне обедать. Будем ждать!

За столом Янковский с увлечением расспрашивал о работе в заливе Стрелок:

— Ну, как, удалось добыть тигра и оленей? Я припас для ваших коллекций очень красивые рога с черепом.

— Спасибо, не откажемся, хотя мы и добыли пару средних экземпляров. С тигром, конечно, было куда

труднее. Ведь мы с паном Виктором не такие отменные стрелки, как вы. И, честно говоря, не рисковали выслеживать этого страшного хищника, хотя он дерзко бродил вокруг нашей фанзы очень долго. Но нам неожиданно повезло: туземец-охотник научил настороживать самострел возле туши задавленного оленя. Мы все наладили правильно, но первого лишь ранили: тигр вырвал зубами вонзившуюся в лопатку стрелу и ушел как ни в чем не бывало.

— Вот дьявол, ну и зверь! Нужно было догонять по следу.

— Не рискнули. Раненный, он, говорят, обязательно устраивает засаду. Вот где пожалели, что нет с нами вас.

— Спасибо за комплимент. А что же дальше?

— Дальше меня осенила мысль воспользоваться методом дикарей, о котором я читал: действовать отравленной стрелой. Я начинил наконечник стрелы стрихнином и следующий тигр был наш!

Летом 1875 года Дыбовский с другом побывал на Аскольде еще несколько раз. Михаил Иванович встречал их как братьев, помогал, чем мог. В последний приезд доктор сказал, что осенью решил вернуться на Байкал, продолжить незавершенные исследования. В будущем мечтает организовать экспедицию на Камчатку.

И они вновь расстались на несколько лет.

* * *

— В делах и заботах незаметно промелькнул год, другой, третий. Обстановка на острове за это время заметно изменилась. При поддержке служащих и всех истинных любителей природы Янковский и Бабих организовали аскольдинское охотничье общество, выработали устав, которому теперь подчинялись все. Устав ввел запрет на отстрел оленух, строго ограничил сроки охоты на все виды дичи. В первую же зиму они истребили хищников, а весной отловили на материке и выпустили на острове фазанов. Выбравшись из клеток, пленники сначала боязливо озирались, а потом один за другим стремглав мчались в кусты.

Крутые склоны сопок, на которых не задерживался подолгу снег, богатые орехом и ягодой леса и кустарники пришли новоселам по душе. Не встретив своих злейших врагов — лисиц и диких котов, они начали необыкновенно быстро размножаться. И хотя на следующую осень на фазанов уже открыли охоту, выводков становилось все больше. Осеню и зимой длиннохвостые, разрисованные всеми оттенками радуги петухи в окружении серо-палевых рябых курочек храбро разгуливали по полям и огородам, а весной, взобравшись на высокий пень или камень, оглушали окрестности хриплым победным возгласом — «кок-ко-ко!»

Олени каким-то шестым чувством тоже уловили перемены. Выбралась из неприступных обрывов старая матка, расставила уши, огляделась, понюхала воздух — все спокойно. Свистнула — и потянулись за ней боязливые оленухи и молодежь. Последними осторожно вышли рогачи. Вскоре, к общему удивлению, олени запестрели рядом с пасущимися на зеленом лугу коровами и лошадьми.

Все свободное от работы время Михаил Иванович отдавал изучению острова и сбору коллекций. Предсказания Дыбовского оправдались: Аскольд действительно оказался интереснейшим оазисом среди океана. Он служил естественной станцией для массы перелетных бабочек и птиц, вокруг его скалистых берегов водилось множество морского зверя: нерпы, ларги, лахатки и — красы северо-восточных морей морских львов-сивучей. Спрятавшись в расселинах скал южной гряды острова, Михаил Иванович подолгу наблюдал жизнь этих огромных ушастых тюленей.

Старые, до тонны весом, вожаки приводили сюда свои гаремы — полтора, два десятка самок и

молодежи. Они поразительно ловко взбирались на площадки отвесных скал, укладываясь греться на солнце. Когда же поднимался южак и волны, разбиваясь о рифы, начинали орошать сивучей каскадом сверкающих брызг, они приподнимались на передних ластах и, задрав к небу усатые морды, принимались оглушительно реветь. Объединенный их хор под аккомпанемент морского прибоя был слышен в тихое утро на расстоянии нескольких миль!

Но вот, чем-то потревоженные, сивучи вдруг прыгали со скал обратно в море, а вынырнув, застывали на поверхности, наблюдая за берегом. Потом затевали игры вперегонки, развивая поразительную скорость, а нырнув, смаху высакивали из воды, успевая перевернуться в воздухе, и вновь падали в море головой вниз. Наконец, угомонившись, громко фыркая и перекликаясь на самых низких басовых нотах, всей стаей отправлялись на прогулку вокруг всего острова.

За эти годы Михаил Иванович успел собрать уникальные коллекции бабочек и птиц. Ведущие энтомологи и орнитологи России и Европы слали ему похвальные отзывы, делали заказы. Впервые описанным видам давали его имя, и оно становилось известным в ученом мире. В общем, после всего пережитого каждый на его месте, естественно, был бы доволен достигнутым. Еще бы: орнитолог Варшавского университета профессор Тачановский сообщил, что составленный им список птиц Восточной Сибири благодаря коллекциям Янковского вырос на одиннадцать единиц. А энтомологи братья Обертюр из Франции поздравили с присвоением его имени семнадцати вновь открытых для науки подвидам бабочек!

Не везло только в личной жизни. Он встретил хорошую подругу и хозяйку, вдову погибшего солдата. Но, родив ему сына, женщина умерла. Похоронив ее, Михаил Иванович взял для мальчика няню, для ведения хозяйства нанял повара.

Но любимую охоту не упускал ни при каких обстоятельствах. С осени, едва первые лучи золотили высокие пики Аскольда, пробирался с Барсиком по склонам еще не освещенных распадков. К началу рабочего дня без добычи не возвращался: нес то гуся, то связку уток, то фазанов.

Бывший ресторанный повар готовил отменно, особенно жаркое из дичи. В такие дни Янковский и Бабих обязательно ужинали вместе. Так было и сегодня.

Накануне Михаил Иванович вернулся из Владивостока, куда его вызывал хозяин, и теперь готовился поделиться впечатлениями. Когда благообразный, в белоснежном фартуке, повар внес жаркое и степенно удалился, Янковский, улыбаясь, сказал:

— Знаете, Андрей Петрович, Кустер уже забрасывает удочку: хочет уговорить нас перезаключить контракт еще на три года. Понравились, видно, прибыли, которые прииск дал за последний год.

— И вы, конечно, дали согласие?

— Представьте, нет. Сказал, что подумаю. А чем дольше думаю, тем меньше склонен продолжать эту службу!

— Что так, Михаил Иванович? Разве нам здесь плохо? Хотя забот и хлопот хватает, вы здесь имеете возможность заниматься и любимым делом — экие коллекции собрали! — Бабих кивнул на плоские ящики, где под стеклом, как живые, сидели распяленные на пробковой основе необыкновенной красоты дневные и ночные бабочки. — Ваши коллекции создают вам имя!

— Все так, мой друг. Я и не мечтал стать таким заметным энтомологом и орнитологом, каким сделал меня Аскольд, спасибо ему. Но мы, Янковские, лошадники, кавалеристы. Душа болит по настоящей лошади, а ее здесь нет и сама она не народится. Я много думал и сегодня открою вам свой секрет — решил попытаться вырастить первую русскую дальневосточную лошадь!

— Как это вырастить? Есть же тут местные азиатские лошадки, и из России приводят.

— То-то и дело, что приводят. Уссурийский край испокон веков не имел своего коня, аборигены обходились собаками да оленями. Приводные маньчжурские и корейские пони именно не лошади, а лошадки, вы правильно выразились. А русские, проделав огромный изнурительный путь за тридевять земель через Сибирь или морем через Суэц, слишком трудно акклиматизируются, боятся гнуса, болот и здешнего бездорожья. Только путем многолетнего скрещивания тех и других можно получить образец, о котором я мечтаю. Вы только представьте себе, как хороший конь оживит этот край?!

— Несомненно. Но такое начинание потребует всех накопленных за эти годы средств и полной отдачи сил. Да и небезопасно устраивать такую ферму где-то в глухи, вы это прекрасно знаете.

— Отлично понимаю, Андрей Петрович, и тем не менее все равно буду добиваться своей цели. Крепко задумал и не отступлюсь, чего бы мне это ни стоило!..

Мужчины долго молчали. Потом Бабих пожелал спокойной ночи и ушел. А через три дня, сидя в том же кресле, вдруг поднял свои серые под темными бровями глаза и неожиданно сказал:

— Вы заразили меня своей идеей, три дня только об этом и думал. Надоело сидеть на острове, а там — пусть трудно и опасно — но заманчиво. Возьмите меня в компаньоны!

— Рад буду иметь такого надежного попутчика, очень рад. Только прежде всего нам нужно подыскать подходящее место. Хочу прощупать все побережье на юг от Владивостока, до самой Кореи.

— Тогда берите весной кратковременный отпуск и поезжайте. Можете быть уверены, я за всем присмотрю в ваше отсутствие. А вы уж сумеете выбрать то, что надо, я уверен.

ПОЛУОСТРОВ

Из-за свинцово-серого предрассветного моря сверкнул ослепительный луч, а следом, как огромный оранжевый апельсин, вынырнуло горячее солнце. И тотчас же клочья ночного тумана поплыли в голубую высь, осветились умытые росой по-весеннему ярко-зеленые сопки, пустынный берег Славянского залива. А на нем — одинокий всадник.

Он придержал коня, осмотрелся и по привычке долго путешествующих в одиночество вслух поделился своими впечатлениями:

— Ну, горбунок, кажется, мы добрались. Это тот самый полуостров, что так приглянулся нам с моря. Давай-ка, брат, поднимемся сейчас на эту сопку, оттуда все будет, как на карте! — Подобрал покороче повод и энергично пришпорил своего маленького коня.

Низкорослая буланая лошадка, обмахиваясь давно не стриженым хвостом, ходко пробиралась сквозь прибрежные заросли. Сопя и похрапывая, зигзагами взобралась на вершину горы и остановилась, тяжело поводя боками. Всадник спрыгнул с седла, поправил за спиной короткий карабин и поднес к глазам сильный полевой бинокль.

Горы, долины, море с островами — все вдруг двинулось навстречу, приблизилось, стало ясным и четким. И он, сдерживая дыхание, с восторгом долго рассматривал открывшуюся панораму.

Точно крепко сжатый кулак, врезался в море большой гористый полуостров. Его округлые сопки сбегали к подножью мягкими зелеными террасами, изрезанные мысами и бухтами берега то обрывались скалистыми утесами, то змеились золотистыми песчаными пляжами. И подобно ожившим морщинам на лбу великаны океан размеренно катил к этим берегам бесконечные ряды длинных волн. Разбиваясь, они беспрестанно вспыхивали белой лепкой прибоя.

Михаил Иванович оторвался от окуляров и удовлетворенно вздохнул. Легкий ветер нес запахи раннего лета, в синем небе медленно плыли легкие облака. А впереди, сверкая в утренних лучах, распахнулось Японское море с изумрудными вблизи и сизыми на горизонте островами.

Обернулся — и ему открылся вид на материк. За голубой лагуной тянулась равнина, управлявшаяся в нагромождение гор, раскрашенных темными и светлыми пятнами — характерный пейзаж смешанной Уссурийской тайги. А вдалеке, на северо-западе, в мареве тянулась гряда вершин — Синий хребет, граница с неведомой и таинственной страной Маньчжурией.

Янковский опустил бинокль и осмотрелся. Повсюду бросались в глаза следы недавних пожаров: чьей-то злой рукойпущенный огонь уничтожил почти весь лес. Только кое-где уцелели небольшие рощи да одиноко стояли черные от ожогов вековые, липы. Однако рядом уже поднималась молодая поросль.

Он путешествовал много дней и ночей. Вначале на тупоносой парусной шаланде обследовал острова и побережье Южного Приморья до границы с Кореей, а теперь возвращался верхом, осматривая отмеченные с борта берега.

Откидываясь в седле и осаживая на крутых склонах своего горбунка, съехал к морю и двинулся вдоль девственного пляжа — еще никто не грелся и не загорал здесь после праздного купания. По мелкому песку, часто семеня ножками, перебегали стайки шустрых куличков. Неторопливо переваливаясь с боку на бок, прогуливались утки и чайки, совсем не страшащиеся человека. Вокруг лежали свежие и подсыхающие, издающие запах йода, водоросли, выброшенные в шторм морские ежи, звезды. Но сейчас спокойная в бухте утренняя волна только лениво лизала берег.

В конце пляжа путь преградила впадающая в море речушка, и Михаил решил напоить коня. Но странно: лошадь только чмокнула губами прозрачную струю, вдруг подняла голову, — потянула носом, всхрапнула и, звякнув уздечкой, зашагала прямо по воде к самому устью. И здесь, фыркнув, стала звучно, с наслаждением втягивать полусоленую воду...

И лошадника невольно осенила мысль: «Вот что значит море! Мало того, что здесь на берегу почти незаметно мошки, комаров, слепней, — оно способно заменить и солончаки, которыми так дорожат коннозаводчики Забайкалья!..»

Напившись, лошадь перебрела речушку, и они взобрались на скалистый мыс. С высоты, сквозь зеленую толщу морской воды, хорошо просматривалось дно. Между колеблющимися водорослями медленно бродили темные косяки рыб. Под скалами, среди валунов, мерцали устрицы и мидии, важно копошились большие крабы. Янковский с трудом оторвался от созерцания этого таинственного подводного царства — пора было ехать дальше.

Теперь путь лежал в восточную часть полуострова. Сначала лошадка бежала лугом вдоль поросшего ольховником берега речки, потом пошла на пологий длинный подъем. Начинало припекать. Копь шел легкой рысцой, оставляя змеившуюся стежку смятой травы, опрокинутых ландышей, «кукушкиных башмачков», первых оранжевых лилий. Воздух был насыщен их пряными запахами.

Вдруг из-под ног с шумом поднялся выводок фазанов. Серенькие, похожие на куропаток, фазанята устремились за темной взъерошенной клушкой и, пролетев сотню шагов, опустились в зеленый орешник. Оттуда, почувствовав приближение человека, хрюплю рявкая, высокими прыжками вдруг бросилась в сторону напуганная косуля.

Конь шарахнулся. Янковский натянул повод, проводил взглядом мелькавшую среди трав рыжую спину, улыбнулся: с непривычки этот рев действительно способен напугать до полусмерти! Вспомнил недавнюю сцену на охоте. Все уже вернулись после выхода на заре и сушились у костра, когда к табору, серый от страха, подбежал новичок-гость и, боязливо озираясь, пролепетал: «Ух, только что чуть не попал в лапы тигру!..» Сидевший у костра бывалый старик, сощурясь, негромко спросил: «А ты его видал?» Горожанин перевел дух: «Нет, самого тигра не заметил, но рёв его слышал совсем рядом и видел в панике удирающего козла». «Вот то-то, что козла, — проворчал старик, — а сам, паря, в панике. Таких тигров, брат, у нас в Приморье на каждом шагу. Порты-то в порядке ли?..»

В полуверсте от перевала — снова треск в кустах. С лежки вскочили три буро-красных в белых крапинах животных. Вытянув шеи и широко расставив уши, они несколько мгновений неподвижно смотрели на приближающихся лошадь и седока, потом повернулись и не торопясь запрыгали в овраг. Всадник осадил коня.

«Пятнистые олени! Старые знакомые. Так вот зачем бродяги выжигают здешние леса. Ясно, на гарях куда легче промышлять драгоценные панты! Только бы удалось обосноваться в этих местах — закрою дорогу браконьерам. А прекратятся бессмысленные палы, начнет и здесь плодиться этот редчайший олень».

Так думал он в тот далекий день. Но мог ли представить, что в этой укрытой от зимних ветров долине станут выпасаться целые табуны лошадей и оленей и впоследствии он назовет ее Табунной падью? Что пройдут годы, и на ее морском берегу будут купаться и загорать его дети, потом внуки... И все это тоже пройдет, придут совсем другие времена и другие люди, многое неизвестное изменится, но навсегда останутся метко и образно данные им названия гор — Шестисотая, Просека, Обсерватория; падей — Табунная, Длинная, Семивершинная; речек — Рубикон, Змейка... что и через сто лет люда будут произносить эти названия, часто совсем не ведая — кто их дал, почему, когда.

И, конечно, не подозревал, что на картах русскою Дальнего Востока появится и его имя.

* * *

Лошадка незаметно преодолела перевал. А за ним, словно чаша, открылась обставлена невысокими горами долина — солнечная и тихая, с небольшой каменистой горкой и террасой посредине, на которой стояло несколько уцелевших от пожара деревьев. В долину с трех сторон впадали ручьи, образуя небольшую речку. Ключи выбегали прямо из недр, и сразу мелькнула мысль: они не должны замерзать зимой, а это очень важно. Спешившись на галечном бережке, Янковский напился прозрачной

воды, потом переехал речку, приблизился к горке и натянул повод. Конек послушно остановился.

Теплый ветер играл травой и цветами, стояла удивительная тишина: кругом ни дымка, ни пашенки, ни тропинки.

Расседлал коня, вынул удила, стреножил. Копь вздрогнуло холкой и жадно захрустело сочной травой. Похлопал его по шее и опустился на ствол рухнувшей от пожара липы. Не хотелось расставаться с этой уютной долиной, да и коню нужен отдых — пусть попасется вволю.

Сидя на удобной толстой колодине, поставил локти на колени, опустил бороду в ладони. Прищурнул чуть раскосые карие глаза: заглянуть бы, что будет здесь через три, пять, десять лет? Вот под этой, с игрушечными скалами горкой, должны встать его дом и службы будущей заимки. Отсюда рукой подать до удобной восточной гавани, что смотрит прямо в Амурский залив, на Владивосток. Да, выбор сделан. Вспомнилось напутствие Бабиха, Сегодня, кажется, он нашел то, что искал...

Через несколько дней Михаил Иванович уже направлялся в приемную губернатора Приморской области.

У ГУБЕРНАТОРА

Накануне знакомый чиновник по особым поручениям Мельгунов, записав на прием к губернатору, велел прийти к десяти, а сейчас еще не было и восьми утра. Встав, как обычно, в шесть, Михаил Иванович напился чаю, привел себя в порядок, неторопливо прошелся по берегу Золотого Рога и поднялся на еще не мощенную главную улицу Светланскую.

Он третий год знал Владивосток. Этот далекий форпост Российской империи рос и развивался на глазах, но звания города еще не получил. В жизнь небольшого порта заметное оживление вносили предпримчивые заморские купцы, мелкие торговцы, всякого рода скопщики и перекупщики, артели сезонных старателей и рабочих.

Вдоль причала — одна к одной — лепились тупоносые плоскодонные шаланды. По переброшенным на берег узким и гибким сходням, балансируя, бегали неутомимые грузчики. Одни грузили на джонки тюки с сушеным морской капустой и вяленой рыбой, другие выносили на берег привезенные товары. На базаре шла оживленная торговля. Завидев остановившегося прохожего, торговцы махали руками, предлагали сладости и фрукты, свою водку и табак, шелка и посуду, рис и птицу. Скупали и увозили морскую капусту, рыбу и трепангов, шкурки соболя, панты и женьшень, самые пронырливые — тайком — золото.

Михаил Иванович шел вдоль редкой цепочки деревянных домов обывателей, среди которых заметно выделялись несколько каменных и кирпичных казенных зданий и домов первых владивостокских купцов: Чурина, Кунста, Семенова, Шевелева. Золотился куполами собор. Портовые постройки и азиатские фанзы на окраине отражались в голубом зеркале бухты Золотой Рог. А на протянувшейся среди зеленых холмов одной из красивейших гаваней мира стояли на якорях двух- и трехмачтовые парусники — фрегаты, корветы, шхуны, украшенные мощными бугшпритами, высокими мачтами и длинными реями.

То были годы, когда на поверхность этой бухты еще опускались на отдых белоснежные стаи лебедей, когда видимые невооруженным глазом в соседнем Амурском заливе пускали фонтаны громады-киты, Когда, не давая уснуть бедным жителям окраин, заливались ощетинившиеся от страха собаки, а тигр уносил с поста часового, оставив «на память» начальству полушибок и берданку. И совсем недавно среди бела дня в центре города вышла на берег переплывшая Золотой Рог тигрица...

В то время, пока Янковский прогуливался по Светланской, губернатор в своем просторном кабинете внимательно изучал его дело. Еще вчера, после того как Мельгунов доложил о записавшихся на прием посетителях, адмирал затребовал материал на политического ссыльного. Сейчас он неторопливо листал страницу за страницей.

«Так, с оружием в руках принимал участие в мятеже. Получил восемь лет каторжных работ. Да, Муравьев не либеральничал... Дальше. Переведен на вольное поселение в пределах Восточной Сибири, с возвращением прав дворянства, но оставлен под гласным надзором полиции. Нарушений режима не замечено, хотя и продолжает дружить с политическими ссыльными, многим помогает. Но человек дельный, Кустер им весьма доволен. Сообщает, что Янковский впервые навел на Аскольде образцовый порядок, ликвидировал банду. Теперь хочет устроить свое хозяйство на западном берегу Амурского залива, намерен вывести дальневосточную лошадь. Что ж, это важное дело. Хорошая лошадь остро необходима переселенцам, а особенно кавалерийским и артиллерийским частям. Такую инициативу нужно поддержать. А если ничего не получится — потеряет свое время и деньги. А может и больше... Но зато если выйдет, в Петербурге, конечно, скажут: „Ну и молодец губернатор! Смотрите, что организовал!“ А генерал-губернатор Восточной Сибири в своем ежегодном верноподданическом докладе донесет об успехе самому монарху... Но присматривать за этим субъектом, конечно, нужно. Кто его знает, что у него на

уме? Потолкую об этом с полицмейстером...»

— Ваше превосходительство, записавшийся на десять часов Янковский ждет в приемной, — доложил адъютант.

— Просите!

Адъютант открыл дверь и пропустил посетителя. Сегодня управляющий прииском острова Аскольд выглядел иначе, чем в походе: расчесанная пышная борода, белый накрахмаленный воротничок, галстук бабочкой, модные штиблеты на высоком каблуке.

Адмирал умел расположить к себе посетителя, слушал Михаила Ивановича внимательно, с интересом. И Янковский с увлечением рассказал ему о своем впечатлении об островах Попова, Рейнеке, Рикорда, Желтухина, о районах Посьета и Новокиевска. Места там приглянулись, но со временем, он полагает, тамошние обширные луга и пастбища могут потребоваться для казенных нужд. А вот полуостров в Амурском заливе — всего в сорока верстах от Владивостока — невелик и еще никем не занят...

— Детально ознакомившись с прибрежной полосой Посьетского района в целом, ваше превосходительство, я, как агроном по образованию, утверждаю: она никогда не станет ареной поселения нашего крестьянина-хлебопашца.

— Вот как? Это очень серьезное и смелое заключение!

— Да. Но я за него отвечаю. Слишком часты летние туманы. Я побывал в деревушках корейских переселенцев. Даже они, культивируя более неприхотливые, чем пшеница и рожь, злаки — акклиматизированные чумизу, кукурузу, бобы, овес — все равно селятся не у моря, а подальше от него, в долинах речек, в горах. И я убедился — чем ближе к морю, тем созревание хуже, беднее. Но травы хороши, и у моря заметно меньше гнуса. А это говорит о больших перспективах животноводства. И моя цель — вывести свою, приморскую лошадь, сильную, выносливую смешанных европейско-азиатских кровей...

Михаил Иванович почувствовал, что увлекся, и остановился.

Губернатор внимательно разглядывал гостя, его прямой, правильной формы нос, высокие скулы, твердый взгляд карих глаз. «Да, видно, этот умеет работать и добиваться поставленной цели. Энергичен и смел, прошел медные трубы и чертовы зубы. И его, похоже, влечет не нажива, а идея, мечта...»

— Полезное дело затеваете, милостивый государь, очень нужное. Но считаю долгом предупредить, что край не трудное и рискованное. Сами знаете — Уссурийский край велик. Поселение вдали от гарнизона может быть чревато самыми серьезными последствиями. Таежная граница рядом. Двуногие и четвероногие хищники могут доставить вам большие неприятности. Мы, конечно, всемерно поддержим ваше благое начинание, но постоянной опеки гарантировать не сможем, предупреждаю, Советую подобрать надежных компаньонов и полагаться, главным образом, на свои силы. В принципе же предприятие весьма одобряю, принимайтесь с богом.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство. Теперь главным для меня будет отвод угодий.

— Я дам указание произвести для вас необходимые отводы. Только земельное управление все еще не переведено во Владивосток из Николаевска-на-Амуре. Так что землемеры прибудут лишь с очередной оказией. Но пусть это вас не смущает, подавайте заявку.

— Сегодня же подам заявку в канцелярию и начну подыскивать подходящего компаньона, надежного товарища. Кое-кто на примете у меня имеется. А что касается опасностей, то вы правы, они возможны, и я их предвижу. Корейские переселенцы очень жаловались на тигров и волков, а особенно на хунхузов.

— Кустер докладывал, как вы ловко разделались с ними на Аскольде. Это хорошо. Значит, известный

опыт у вас уже есть.

— Опыт невелик, но, думаю, может пригодиться. Корейцы же рассказывали, что хунхузы имеют хорошо налаженную связь через своих лазутчиков, мирных с виду промысловиков пушнины, земледельцев, искателей женьшеня. Сильно запуганные, многие, вероятно, поневоле выполняют роль их соглядатаев. Тем не менее разбойникам всегда известно, есть ли поблизости воинские части. И как только они убеждаются, что нет, сразу же начинают свои набеги. Убивают, грабят, уводят в плен, чтобы получить выкуп.

— Об их зверствах мы тоже немало наслышаны. Что же вы думаете предпринять? Ведь один в поле не воин.

— Я уже толковал об этом с местными поселенцами и встретил немало решительных людей, а среди молодежи — ловких парней и хороших охотников. Постараемся охватить всех, кто имеет оружие, кто способен дать отпор.

— Одобряю. Действуйте. Но держите ухо востро и поддерживайте связь с гарнизоном. Я скажу полковнику, чтобы в случае запроса немедленно высыпал подмогу.

Янковский откланялся и вышел. Направился в канцелярию и тут столкнулся с Мельгуновым.

— Ну, как прошел ваш визит? Можно поздравить с успехом?

— Благодарю за содействие. Губернатор считает задуманное мною полезным, обещал помочь. Вот с его санкции несу заявку на отвод участков.

— Давайте я сам займусь этим вопросом, вызову землемеров. Значит, скоро будете хозяином. Только простите за нескромный вопрос, но это по дружбе — а как с хозяйкой? Я помню, вы не так давно потеряли подругу.

— Да, Петр Владимирович, видно, так на роду было написано. А теперь сынишка Шурка остался неприкаянным. Хорошо еще, нашел старушку присматривать за ним.

— Что делать, жизнь есть жизнь, Михаил Иванович, однако сейчас вам просто необходимо подыскать жену. Какой же вы будете хозяин?

— Согласен, но ведь это же не в магазин пойти. Я убедился, что жениться удачно — вообще трудная задача, а здесь сейчас особенно. Женщин — раз, два и обчелся, а девушек на выданье и подавно. Да и как так вдруг познакомиться, не будучи знакомым с семьей? Я ведь почти никого не знаю.

— Могу дать один совет, — Мельгунов, когда смущался, тянул раздоившуюся бороду в разные стороны, наклоняя голову. — Выкраивайте поскорее несколько дней и приезжайте сюда еще раз. Запишите адрес фотографа Карла Ивановича. Жена на днях рассказывала, что он уже сфотографировал всех девушек Владивостока и создал для них особый альбом. А раз фотографирует, значит и знакомится, имеет о них определенное представление. Таким образом парень сам, кажется, пытается подхватить хорошую невесту. Словом, как приедете, идите прямо к нему.

— Что ж, это неплохая идея. Спасибо за совет. Петр Владимирович, я буду просто вынужден им воспользоваться. Без жены, и верно, в пору хоть от хозяйства отказывайся!

Они простились. Янковский вышел из резиденции главы Приморской губернии и в раздумье зашагал к пристани. Из головы не шел разговор с Мельгуновым. Шуркиной матери нет, а семью создавать нужно... Любовь? Нет, он считал, что с этим в его жизни покончено навсегда. Его звезда — единственная и неповторимая — осталась там, за порогом рокового шестьдесят третьего. Теперь он должен жениться без романтики, с ясной головой. Разумеется, избранница должна быть молода и хороша собой, добра и

внимательна к нему и их будущим детям. Ни в коем случае не должна быть белоручкой. Хорошо, чтоб полюбила даже его ружья и собак!.. Но как найти такой клад, как познакомиться с подходящей девушкой, если он почти никого здесь не знает и бывает от случая к случаю?! А невесты наперечет. Спасибо Мельгунову, что подсказал. Да, без этого фотографа, видимо, не обойтись...

Он спустился к деревянному причалу, окликнул перевозчика. Желтолицый лодочник, в неизменной синей куртке и с длинной черной косой, ловко работая одним кормовым веслом, подогнал легкую лодку-шапмунку.

— Садися, капитана. Куда ходи будем?

Усевшись на средней скамейке, пассажир указал на небольшую шхуну на рейде.

— Давай вон туда, только побыстрее.

Стоя во весь рост в задней части суденышка, лодочник «юлил» за кормой веслом с длинной лопастью. Как бы буравя воду, удивительно быстро гнал лодку в нужном направлении. Шлепая по мелкой волне, как обрубленным, прямоугольным носом, плоскодонка ходко приблизилась и пришвартовалась к стоящей на якоре «Морской корове». Вольный шкипер Гек стоял на мостице, дымя почерневшей трубкой. Янковский поднялся на борт, и они обменялись рукопожатием.

Шкипер дал команду поднимать якорь, ставить паруса, «Морская корова» медленно повернулась к выходу из Золотого Рога. Втянулась в Босфор Восточный, миновала его и легла на курс острова Аскольда. Мерно покачиваясь на крупных горбах мертвой зыби, шхуна уходила все дальше на восток, а двое на мостице вели неторопливую беседу.

— Я слыхал, ты плавал на корейски шаланда. Ну как, где побывал, — что нашел?

— Объехал все берега на юг от Владивостока, Фридольф Кириллович, и присмотрел неплохое место для хозяйства. Видел полуостров между Славянским и Амурским заливами? Он мне понравился. Хорошие пастбища, отличные бухты. Тьма рыбы, крабов, устриц. Поднимал фазанов, коз, даже оленей. Лес, правда, какие-то бродяги выжгли основательно, но если его оберегать, он поднимется быстро.

— Я знаю этот полуостров. На земля не ступал, но в бухта заходил, смотрел. Ничего, бухта удобная. Глубоко, тихо. И рыба действительно много.

— Сегодня я был у губернатора, доложил о своих планах поставить там заемку, разводить лошадей. Адмирал одобрил, обещал поддержку. Но предупредил, да я и сам знаю, что одному селиться трудно и опасно. Он сказал — ищите надежного компаньона, я сразу же подумал о тебе. Слушай, давай перекочуем вместе. У тебя шхуна, у меня лошади — куда захотели, туда и подались. Охота и рыбалка богатые, киты тоже рядом. Вдвоем обживать новое место куда сподручнее и безопаснее, сам знаешь.

Капитан долго молча пыхтел трубкой.

— Мне сразу не понравилась бухта Стрелок, где сейчас моя фанза. Сам давно думал искать другое место. Славянский полуостров ничего, подходящий. Конечно, потом будем еще вместе смотреть, будем думать, что нужно приготовить, подробно говорить. А пока так: вот тебе моя рука — давай вместе собираться на Славянка!

— Вот и хорошо. Теперь у меня на душе спокойнее. Если сегодня не торопишься, останавливайся у меня ночевать, вечером все и обсудим не торопясь.

— А кого еще думал приглашать с собой?

— Этот вопрос мы обсуждали с Бабихом. Ему тоже надоело жить на Аскольде, хочет войти со мной в компанию.

— Андрей Петрович очень правильный человек. Его надо брать. Только как Кустер — разве отпустит вас обоих сразу?

— Его предупредим заранее, пусть ищет замену. А контракты у меня и у Андрея Петровича истекают весной 1878 года.

— Требуйте, пусть ищет людей, только трудно найти сразу подходящий. А вечером я приду, будем толковать все вместе.

В этот вечер, в новом, построенном по предложению Кустера двухэтажном доме управляющего, в гостиной собрались все трое. Эта комната больше напоминала музей. На стенах — несколько пар красивых оленьих рогов; на полках — черепа морских зверей, чучела редких птиц. В специальных ящиках под стеклом богатые коллекции ярких жуков и бабочек. Гербарии.

Михаил Иванович рассадил гостей вокруг стола, положил бумагу, перья, поставил массивную чернильницу.

— Составим списки всего необходимого, что нам нужно подготовить. Впереди еще больше года, но время пролетит незаметно. И нужно ничего не пропустить.

Гек пыхнул трубкой:

— Да, все надо писать. Постепенно будем доставать, кто что может. Андрей Петрович, ты пиши.

— Я уже составил предварительный список самого необходимого инструмента и строительных материалов. Сейчас вам зачитаю, а вы добавите, если я что упустил, — Бабих откашлялся, развернул убористо исписанный лист: — Слушайте перечень, а количество проставим потом: топоры, пилы, молотки, стамески, долото. Кайлы, ломы, лопаты. Гвозди, кровельное железо, известь. Печные дверца, поддувала, колосники...

— Кузнечное оборудование: наковальню, щипцы, кувалду, молот, — добавил Михаил Иванович, предвидя необходимость в подковах, осях, ободьях для тележных колес, полозьев для саней.

— Чаны для китовый жир, пакля, смола, вар, — подсказал Гек.

Бабих записал и поднял голову:

— А оружие?

— О-о, это очень важно. Каждый должен доставать несколько берданка, винчестер, порох, пули, — Гек совсем окунтася дымом.

Бабих недавно сильно простудился, покашливал, врач велел бросить курение совсем. Михаил Иванович дымил редко, в основном по вечерам. Сейчас он сосредоточенно раскуривал свою пенковую трубочку.

— Губернатор предупредил, что охранять нас некому, надо полагаться прежде всего на самих себя. Главная опасность — хунхузы. Мы ведь будем у них бельмом на глазу. Да и старые счеты — они ведь злопамятны.

— У меня сердце не на месте, — нахмурился Бабих. Наши старшинки Сунь и Ван еще в прошлом месяце отправились в Чифу, обещали написать через переводчика, а до сих пор никаких вестей!

— Черт, я забыл сообщить: позавчера во Владивостоке встретил нашего Чэня, и он рассказал: Сунь и Ван в ожидании парохода остановились в гостинице на Китайской улице, и там их разыскал кто-то из наших старых «дружков». Ван сумел улизнуть, а Суня нашли — на задворках гостиницы, задушенного полотенцем, — поведал Янковский. Бабих вздрогнул:

— Ах, сволочи! Догадались-таки, что эти батоу помогли вам их распознать. Ну, теперь и Ван не вернется...

На следующее утро Гек уплыл, а вскоре — появился на новой шхуне — купил более удобную для охоты на китов двухмачтовую «Анну». Иметь в глухи свое судно было чрезвычайно важно, Михаил Иванович убеждался, что они с Бабихом подобрали незаменимого соседа. Однако его все больше беспокоил вопрос о будущей хозяйке фермы. На Бабиха рассчитывать нечего — он убежденный холостяк. Возможно, после несчастной любви, хотя об этом никогда не рассказывает. По его словам — все они одинаковы: капризны, эгоистичны. У Гека есть жена, и сынишка, а у него — один Шурка. В самом деле, каким же он будет хозяином без хозяйки? Такое положение никак не вязалось с его планами.

СВАТОВСТВО

Пройдя суровую жизненную школу, Михаил Иванович в свои тридцать пять лет умел счастливо совмещать горячее сердце и холодную голову. Быстро и твердо осуществлял поставленные задачи. И ранней весной 1877 года он прибыл во Владивосток с твердым намерением — найти невесту. Адрес фотографа лежал в кармане, и он без труда разыскал занимаемый им домик.

Голубоглазый, со светлыми усиками и бритым, как у англичанина, подбородком, Карл Иванович Шульц сразу произвел приятное впечатление. Мягко улыбнулся, пригласил зайти. Они прошли в маленькую, увешанную фотографиями мастерскую, присели. Гость представился, без колебаний взял быка за рога.

— Простите, мы видимся впервые, но я буду откровенным и начну сразу о деле. Я пришел не фотографироваться. Приехал просить вас помочь подобрать невесту. Мне рекомендовал вас Петр Владимирович Мельгунов. Вы, кажется, знакомы с его супругой и она рассказывала...

Шульц снова осветился своей располагающей улыбкой:

— Понял, понял. У меня в самом деле собраны все фотографии здешних невест, всех девушек на выданье!

Михаил Иванович с облегчением вздохнул. Самое деликатное, а потому и самое трудное, осталось позади. Карл выглядел простым и открытым парнем, с ним было легко, и жених откровенно поделился своими планами и запросами. Выслушав внимательно, Шульц сказал:

— Рад помочь, чем могу. Сейчас я должен бежать по вызову, а вы располагайтесь, как дома. Тут, за мастерской, моя квартира. Есть диван и кровать. Оставайтесь ночевать. После ужина я покажу вам свой альбом и расскажу все, что знаю о каждой девушке.

Вечером они долго сидели рядом, склонившись над историческим альбомом Карла Шульца. Михаил Иванович переворачивал страницу за страницей и с каждой на него смотрело обрамленное замысловатыми виньетками новое, незнакомое девичье лицо. Блондинки и брюнетки, завитые и с косами, в дорогих, с кружевами, и простеньких платьях. Глядели задумчиво, кокетливо, коварно. И каждая оставалась для него тайной.

Комментировал примостившийся рядом Шульц. Он действительно довольно хорошо знал каждую — ее родословную, характер и взаимоотношения в семье. Наблюдательным оказался человеком.

Янковский перевернул страницу и загляделся.

— Что, нравится? Да, красива, но очень избалована родителями и общим вниманием, особенно молодых офицеров. Капризна, любит ухаживания и наряды. Нет, такая вам не подойдет.

— А эта?

— О, это дочка весьма состоятельных родителей, за ней дадут солидное приданое. Но она девица с гонором и вряд ли станет хорошей хозяйкой. Очень сомневаюсь.

— А приданого мне как раз не нужно. Принципиально. Денег на первое обзаведение хватит, а дальше от самих будет зависеть. Не дай бог попасть в полон к жене ради ее капиталов!

— Я вас понимаю, однако сам бы от денег не отказался. Расширил бы свою мастерскую... Но — идем дальше. Эта брюнетка — дочь старшего морского офицера. Слышал, он скоро заканчивает здесь службу и вся семья только и мечтает о возвращении в Кронштадт или Петербург.

— Ну и пусть едет на здоровье.

— А это бесприданница Олечка Кузнецова. Сирота. Живет у дяди почти на положении прислуги. Вот кто хозяйка! Она в доме одна за всех, хотя в семье Куркутовых еще четыре женщины: сама хозяйка — ее тетка, бабушка и две кузины. Но никто из них ничего не делает. Ольга и готовит, и шьет, и убирает. Летом, говорят, в пять утра уже бежит с узлом белья на речку...

Когда дошли до последней невесты, Михаил Иванович захлопнул альбом, поблагодарил хозяина и устроился на кушетке. Но заснуть не мог. Перед закрытыми глазами проплывали лица пятнадцати незнакомых, а поэтому таких загадочных девушек. Хотелось проникнуть в душу и думы каждой. И все-таки белокурая Ольга казалась самой симпатичной и подходящей.

Узнав, что Куркутов — заместитель начальника порта, наутро, как бы по делу, отправился в контору. Познакомился и был приглашен к обеду. Несомненно предполагая, что гость имеет виды на одну из дочерей, супруги и бабушка отнеслись к управляющему Аскольдом — жениху с положением — откровенно благосклонно. Но избалованных девиц Куркутовых он оценил в первые же полчаса: не подходят.

Зато ему сразу понравилась открытая улыбка Ольги, стройная, легкая фигурка, а главное — на редкость веселый, добрый нрав. Привлекала бьющая ключом энергия, удивительное трудолюбие, быстрота и уверенность походки. Одетая в простенькое ситцевое платье с подвернутыми для работы рукавами, Ольга все время была чем-то занята. И все получалось у нее легко и просто, всюду она успевала.

Михаил Иванович исподволь приглядывался и взвешивал, но сделать предложение в первый же приезд все-таки не решился. Сказал, что его ждут срочные дела, и вернулся на Аскольд. Думал и передумывал, а спустя месяц принял окончательное решение и снова появился во Владивостоке. Улучив подходящий момент, — с глазу на глаз предложил Ольге стать его женой.

Молодой, красивый, занимающий солидное положение в обществе, он не без основания полагал, что бедная сирота, которая в двадцать два года, по-видимому, не знала еще женихов, без колебаний бросится ему на шею. Но ошибся. Поблагодарив за честь, Ольга попросила разрешить ей подумать. Несколько задетый, он спросил:

— Будете советоваться с теткой и бабушкой?

Она умела твердо и открыто смотреть в лицо собеседника своими серо-зелеными глазами. И не опустила их перед ним.

— Нет, Михаил Иванович, буду советоваться только со своим сердцем. Я отвечу вам в следующее воскресенье.

Разговор состоялся в среду. И пришлось ждать, недоумевать, даже беспокоиться. Но в воскресенье, встретив его приодетой по-праздничному, она ответила — «да». Тогда, взяв за руку, Михаил Иванович ввел ее в гостиную, где в это утро расположились хозяева и гости, почтительно поклонился бабушке и чете Куркутовых:

— Господа, прошу поздравить нас как жениха и невесту!

Бабушка качнулась в кресле, ухватилась за подлокотники. Тетка и гости застыли на своих местах, девицы приоткрыли рты. Глава семьи крякнул и онемел довольно надолго. Позднее Михаил Иванович со смехом рассказывал друзьям, что его заявление произвело эффект разорвавшейся бомбы! Он читал на лице Осипа Ивановича Куркутова почти ужас. Ведь мало того, что гость избрал не родную дочь. Он уводил из дома прекрасную, а главное — такую удобную бесплатную прислугу! С ее работой едва ли справятся две наемных. Дядя думал, что так будет всегда...

Бабушка пришла в себя первой, выдавила кислую улыбку и поманила молодых к себе:

— Подойдите, подойдите, я вас поздравляю. Дай вам бог!

Михаил Иванович приложился к желтоватой ручке, бабушка поцеловала его в лоб, потом обняла и перекрестила Ольгу. Постепенно все стали приходить в себя, поздравлять, высказывать свои «искренние» пожелания счастья.

Через несколько дней справили скромную свадьбу. Однако при оформлении бракосочетания произошел конфуз. Когда молодой предложили расписаться в брачном контракте, она подняла глаза и сказала очень спокойно:

— Я не могу, я писать не умею... Михаил Иванович не поверил своим ушам.

— Как так, Оля, вы же говорили, что прочли много книг, рассказывали мне о них. Вы шутите?

Она посмотрела на него таким же открытым взглядом, как и при первом их объяснении:

— Нет, Михаил Иванович, я не шучу. — Она всю жизнь при людях так и называла его — «Михаил Иванович, вы». — Я рано осталась сиротой, меня не учили и не отдавали в школу. Но я очень хотела читать книги и выучилась... самоучкой. Читать в самом деле люблю и читаю по ночам, но писать не умею.

И тут, глянув в эти не ведающие лжи глаза, Михаил Иванович вдруг увидел весь безрадостный путь маленькой сироты из далекого Иркутска. Увидел ее бедное серенькое детство — без родительской заботы и ласки, в окружении черствых родственников, которые видели в Девочке только удобную бесплатную прислугу. Не могли даже научить писать! Он с усилием справился со спазмом в горле:

— Ну, ничего, Оля, ничего. — И сразу перешел на ты: — Чертни, как можешь. Скоро мы будем дома, начнем учиться. Не беспокойся, ты будешь хорошо писать!

Самым приятным гостем на свадьбе был, конечно, добрый волшебник из сказки — веселый Карл Шульц. Молодые взяли с него слово летом обязательно приехать в шести на Аскольд.

Прямо от стола двинулись к пристани, где их ждала готовая к отплытию небольшая парусная лодка. Супруги расположились на корме, Михаил Иванович взялся за румпель. Веселый шквал сразу наполнил парус, и суденышко начало быстро набирать ход.

По морю гуляли беляки, и бот, кренясь, едва не черпал зеленоватую воду. Но Ольга не проявляла признаков слабости. С восторгом глядела на чаек и шустрых нырков, на волны, на далекий берег и счастливо улыбалась мужу. Еще бы! Она видела все это впервые, и впервые в жизни готовилась стать хозяйкой в собственном доме.

На острове их встречали. В домике управляющего был сервирован свадебный ужин, на который собрались все служащие прииска. Сухой и всегда как бы немного желчный Бабих приветствовал молодую хозяйку вежливо, но, весьма сдержанно, а она заговорила с ним, как со старым знакомым:

— Вы — Андрей Петрович? Михаил Иванович много говорил о вас, очень уважает. Пожалуйста, заходите к нам почаше. Я скоро все приведу здесь в порядок!

Прошла неделя, две, месяц. И — странное дело: Бабих появился в их доме раз, другой, потом стал приходить почти каждый день. И вдруг Михаил Иванович увидел его с роскошным букетом полевых цветов, который тот галантно преподнес Ольге Лукиничне.

Когда она, поблагодарив, убежала по своим хозяйственным делам, Бабих смущенно проговорил:

— Что, верно, удивлены, Михаил Иванович? Старый циник и ненавистник женщин Бабих носит вашей жене цветы!

Янковский улыбнулся:

— Я ведь этого не говорил...

— Да я сам понимаю. Но, верите, никогда не думал, что мне придется так изменить свое мнение о женщине. Однако не подумайте — в целом. Нет. Просто убедился, что Ольга Лукинична — редкое исключение.

— Это ведь и комплимент тому, кто выбирал. Оля я правда, — находка. С каждым днем я убеждаюсь в этом все больше. Главное, что меня подкупает, — она всегда довольна окружающим и вовсе не страдает этой отвратительной болезнью, свирепствующей в русском интеллигентном обществе, — скучой. И я сейчас никак не могу согласиться с Гейне, который утверждал, что каждый супруг хотя бы раз в день обязательно жалеет, что женился.

— Нет, Гейне, наверное, прав. Просто вы, дорогой господин управляющий, вытянули счастливый билет!

В этот момент они услышали за окном звонкий голос:

— Барсик, Барсик, хорошая собачка, пойдем сегодня к морю, да? Сядь, подожди, сейчас принесу тебе косточку!

Михаил Иванович улыбнулся в бороду.

— Вот и старик Барсик сразу признал ее. А у собак удивительно тонкий нюх на хороших людей. Ведь раньше он признавал только меня, а сейчас, негодяй, делит свою любовь...

Вечерами Михаил Иванович обучал Ольгу русской письменности, азам арифметики, истории, географии; Вскоре она так преуспела, что помогала ему вести метеорологические записи. Отлично выучилась стрелять. Сначала по неподвижной, а потом и по движущейся мишени.

На берегу бухты устраивали состязания в стрельбе по пляшущим на волнах бутылкам. И Ольга, за исключением мужа, перещеголяла всех стрелков мужчин.

— Поздравляю, Ольга Лукинична, — сказал Бабих. — Отлично! Ну, а до Михаила Ивановича дотянуться не пытайтесь. Я не раз наблюдал, как он разбивает пулей под брошенный в воздух камень! Это, видно, у них в роду...

* * *

За лето молодые супруги излазили с Барсиком Аскольд вдоль и поперек. Удалось поймать два новых подвида бабочек. Отправляя их для определения во Францию, Михаил Иванович просил ученых присвоить не официальное дополнение к названию вида, как это принято, «Янковский» — на этот раз он просил назвать одну «Зефирус Михаэлис», а вторую «Дасихира Ольга». Так Михаил Иванович увековечил имя жены среди энтомологов всех стран.

Среди лета Янковских навестили Карл Шульц с женой! Он воспользовался примером своего клиента и сделал предложение одной из оставшихся в его альбоме невест — бонне в семье губернатора. Несколько дней обе пары гуляли по роскошному в это время года острову, играли в горелки, реввились, как дети. И Шульц в их доме сделал фотографию, которая пережила столетие. На ней чернобородый Михаил Иванович сидит, скрестив ноги, в глубоком кресле, Ольга — молодая и стройная — облокотившись на спинку, стоит рядом. А у их ног — преданный пес Барс.

За год семья Янковского заметно увеличилась. Кроме Александра, взяли на воспитание мальчика-сироту Андрея Аграпата. У Ольги Лукиничны родилась дочь, названная в честь матери мужа Елизаветой.

Все было готово для переселения на необитаемый полуостров, но опасения Гека подтвердились.

Хозяин прииска не нашел замены и не отпустил Янковского и Бабиха, задержав еще на год.

Посоветовавшись с компаньонами, вольный шкипер решил не откладывать свой переезд, начал строиться. Вскоре на берегу далекой восточной бухты Славянского полуострова, позднее названной бухтой Гека, вырос первый домик. Но капитан продолжал возить грузы на Аскольд и, разумеется, стал постоянным гостем в доме Янковских. Его появление было праздником. Шкипера усаживали за стол, звали Бабиха и жадно расспрашивали о новом доме, о его семье, о жизни на обетованной земле. А он умел описывать живо, ярко, картиинно.

Казалось, они видят белую, разукрашенную морскими раковинами усадьбу у моря, беседку, скамейки из дерна, горбатый мостик через речушку. Поля дикой земляники в дубовой роще позади дома. Тучи сельди, скумбрии, наваги, красноперки, камбалы в «его» бухте. Кипящие косяки лососевых, кету и горбушу, которых в устье речки берут голыми руками. Слушали об огромных крабах и креветках, о бесчисленных стаях лебедей, гусей и уток на лагуне, о рявкающих на сопках диких козах и выводках непуганных фазанов. Гек сказал, что за первые месяцы он «мимоходом» настрелял уже две сотни самой разнообразной дичи. Янковский и Бабих понимающие переглядывались. Они могли слушать капитана всю ночь напролет.

— Я строил дом на два половины. Пока будете ставить свой, вам не нужно жить в палатке. Временно места хватит всем!

Ольга Лукинична благодарно улыбалась:

— Спасибо, Фридольф Кириллович. А как себя чувствует ваша хозяйка и сын? Им тоже нравится там?

— О, моя хозяйка очень довольна. Посадила огород, доит корову, кормит теленка, поросенка. Вялит много рыбы. А наш наследник очень веселый мальчик. Целый день бегает на море, уже ловит на удочку красноперку. Оба очень ожидают вас. Сын уже всех знает и постоянно спрашивает: «Скоро приедет Андрей, Шура, Лиза? Мы будем вместе играть, рыбачить». Такой славный мальчишка...

ХУНХУЗЫ

Весной 1879 года, промокнув, простудился и серьезно заболел Бабих. Сильно похудел, ослаб, и Михаил Иванович увез его во Владивосток, устроил в госпиталь. Врачи заявили — потребуется длительное лечение. Все были огорчены, но никто не мог представить, что больше они никогда не увидятся: Андрея Петровича скосила скоротечная чахотка. Услышав об этом, аскольдинцы много дней не могли прийти в себя.

В апреле у Ольги Лукиничны родился сын Юрий — отец автора повести. Это, естественно, тоже несколько задержало переезд. Не дождался его и старый Барсик. Михаил Иванович отнес пса на высокий обрыв и оставил под четырьмя соснами сторожить остров, установив над могилкой красивый плоский камень. Попрощался со всем, что ему было дорого: с любимой тисовой рощей, оленями, сивучами, с рифами, с которых наблюдал сбираща и игры морских львов. Эту гряду рифов на южной оконечности острова современники прозвали «камни Янковского».

В условленное время прибыл на «Анне» Гек. Первым рейсом он отвез на полуостров Славянский партию рабочих-строителей, инструмент, палатки. Несколько лошадей и коров. Всех разместил на своей земле и в первых числах июня возвратился на Аскольд за семьей Янковских.

Рано утром отъезжающие поднялись на палубу шхуны. Ольга Лукинична стояла у борта, держа в одной руке запеленутого Юрия, другой — за ручку — притихшую Лизу. Молодая мать поклонилась берегу и прошептала:

— Прощай, Аскольд, спасибо тебе за все!

Здесь протекли два первых счастливых года ее жизни.

Поймав ветер, «Анна» развернулась на норд-вест. Под форштевнем вскипел бурунчик, остров начал отдаляться. И, глядя на тающий в туманной дымке Аскольд, Михаил Иванович явственно ощущал шелест вновь перелистываемой страницы своей беспокойной жизненной, повести...

Покачиваясь на боковой волне, поскрипывая деревянным корпусом и такелажем, «Анна» после полудня миновала Уссурийский залив. Оставив слева Рикорд, а справа по борту холмистые зеленые острова Рейнеке, Попова, Русский и спрятавшийся за ним Владивосток, пересекла Амурский залив, и, убавив паруса, вошла в бухту Гека. Любясь тихой овальной гаванью, высыпавшие на палубу новоселы оживленно обменивались впечатлениями. В сотне шагов от песчаного пляжа, на террасе среди яркой зелени показалась беленькая усадьба шкипера. Погода разгулялась. После нескольких суровой красоты Аскольда, мягкие очертания этого полуострова приятно ласкали глаз.

Оставив детей в каюте, Ольга Лукинична поднялась на мостик и встала рядом с капитаном. Все вокруг выглядело настолько привлекательно, что она не выдержала, тронула Гека за рукав.

— Как у вас здесь замечательно, Фридольф Кириллович!

Китобой довольно усмехнулся в огненную бороду.

— Издалека хорошо, а близко еще лучше. Сейчас все будете посмотреть. Они нас еще не заметили. Как увидят, все прибегут на берег, а мой мальчишка первый.

Однако судно подходило все ближе, но ни перед домом, ни на берегу не было ни души. Против обыкновения никто не выбегал встречать прибывших. Шхуна остановилась, бросила якорь, а приветливый берег оставался по-прежнему молчаливым и безжизненным. Шкипер нахмурился.

— Что они, уснули? Вот я им задам! Как можно всем сразу оставлять дом?

С борта дали выстрел, другой. Тишина...

— Михаил Иванович, пока мы будем прибирать шхуну, давай, спускай лодка, поезжай вперед, посмотри — куда все девались?!

Янковский с гребцами прыгнул в шлюпку, они быстро двинулись к берегу. Лодка ткнулась в желтый песок, все вышли и вытянули ее до половины на пологий берег. Сделали первые шаги и... глаз охотника привлекло множество странных следов. Они виднелись на песке и среди редкой прибрежной травы. Тут, конечно, стояло и паслось несколько лошадей, бродили люди в необычной обуви: гладкая овальная подошва без каблука. Э-э, да это же маньчжурские улы! Его охватило дурное предчувствие.

— Пошли к дому, быстро!

Взглянув в сторону построек, Янковский заметил дымок: тлел угол сгоревшего сарая. Кто-то поджег! Зачем?

Они взбежали на крыльцо, рванули дверь и остановились: никто не мог вымолвить ни звука. Вся прихожая была забрызгана кровью! На полу, на стенах, даже на потолке... Валялась опрокинутая скамейка, ключья одежды — следы отчаянной борьбы. Михаил Иванович распахнул дверь в большую комнату — и все попятались. Стол изрублен в щепы, а посередине столовой, под потолком, на крюке от лампы висел страшный, изуродованный труп женщины. Янковский с трудом узнал в нем хозяйку.

Кинулись по другим комнатам, во двор — нигде никого! И тут заметили приоткрытое подполье. Заглянули и все поняли: окровавленные трупы обитателей хутора и прибывших неделю назад рабочих бесформенной грудой заполняли этот подвал. Их уже облепили зеленые мухи...

— Михаил! Михаил! Что здесь? Кто здесь? — как безумный ворвался в разгромленный дом Гек. Он только мельком глянул на висевшую на крюке женщину, спрыгнул в подпол и принялся переворачивать мертвые тела. Потом выскоцил во двор, обежал вокруг.

— Сын, сыночек, где ты?! Мой мальчик, где ты? — звал Гек ребенка, и голос его был страшен, неузнаваем. Шкипер метался, как безумный, обшарил все углы, но мальчика нигде не было, он бесследно исчез.

Отчаявшись, капитан опустился на скамью возле дома, закрыл голову большими натруженными руками. Михаил Иванович сел рядом, положил руку на ставшую вдруг горбатой широкую вздрагивающую спину, и сам не узнал свой осевший голос.

— Крепись, Фридольф, может быть, мальчик еще найдется...

Шкипер то ли сказал что-то, то ли простонал в ответ.

— Случилось то, чего мы опасались, — продолжил Михаил. — Эти пираты как-то узнали, что ты отбыл со всеми вооруженными людьми, а я только собираюсь переселяться. И вот, улучив момент, напали на беззащитных. Мальчика забрали, чтобы получить с тебя выкуп.

— Ты думаешь, мы его еще найдем? Я бы все отдал...

— Должны найти. А с ними — рассчитаемся!..

— Что будем делать? Гек поднял голову:

— Пошлем депешу в гарнизон, вызовем из деревни понятых. Составим акт, похороним убитых, А завтра — в погоню за бандитами. Согласен?

Финн поднялся, расставил ноги как на своем мостице. Запавшие глаза были сухими. Он протянул жесткую ладонь.

— Правильно. Спасибо. Я всегда знал, что на тебя можно крепко полагаться. Верно говоришь. Теперь все равно: что будет — будет. Давай действовать. А имущество, скот, лошади — черт с ним. Наживем. Лишь бы сын...

К вечеру прибыл староста деревушки корейских переселенцев Верхнее Сидеми — Син Солле с помощниками. Он прилично говорил по-русски, рассказал, что хунхузы не обошли своим вниманием и их: ограбили, угнали скот. Переселенцы заявили, что готовы принять участие в погоне за бандой. Подписали акт, помогли рыть могилы.

Ольга Лукинична работала наравне с мужчинами и заявила, чтобы о ней и детях не беспокоились. Пусть утром муж и Гек с помощниками идут в погоню. А у нее есть штуцер с сотней патронов и она останется с командой сторожить судно и детей.

— До вашего возвращения будем ездить на берег только за водой. Ничего с нами не случится.

Чуть свет маленький отряд покинул бухту Гека. Следы банды привели к устью естественного канала, что соединял лагуну с морем и отрезал полуостров от материка. Здесь, по мелководью, переправились и гнались за бандой до вечера. Заночевали на одиноком хуторе украинских новоселов.

Хатка бедных переселенцев оказалась тесной, утомленные дальним переходом люди спали на полу вповалку, не раздеваясь. И хотя несли посменный караул, опасаясь ночного нападения, ружей не разряжали. Поднявшись на рассвете, начали торопливо собираться.

Всегда готовый одним из первых, Михаил Иванович поторапливал отстающих, опираясь на ствол своего винчестера. Вокруг на полу валялись походные сумки и мешки, брошенные с вечера в изголовье. Сейчас их разбирали, приводили в порядок.

Говорят, что и незаряженное ружье раз в год стреляет. А заряженное — тем более. Как случилось, что курок винчестера оказался взведенным? Как вышло, что какая-то из лямок или веревочек запуталась и дернула за спусковой крючок? Как бы то ни было — в комнате вдруг оглушительно ахнул выстрел!

Суетившаяся у плиты молодая хозяйка вскрикнула и схватилась за сердце. Под потолком повисло облако голубоватого дыма, горько запахло порохом. Винчестер с грохотом повалился на пол, а Михаил Иванович захватил правой ладонью кисть левой руки, пригнулся и быстро вышел на крыльцо. Остальные выбежали следом за ним. Опаленный лоб Михаила потемнел, скользнувшая над левой бровью пуля прочертilla на нем багровую полосу. Но то была мелочь, и опытный Гек крикнул:

— Михаил Иванович, руку, руку покажи!

И присутствующие увидели окровавленный, висящий на коже и сухожилиях большой палец левой руки, Он был перебит пулей в самом основании.

На некоторое время все растерялись. Ведь с ними не было ни врача, ни медикаментов. А Михаил Иванович, молча глядя на рану, неловко потянул из ножен свой охотничий нож. Гек нахмурил брови.

— Ты что думаешь делать?

— Думай, не думай, другого выхода нет. Видишь — кость раздроблена? Подержи-ка... И он одним движением отсек безжизненный палец. Не охнул и не вздрогнул, но только теперь глубоко вздохнул и расправился.

— Ну, вот и все. Попросите кто-нибудь у хозяйки чистую тряпочку, нужно покрепче перебинтовать. Набей-ка мне трубку, Фридольф. Сам сейчас не смогу... — Он хотел улыбнуться, но получилась скорее гримаса. Вбежала хозяйка, присыпала рану пеплом, перебинтовала чистой детской простынкой. Гек зарядил трубку, подал и чиркнул спичкой. Михаил Иванович затянулся:

— Кажется, на этот раз я отвоевался...

Староста корейской деревушки Син Солле тронул его за локоть здоровой руки:

— Очень худо, крепко боли будет. Только это нам знак. Сопка хозяин Сан-син говорит: эта раз дальше ходить не надо. Я очень плохой сон видел, так знал — что-то случится. Теперь лучше всем домой ходить...

Продолжать преследование Михаил Иванович, конечно, уже не мог. Посоветовавшись, погоню решили прекратить. Тем более, что уже шел четвертый день, и хунхузы, по всей вероятности, успели пересечь границу. Син Солле с помощниками вернулись в свою деревню, Янковский и Гек со своими людьми — на полуостров. Следов мальчика так и не обнаружили. Очевидно, малыш не вынес тягот похода сквозь тайгу, тоски по дому и родителям. Обстоятельства гибели шестилетнего светловолосого ребенка навсегда остались неразгаданной тайной Синих гор.

А Гек всю жизнь продолжал искать своего единственного сына. И спустя годы все мечтал где-нибудь встретить его. Но, увы, безуспешно.

Рана Михаила Ивановича оказалась серьезной. Пришлось обращаться в госпиталь, во Владивосток, временно перевезти и устроить там семью.

Узнав о трагедии, многие друзья и знакомые в городе убеждали компаньонов оставить свою «затею» — селиться, рядом с берлогой хищников. Для этого были все основания, и, наверное, никто не осудил, если бы шкипер и фермер похоронили свои мечты в общей могиле. Но нигде среди мемуаров этих двух землепроходцев нет и намека на колебание. Гек взял в помощники дельного корейца, вскоре женился на вдове с двумя дочками и продолжал китобойный промысел. Янковский, залечив руку, вернулся на полуостров. И зимой, по льду замерзшей бухты, завез на лошадях из Кедровой пади строительный лес.

«НЭНУНИ»

Наступил март 1880 года. В знакомой долине, под облюбованной когда-то скалистой горкой и старыми липами, встал лагерь строителей. Задымила жестянной трубой большая суконная палатка, рядом, под навесом, кухня.

Времени не теряли. Как только теплое приморское солнце согнало снег, в быстро оттаивающей земле начали рыть траншней, закладывать солидный каменный фундамент. На высокие козла накатывали толстые бревна, и пара пильщиков, один сверху, другой снизу, с раннего утра, сменяясь, тянули тяжелую маховую пилу, распуская на бруски и доски вековые кедры и ели.

В апреле принялись формовать добротные саманные кирпичи. Опытный плотник, столяр и строитель, Михаил Иванович руководил и сам с увлечением трудился над своим «первенцем» с топором в руках. Стало пригревать. Показалась робкая травка, развертывался первый лист. Каменистую горку «Обсерватория» позади будущего дома озарил фиолетовым светом багульник. На высоких липах, звонко перекликаясь, деловито вили гнезда сороки.

Погожим утром, когда все уже давно приступили к работе, послышался приближающийся топот копыт. Два корейца в домотканых серо-белых куртках и шароварах, соскочив с тонконогих крохотных пони, быстро пошли навстречу. В шедшем впереди Янковский сразу узнал знакомого старосту корейской деревушки Верхнее Сидеми. Главный переводчик и посредник переселенцев из страны Утренней Прохлады был невелик ростом, но быстр в движениях и ловок. Однако сегодня он выглядел утомленным и взволнованным.

— Здравствуй, Син Сolle! Что это вы так загнали своих лошадок? Вон, совсем запалили.

Кореец нервно дернул себя за жидкую бороденку, попытался выдавить улыбку, протянул руку.

— Здравствуй, Микау Иванычи! Мы сильно торопились. Очень худо новости. Хунхуза наша деревня совсем ограбили. Кони, муйка (коровы), какой-какой вещи — все кругом забрали. Несколько стариков тоже схватили — выкуп требовать.

— О, черт, когда это случилось?

— Эта ночью напали, рано утром ушли на сопка. Микау Иванычи, помогай. Если им наказанья не будет, все пропадем! Другой раз нас, — они кругом кончать будут!

Михаил Иванович сразу схватил мысль старости. Если и на этот раз не проучить, разбойники истолкуют бездеятельность как слабость, трусость, и тогда с ними сладу не будет...

— Верно говоришь, Сolle! По очереди перебьют всех.

— Я точно говори. Чего будем делать? Просить помогать гарнизон? Посылать люди на почтовый станция?

— Послать нужно, но ждать помощи нечего. Пока пришлют солдат, будет поздно. Те опять успеют уйти. Нужно собрать всех охотников и идти следом сегодня же, не терять ни минуты!

Строители прекратили работу и с тревогой прислушивались. Михаил Иванович окликнул одного из помощников.

— Слышал? Скачи пулей к Геку, передай, чтобы готовился к походу. Через час будем выступать.

Он повернулся к корейцам:

— А ваши охотники все пойдут? У нас ведь людей маловато.

— У нас в деревне сказали: если Микау Иванычи будет командир, у кого ружье есть — все пойдут!

— Добро. Скачите сейчас домой, собирайте людей, готовьтесь.

К вечеру Янковский и Гек с добровольцами вступили в деревню Верхнее Сидеми, лежавшую в двадцати верстах от полуострова. Все собрались во дворе старосты. Син, Гек и Янковский присели на крылечке, остальные — кто на скамейке, кто на опрокинутом ящике, а большинство, по корейскому обычая, на kortochkah. Не многие держали в руках скорострельные винчестеры. В лучшем случае — однозарядные берданы. Большинство были вооружены допотопными шомполками. Но в потрепанной одежде, легкой самодельной обуви, с патронташами и большими ножами у пояса, они выглядели настоящими, бывальми таежниками.

— Ну как, Солле, если выступим сейчас, на ночь глядя, не собьемся, не потеряем след? — Михаил Иванович критически оглядел свою команду.

— Нету. Не потеряем. У нас такой охотники есть, который ночью как сова смотреть могут. Вон, Пак Ту Суни, Че Чун Гуги. Отвечайте сами.

Оба поднялись, опираясь на свои длинные фузели. Пак неплохо объяснялся по-русски.

— Надо ходить сейчас. Ночи, не ночи, дорога потерять не будем.

Он добавил несколько слов по-корейски и Син Солле перевел:

— Он сказал — хунхуза как цепочка ходит. Первый, второй, третий — все один след. Ямка глубоко остается. Еще они несколько кони, муйка гоняли, след хорошо видно. Но сколько люди ходили, считать трудно.

— Их больше, но мы должны напасть неожиданно, — Михаил Иванович обернулся к старосте: — Вот что, Солле, скажи своим людям, чтобы шли молча. И курить этой ночью не будем, могут заметить. Пака, Чёгая и кого-нибудь отправь еще для связи вперед по следам банды, пусть держат нас в курсе.

Высланные вперед корейские следопыты пробирались бесшумно, как тени. Разноплеменная дружина двигалась за ними осторожно, но проворно. Так прошагали под звездами всю ночь.

Но вот занялась ранняя заря. Слегка порозовели далекие контуры Синего Хребта, по распадкам начал подниматься туман. Небольшое облачко вдали показалось не похожим на остальные, более голубым. Син Солле нагнал Янковского и Гека.

— Смотрите, смотрите там, Я думаю, это не туман, это дым!

А от разведчиков уже бежал связной.

— Пак передал — видит дым. Он знает, что у «них» есть большое зимовье, недавно построили...

Прошли еще немного и встретили обоих следопытов. Они подтвердили: там, возле тропы контрабандистов, в распадке под скалой в прошлом году появился длинный сруб. Это их «станция». Оттуда последний переход к границе. Судя по дыму, они уже варят завтрак, с рассветом уйдут дальше.

Через полчаса отряд осторожно подтянулся к намеченному месту, сделали небольшой привал. До дыма оставалось несколько сот шагов. Слегка рассвело. Сквозь распустившийся лес был едва различим низкий бревенчатый барак. Возле него двигались чуть заметные тени, долетали обрывки гортанной речи.

Пак зашептал:

— Они, они, больше там сейчас никто нету. Еще близко пойдем, наша пленна старика увидим...

Людям дали передохнуть, проверить оружие и снаряжение.

— Я думал удастся окружить, но теперь вижу — долина узкая, скала. При обходе могут заметить, — Михаил Иванович шепотом пояснял свой план Син Солле и Геку. — Поэтому разобьем людей в цепь и начнем потихоньку подкрадываться к зимовью полукольцом. Ты, Фридольф, направляй левое крыло, Син — правое. Я пойду в центре.

— А стрелять когда?

— Предупредите своих — как подберемся наверняка, я сниму самого заметного, а там пусть палят все, лучше залпом. Тут порох жалеть нечего.

Маскируясь за кустами и деревьями, цепь незаметно приближалась к лесному бараку. Несмотря на ранний час, банда действительно уже готовилась к выходу. Одни выносили тюки, другие завьючивали лошадок, третьяи, ругаясь, выводили связанных заложников.

А цепь все ближе. Уже можно, различить, что делается перед зимовьем. И вот Михаил Иванович увидел: в дверях со скрученными назад руками появился пленник. Старик Ким, тесть Син Солле! За Кимом вышел высокий человек в синей куртке, в руках — длинная берданка. Старик засеменил к жавшимся в стороне заложникам, дернул веревку в руках конвоира. Это взбесило его.

Он сорвал с плеча ружье, зашипел и занес приклад над головой старика. Михаилу Ивановичу показалось, будто сейчас ударят его отца.

— Нет, негодяй, не успеешь! — он поймал синего на мушку и одиночный выстрел, как треск расколотой чурки, разорвал утреннюю тишину: чах-х-х-х!.. Бандит выронил ружье, просел в коленях, согнулся и, свалив поленницу дров, ткнулся в ноги арестанта.

И тут же грянул дружный залп охотничьих шомполок, бердан и винчестеров. Ахнул в лесу и эхом откатился от скалы. Несколько бандитов повалилось на месте, посреди двора. Остальные на мгновение застыли, потом, побросав пленных и лошадей, кинулись врассыпную в лес. Прячась за деревьями, открыли беспорядочную стрельбу. По стволам деревьев, по кустам, сбивая ветки, защелкали свинцовые пули. Среди едва распустившейся листвы вспыхивали и расплывались сизые облачка дымного пороха. Его особый, горьковатый запах все остreee ощущался в сыром утреннем воздухе. Хунхузы стреляли, почти не целясь, в надежде поскорее оторваться от погони, скрыться с глаз. Слышны были их возбужденные восклицания, — они торопили друг друга.

Одобренные успешным началом, охотники все увлеченнее стремились вперед, стараясь ловить на мушку мелькавшие в лесу тени. А несчастные пленники, оказавшись между двух огней, расположились по кустам со связанными за спиной руками, — кто куда, лишь бы уткнуть голову в укрытие!

В эти минуты в чаще происходило беспрерывное движение. Одни перебегали, другие прятались: кто за камень, кто за упавшую лесину. Строй и порядок, конечно, нарушились.

И вдруг, сквозь шум отдельных возгласов, зарокотал начальственный голос главаря шайки. Черноусый батоу, опытный бандит, не поддался панике. Затаившись за деревом, он быстро разобрался в обстановке. Его команды я угрозы возымели действие. Огонь хунхузов стал жарче, прицельнее. Почувствовав это, Син Солле, стараясь вновь посеять панику, закричал:

— Окружайте хунхузов, окружайте! Отрежем им дорогу к сопкам!

Наблюдая за цепью, Михаил Иванович все время продвигался вперед и незаметно для себя попал в засаду.

Опытный глаз атамана издали нащупал командира охотников. Спрятавшись за толстым деревом, он ждал его приближения. Но вот коренастый бородач с винчестером наизготовке миновал вековой тополь. Пора!

Хунхуз высунулся из-за дерева и стал ловить врага на мушку. Державшиеся неподалеку корейские следопыты заметили бандита, но, только что отстреляв, не успели перезарядить свои одностволки и замерли в оцепенении: сейчас грянет выстрел и их «капитану» конец! Поздно...

Хрустнула ли под ногой хунхуза сухая ветка? Или чей-то неведомый голос заставил обернуться? — Но Михаил Иванович вдруг оглянулся. Он увидел сгорбленную и напряженную фигуру, направленный на него длинный ствол ружья и даже маленькую черную дырочку дульного отверстия. И мгновенно вскинул свой винчестер.

Теперь даже не секунды, а доли секунды решали исход дуэли. Кто быстрее, кто точней?

Маньчжур целился очень тщательно. Он был уверен, что выигрыш во времени на его стороне. Откуда было ему знать, что противник разбивает пулей летящий в небе камень?

Михаил Иванович выстрелил с ходу, прямо с разворота, но винчестерская пуля пришлась в цель. Черноусый вздрогнул, выронил бердану и рухнул на усыпанную прошлогодним листом землю. Но это был волевой и фанатичный хунхуз. А по поверию предков дыру от пули нужно лишь как можно скорее заткнуть: не выпустить через нее мятежный «дух». Только не опоздать! А рана заастет... И он ногтями судорожно содрал с корня мох, задрал куртку и, лежа, заткнул рану. Уверенно схватил ружье и поднялся на ноги. Попытался крикнуть, но видно, «дух» успел-таки выйти: усатый припал к дереву, сполз вдоль ствола и раскинул руки. Покатилась в сторону шапка, заскользила по опавшим листьям бердана. И, зацепившись за что-то спусковым крючком, вдруг выстрелила. Уже в землю.

Янковский автоматически рванул скобу, загнал новый патрон, и в этот момент услышал как всегда неторопливый, но показавшийся странно хриплым голос Гека:

— Михаил, мой винчестер не открывается!

Он резко обернулся и увидел невдалеке среди деревьев силуэт шкипера. Гек, выхватив свой мощный кривой кинжал, возился с магазином, поврежденным прямым попаданием тяжелой хунхузской пули.

Ковыряясь с ружьем, китобой выдвинулся из укрытия — ствола толстого кедра. И вдруг в двух десятках шагов от него Михаил заметил какое-то движение. В подлеске, из-за поваленного бурей дерева высунулся ствол берданы. Михаил прицелился в поднявшегося на одно колено бандита и, не медля ни секунды, выстрелил чуть ниже темной шапки-ушанки.

Восторженный вопль нескольких голосов прокатился по лесу, и стрельба как-то сама собой сразу стихла. Потрясенные гибелю своего батоу и товарищей, хунхузы как зайцы сигали по лесу.

Охотники, уже не прячась, стекались к месту главных событий. Широко шагая, подошел Гек и крепко пожал руку друга.

— Спасибо. Тот змея мог сделать мне хорошую дырку! — Он посмотрел на бездыханного батоу. — Ловко ты их. Только жаль, этот рано выпустил дух. Может быть, он мог рассказать про мой мальчик.

Взволнованный Син Солле обнял Михаила Ивановича.

— Молодец! Ту Суни говорит — думал, тебе конец! Как успел заметить хитрый вора, как успел стрелять прямо черный сердце? Это их самый главный. Теперь, кто остался живой, будут бегать к себе домой, рассказывать. Снова скоро не придет... Что, будем посыпать один люди в деревню, чтобы там нас ожидали?

— Конечно, сажай кого-нибудь верхом, пусть скачет. А мы пойдем развязывать пленных. Я давеча издали узнал твоего тестя. Да, раненые есть?

— Только два человека пули немного поцарапали... И тут же в деревню поскакал гонец с радостным

известием: все живы, пленные освобождены, идут домой.

Задымили в деревне высокие деревянные трубы, закипела в чугунных котлах вода. Закудахтали обреченные куры, взвизгнул поросенок. Засуетились хозяйки и подростки. Попыхивая аршинными трубками, приготовлениями степенно распоряжались белобородые старики-переселенцы.

Пир подготовили на просторном дворе старосты. Глинобитный пол гладко утрамбован, чисто выметен. Весь двор обнесен сплетенным из лозы высоким забором, в нем тихо, тело. Расстелены камышовые циновки, расставлены низкие лакированные столики. На них латунные чашки с парящей вареной свининой, жареными в кунжутном масле курами, очищенными крутыми яйцами, квашеной с чесноком и красным перцем капустой и редькой. В мисочках вяленая рыба, пророщенные бобы, соленые побеги папоротника в соевом соусе. В оплетенных ивовыми прутьями корчагах — духовитая корейская водка — сури.

Деревня Верхнее Сидеми устроила отряду торжественную встречу. Но Михаил Иванович и Гек только наскоро перекусили, поздравили с успехом и ускакали домой. Их ждали неотложные дела.

Зато оставшиеся ели, пили и галдели в свое удовольствие: рассказам не было конца. Но главная тема — поединок двух атаманов. Раскрасневшийся от горячей пищи и сури Пак Ту Суни завладел общим вниманием:

— Вы думаете, простой человек мог увидеть врага у себя за спиной и так, в одно мгновение, его сразить? Нет, не мог. Обыкновенный не мог. Но я-то был рядом, все видел и понял, в чем дело, в чем секрет. И я прямо говорю: у Микау Иванычи есть невидимая, ни для кого не заметная вторая пара глаз, на затылке. Он настоящий четырехглазый — Нэ нуни!

— А-а... Вон как, ясно, ясно! Нэ нуни, Нэ нуни... Четыре глаза. Четырехглазый, — корейцы переглядывались и согласно кивали друг другу. Русским дружинникам тут же перевели слова рассказчика.

Вряд ли Михаил Иванович Янковский мог предполагать, что с того далекого, действительно не совсем обычного для этого почетное прозвище «Нэнуни» сохранится за ним на всю жизнь. Корейцы же по-своему окрестили и полуостров, назвав его «Нэнуни сом» — «Остров Четырехглазого».

КИТЫ И ТИГРЫ

За лето «Нэнуни» достроил свой дом-крепость — прочное, на высоком каменном фундаменте здание с аршинной толщины стенами. По тем временам оно действительно было неприступным бастионом. Массивные, окованные железом двойные дубовые двери запирались изнутри на мощный засов. В окнах — чугунные прутья. На просторном чердаке — мансарде — слуховые окна — бойницы. На дворе сторожевые собаки. В доме все вооружены. Не очень умелых Михаил Иванович по воскресеньям регулярно обучал стрельбе.

Он возглавил отряд самообороны всех окрестных хуторов и деревушек русских и корейских переселенцев. Была налажена разведка, и теперь они всегда были готовы дать отпор. Слух об этом прокатился далеко за Синие горы и хозяйничанье темных людей заметно пошло на убыль. В сентябре 1880 года на новый хутор перебралась из Владивостока и Ольга Лукинична с детьми. Отпраздновали новоселье.

За домом под старыми липами Ольга устроила цветник, начала разводить розы и георгины. Неподалеку разбили огород. Забор вокруг него соорудили из лозы тальника. Ивовые колышки выбросили листву и веточки, плетень на глазах начал тянуться ввысь.

Михаил Иванович любовно подобрал в горах дички вишни, груши и абрикоса. В полуверсте от дома, на высоком берегу речушки, подыскал солнечную площадку с плодородной землей, поднял целину и рассадил деревца правильными рядами. На следующий год привил европейскими сортами, доставленными даже не за три, а за десять морей, из Одессы. Все привились и цвели, хотя плодоносили далеко не каждый год.

Начал осуществлять свою главную мечту о коннозаводстве. Приобрел лучших по экстерьеру четырех монгольских, четырех маньчжурских и двух корейских кобылок. А первым стражем и производителем этого «исторического» косяка стал родившийся во владивостокском морском интендантстве полукровный рыжий жеребчик Атаман. Производитель был тоже невелик ростом, но, гордо разгуливая рядом с крохотными азиатскими кобылицами, издали казался даже великаном!

В первый же год завезли несколько коров, быка, коз, овец, кур, уток, гусей. Кое-как подготовили птичник, коровник, конюшню, и все же большинство живности осталось зимовать во дворах и пригонах.

Гек ограничился небольшой заемкой на берегу бухты. А залив Петра Великого был его плодородным «полем», китов там водилось множество. Но вся китобойная флотилия вольного шкипера состояла из легкой парусной шхуны, гребного вельбота и шлюпки, а команда — он сам, два матроса, да два гребца.

В субботу, после бани, Гек заглянул на хутор соседа.

— Ну как, Михаил Иванович, идем завтра вместе за китом? Ты ведь давно собирался, я помню.

Михаил Иванович вопросительно посмотрел на жену.

— Плыvите, плывите, завтра воскресенье, я тут управлюсь. А вы хоть отдохнете немного от дел. Давеча сами говорили: «интересно бы сходить с Геком на кита...»

Тихим и ясным утром «Анна» послушно бороздила голубые воды залива. Соседи стояли рядом на мостице, шкипер не отрывался от подзорной трубы. Вокруг островов Желтухина, Карамзина, Моисеева киты встречались часто, но главное заключалось в том, чтобы заметить спящего. У Гека не было еще ни гарпунной пушки, ни стальных линий, ни быстроходного катера. Нужно было подкрадываться на гребной лодке, все операции выполнялись вручную.

— Есть! Во-он, видишь черный точка? Это он. Сейчас ложимся дрейф, спускаем вельбот.

Шхуна убавила паруса, на воду спустили небольшой бот. Капитан встал на носу, два гребца уселись на средней банке, разобрали весла. Михаил Иванович поместился на корме у руля.

На носу вельбота была установлена катушка с намотанным на нее стосаженным пеньковым тросом. На его конце — острый ручной гарпун. Рядом на треноге — огромное четвертого калибра — шомпольное ружье, заряженное свинцовой пулей размером в куриное яйцо.

— Михаил Иванович, смотри на моя рука. Куда покажу, туда направляй. Когда левый рука кверху, — дай ребятам команда: тихий ход. Ясно? Давай вперед!

Матросы налегли на весла. Гнезда уключин густо смазаны салом, сами уключины обмотаны тряпками: ничто в лодке не стукнет, не скрипнет. Надо подойти неслышно.

Левой рукой Фридольф указывал направление, Михаил правил. Опытные гребцы гнали вельбот ровно и быстро. В такт дыханию дремлющее морское чудовище то высоко вздыпало над поверхностью океана блестящий на солнце мокрый горб, то медленно осаживало его вглубь.

Тридцать, двадцать, десять саженей отделяли лодку от черного горба. Гек, не оглядываясь, машет левой рукой — тихо! А правой поднимает на уровень плеча тяжелый гарпун.

Последний, решающий момент. Пригревшись на солнце, кит продремал охотников. Не взметнулся, подняв столб брызг, не скрылся в пучине, завертев опасную воронку.

Шкипер упирается ногами между шпангоутами, собирается в комок, и — бросает! Описав в воздухе дугу, гарпун смаху глубоко впился в приподнявшуюся над водой спину! Гигант вздрогнул, как прижженный каленым железом. Подскочил, почти обнажив огромный корпус, и рванулся, как вихрь. Бешено взвыла завертевшаяся катушка, стремительно разматывая прикрепленный к гарпуни трос. Лодка рывком кинулась вперед.

Но вдруг кит страшно ударил хвостом по воде и сразу круто пошел в глубину. Катушка жужжит и воет, от трения начинает дымить. Линь разматывается с такой быстротой, что рябит в глазах!

Гек схватил топор. Кит оторвался уже на сотню футов, но идет в глубину, и если сейчас заклинит трос, лодку или опрокинет, или стремительно утащит в морскую пучину. Тогда выход один — рубить драгоценный линь и освобождаться. А пока один матрос беспрерывно окатывает из ведра забортной водой дымящуюся катушку, второй вычерпывает и выливает воду обратно в море.

Очень долгими показались Михаилу Ивановичу эта первые, критические минуты. Он цепко держал румпель, стараясь точно выполнять сигналы Гека. А кит то появлялся на поверхности, то снова уходил вглубь.

— Держи мягко, Михаил! Не давай бот вставать боком. Сразу опрокинет! — Едва уловимым движением опытный китобой поправляет раскаленный трос, не дает ему запутаться.

Но вот, израсходовав силы и размотав весь линь, кит начал маневрировать. Прошел час, другой. Кит всплыл, сделал передышку. Вельбот снова бесшумно, против ветра, приближается. Шкипер наводит свою огромную шомполку. Когда кит набрал в легкие воздух и высоко обнажил бок, Гек целится в известную ему наиболее уязвимую точку и нажимает на спуск. Из ствола с грохотом вырывается клуб дыма, кит вздрагивает и... все начинается сначала. И так несколько раз. Но всяким силам есть предел: в конце концов кит ложится на бок и тогда его можно уже буксировать.

К счастью, ветер позволил шхуне все время идти следом за вельботом и вскоре она приняла на борт измотанный экипаж.

— Ну, брат Фридольф. Не дешево достается твой хлеб! Я смотрел, как ты на ходу направлял на валу

трос — этак можно и без пальцев остаться.

Китобой усмехнулся, вытянул перед собой мозолистую руку со скрюченными пальцами:

— Мой пальцы уже давно, как крючок...

— Да, черт возьми, опасная работа. Я думал, мы сегодня обязательно будем плавать.

— Сегодня еще хорошо. Разве я не рассказывал тебе, как попал один раз? Когда начинал охота, опыта было мало — подошли слишком близко. Бросил гарпун, попал, а кашалот как трахнул хвостом, лодка рассыпался на щепки, вдребезги! И все моментально поплыли на вода. Оба гребца сразу утонули. А я, как кошка, поймал одну доску от вельбота и плавал на море несколько часов. Хорошо, что было тихо, только вода был очень холодный.

— А как же шхуна, почему она тебя сразу не подобрала?

— Они нас потеряли. Когда на море один голова торчит, далеко не увидишь... Потом, когда нашли, я даже говорить не мог...

«Анна» вошла в бухту и бросила якорь. На берегу уже копошились люди. Под установленными на камнях котлами раскладывали костры, приводили в порядок засолочные чаны.

К берегу великана потянул вельбот. И несмотря на то, что гребли теперь в две пары весел, приближались медленно. Гек картинно сидел верхом на огромном горбе кита и дымил трубкой.

Вытягивали тушу специальным воротом, вкопанном шагах в тридцати от линии прибоя. И сразу приступили к разделке. Отделили ус, извлекли многоголовую печень.

Жир рубили на куски, бросали в котлы, перетапливали и сливали в бочки. Бордовое мясо резали на кубики и пластины, засаливали в деревянных чанах. Гек командовал и, засучив рукава, азартно работал сам.

Взглянуть на кита прибежала из-за перевала и Ольга Лукинична. Михаил Иванович, помогая очищать скелет, с увлечением рассказывал об охоте, ни словом не упомянув об опасности.

Занятый разделкой, капитан обернулся к ним:

— Гоните сюда телега, берите мясо. Оля, это мясо первый день — как говядина. Жарьте сразу гора котлеты. Уберите на ледник, будете кормить всех несколько дней! Знаешь, Михаил Иванович, я из ребра буду строить ворота, а из позвонки делать табуретка.

Фридольф обладал незаурядной фантазией и вкусом. От его дома к морю тянулась аллея высаженных из леса, расцветавших в мае бело-розовым цветом грушевых деревьев. И при входе в эту аллею со стороны моря он действительно построил экзотические, выполненные в восточном стиле, целиком собранные из китовых ребер ворота. А в конце аллеи, рядом с домом, поставил оригинальную беседку. В ней, вокруг стола, крышкой которому служила лопатка кита, расположились похожие на винные бочонки желтоватые китовые позвонки — табуретки.

* * *

Янковские украсили веранду своего дома лозами дикого винограда. Он быстро потянулся вверх, вплз на крышу, затеняя крыльце от солнечных лучей.

Это лето принесло им первые радости. В косяке Атамана появилось четыре длинноногих жеребенка, забавно прыгавших возле своих маленьких мам. Они паслись в общем табуне неподалеку от дома, только на ночь возвращаясь в пригон в сотне шагов от усадьбы: конюшня стояла еще неотстроенной.

К осени молодежь заметно подросла, быстро догоняя маток. Это радовало: первый опыт

скрещивания с русским конем наглядно оправдывал надежды. К ласковым разномастным жеребятам успели привязаться все, особенно Ольга Лукинична и дети. Все новорожденные получили клички.

Но в ноябре на полуостров пожаловал тот, кто считал себя полновластным хозяином всего живого в этом крае. Да он и был здесь хозяином на протяжении веков. Охотничьи племена гольдов, орочей тазов, удэге издревле почитали тигра божеством, не смели поднимать на него свое примитивное оружие. Напротив, ему молились, приносили жертвы. Перед гигантской оранжево-полосатой кошкой трепетало население Кореи и Маньчжурии. Верховный правитель Страны Утренней Прохлады вынужден был издать указ: выделить из лучших воинов королевской гвардии специальные команды храбрецов-богатырей для борьбы с тиграми! Но и это не спасало сельских жителей от кровавых набегов: хищники, как в собственную кладовую, вторгались в человеческие жилища.

Янковские услышали тревожное ржание и топот своего косяка во дворе, выбежали на крыльцо. Следом за лошадьми бежал бледный, запыхавшийся воспитанник Андрей.

— Михаил Иванович! Тетя Оля! Сейчас какой-то громадный, похожий на кошку зверь схватил за огородом Рыжика! Задавил и прямо в зубах утащил на сопку в лес!

Все гурьбой кинулись в поле, где с утра бродил косяк. Нашли клок шерсти, немного крови. Больше ничего. Снега еще не было, но на оттаявшей утром земле Михаил Иванович разглядел круглый, размером в тарелку, след. Тигр!

Попытался проследить, но крови было всего несколько капель, а в лесу след и совсем затерялся. С тяжелым сердцем он повернулся домой. Жена бежала навстречу.

— Ну что? Нашли что-нибудь?

— Нет, Рыжика, Оля, искать нечего. Но я нашел следы — унес тигр. Боюсь — это только начало. Снега-то нет, как его найти?

Ольга отвернулась. Она не любила показывать свои слезы даже мужу. Грустные они вернулись домой. А Андрей успел рассказать о беде Лизе и Шуре, и теперь ревели все хором...

Опасения хозяина подтвердились. Рыжика тигру хватило всего на два дня. На третий он так же безнаказанно уволок Белку. И эта охота ему очень понравилась. Брать глупых и беззащитных домашних животных оказалось куда легче, чем скрадывать чутких кабанов, оленей, коз. Те часто срываются из-под самого носа, а старый кабан еще и клыки показывает!

Третьего жеребенка, а за ним по очереди и двух маток он взял ночью уже прямо во дворе, в ста шагах от дома. Всякий раз собаки, поджав хвосты, поднимали дикий лай, но с места не трогались. И пока хозяева выбегали с оружием на шум, тигр спокойно успевал увлечь свою жертву, легко перемахивая полутораметровую ограду с лошадкой в зубах. Вламываясь в недостроенную конюшню, он одним ударом лапы перебивал лошади шейные позвонки и волок ее без сопротивления.

Михаил Иванович невольно вспомнил слова адмирала: «двуноногие и четвероногие хищники могут доставить вам немало хлопот». Да, с двуногими вроде бы справились, но вот четвероногие, кажется, в самом деле могут похоронить его мечту. А снега все нет!

«Нэнун» ходил мрачный. Ольга Лукинична при нем не плакала, но осунулась на глазах. Он знал, что жена почти не спит.

И вдруг — в полнолуние — долгожданная пороша!

Михаил Иванович посветлел. Проверил под вечер винчестер, отобрал самые надежные патроны. Ольга Лукинична вышла из кухни.

— Где думаете его караулить?

— Спрячусь под стеной конюшни в сено. Для приманки привяжу во дворе Пегашку.

— Последнего нашего жеребеночка?

— Сейчас при полной луне на снегу светло. Замечу его загодя, схватить жеребенка не дам, не беспокойся.

Он взял под мышку тулуп и вышел. Вывел жеребенка, привязал к коновязи посреди пригона. Бросил под неосвещенную луной стену конюшни охапку сена, накинул на плечи тулуп, сел. Стояла тихая, светлая, еще не очень морозная ночь. Отчетливо виден стоящий в двадцати шагах Пегашка. Пригорюнясь, он лениво жевал клок сена.

«...Нет, сегодня вору незаметно не подкрасться. Увижу».

И только подумал, как краем глаза заметил какую-то тень и вздрогнул. А в воздухе молнией сверкнуло длинное изогнутое тело. Огромные лапы простертые вперед, хвост — змей!

На мгновение почудилось: сказочный дракон спрыгнул с луны. Но тут жалобно, пронзительно проверещал Пегашка, и охотник отчетливо рассыпал хруст раздробленных позвонков. Еще миг, и тигр, как кошка с мышью, с жеребенком в зубах бежал крупной рысью к ограде.

Пусть полная луна, но ночь есть ночь. Посадить на мушку на бегу трудно. Стрелку показалось, что поймал переднюю лопатку, — он выстрелил. Тигр сразу бросил добычу, глухо рыкнул и плавно перемахнул через ограду. Пегашка не шевелился, вокруг головы по снегу растекалось темное пятно.

Михаил Иванович выскочил через калитку в заборе и увидел след хищника. Разбрасывая неглубокий снежок, он уходил к лесу саженными прыжками. Справа от этих огромных лунок на серебрящемся под луной снегу словно рассыпана гречиха... Он наклонился, взял на ладонь. Кровь! «Стрелял в левый бок. Значит, прохватил навылет... Ага, перешел на шаг, видно, задело как следует!» Он повернулся к дому.

Ольга, конечно, не спала. Она слышала предсмертный вопль жеребенка, выстрел, рык тигра. Засветив керосиновую лампу, встретила мужа на крыльце.

— Что, успел задавить Пегашку?

— Задавил и ушел, черт! Хоть и ранил я его, кажется, серьезно. Завтра позову на помощь Гека. Кроме Фридольфа в таком деле положиться не на кого.

Михаил Иванович протер винчестер и повесил его в спальне на рога оленя.

Утром, хорошо понимая, что раненый хищник во сто крат опаснее здорового, отправился к соседу: в мужестве финна он не сомневался. И тот собрался сразу, без лишних слов.

На море главенствовал Гек, на охоте — Янковский. Он шагал впереди. Кровавый след вел зигзагами сквозь густой кустарник. Было ясно — ранение тяжелое: хищник несколько раз ложился и все время петлял, а это значило, что он недалеко и готовит засаду. Охотники двигались осторожно, не торопясь и часто оглядываясь по сторонам. Каждый шорох держал в напряжении. Пересекли овраг, начали подниматься по отлогому склону соседней сопки, как вдруг услышали треск сухих веток кустарника. Тигр вскочил с лежки и, пригибаясь, как змея, подбирался к ним, готовясь к прыжке. По колеблющимся вершинкам орешника охотники улавливали его направление, хотя разглядеть зверя еще не могли.

Но вот из бурых зарослей близко вынырнула оранжевая, в седых усах, украшенная на лбу черным «иероглифом», страшная голова. Уши прижаты, пасть оскалена, ощерены огромные желтые клыки...

«Сейчас ему хватит трех прыжков, сомнет обоих!» — Михаил Иванович вскинул винчестер. Мушка

всплыла на уровень сверкнувших янтарных глаз, указательный палец плавно потянул гашетку...

И в этот миг Янковский внезапно услышал позади глухой, но спокойный голос:

— Не разбей череп, Михаил, его музей просил.

Но было уже поздно. Пуля угодила точно в лоб. Убийца шести лошадей расплатился собственной шкурой, и первый добытый на полуострове череп, хотя и с дыркой, все же украсил стеллаж краеведческого музея.

В те годы первопроходцы постоянно были рядом. Когда Гек завел первую гарпунную пушку, он сделал соседу памятный подарок. На стене веранды Янковских много лег висел мощный китовый ус, а под ним — отслужившая свой век тяжелая шомполка четвертого калибра, посеребренная морскими брызгами и туманами.

КОРЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

В апреле сошли последние остатки снега, утихли Дующие с далеких маньчжурских степей студеные северо-западные ветры. Растиал лед на лагуне, ушли на север последние вереницы лебедей, гусей и уток. На полуострове нежно зазеленели сопки, а в мае бело-розовыми дымками распустились абрикос, черемуха и дикая груша.

Погожим весенним утром перед домом-фортом показалась необычайно колоритная фигура. Бронзоволицый, с редкими, свисающими по углам рта усами и едва заметной бородкой, странник был одет во все самодельное. Сшитые жилкой куртка и штаны из серо-палевой козьей замши, унты из изюбринь. Неопределенного цвета платок прикрывал гладкие, черные волосы, заплетенные на затылке в небольшую косичку. За спиной сетчатая, сплетенная из тонких сыромятных ремешков объемистая сумка. На поясе патронташ и нож в чехле из рыжей, летней шкуры косули. Сзади на пояснице — серебристая шкурка барсука. Она предохраняет от сырости и холода, когда таежник садится на землю или камень.

На плече у пришельца висела старая бердана. В руке — палка-сошка. Ею упираются на подъемах и спусках, при переходах через речки, раздвигают траву, разыскивая след или целебное растение. Она же служит опорой при стрельбе.

Заметив гостя, Михаил Иванович сбежал с крыльца, крепко пожал протянутую коричневую руку. Так, за руку и ввел гостя в дом.

— Здравствуй, здравствуй, Ли Маза, садись, рассказывай, как дела. Давно тебя поджидал. Оля, завари-ка для нашего гостя чаю, да покрепче, он слабый не признает. Вот табак, кури, Ли Маза.

— Спасибо, Нэнуни, я свой курить буду. Ваш табак не крепкий. — Он набил из висящего на поясе кожаного кисета свою трубочку крепчайшим самосадом. — Чай, хозяйка, давай. Настоящий чай давно не нюхал...

Они встретились год назад. Ли Маза назвал себя тазом, представителем южной ветви племени удэге. Он несколько дней служил в отряде Янковского проводником, знакомил с хунхузскими тропами. На прощанье обещал показать осенью знаменитый человек-корень — женщень.

— Что же ты в сентябре не зашел, как мы договаривались?

— Прошлый год я далеко, на Сихотэ-Алинь пошел. Там женщень копал, соболь ловил, потом мало-мало болел. Давно думал на тебя посмотреть. Вот только сегодня пришел...

Сквозь открытую форточку донесся стук копыт. Михаил Иванович выглянул в окно.

— Ого, к нам сегодня еще гости. Син Солле с ординарцем!

Корейцы быстро привязали к столbam своих лошадок, и небольшой шустрой Син проворно взбежал на крыльцо. Все вышли навстречу.

— Здравствуй, Микау Иванычи! А-а, Ли Маза, давно не видели.

Все поздоровались по русскому обычью — за руку.

— Проходите, садитесь, сейчас хозяйка угостит чаем. Расселись вдоль длинного стола. Син Солле пытался соблюдать восточный этикет, но не выдержал:

— Спасибо, чай пить можно, только сначала главное дело скоро говорить надо...

— Что случилось, Солле, говори.

— Вчера пришли наши разведчики. Сказали — около Синий Хребет хунхузы снова большой отряд собрали. Очень серчают. Их новый батоу сказал: черный усы, который вы стреляли, — как его братка все равно. Он хочет нам отомстить. Сказал: ни один жить не оставим. Что будем делать, Микау Иванычи?

Хозяин задумался.

— Молодцы твои ребята, что выведали вовремя. Чтобы с ними разделаться, нужно опередить. Это главное. Я сейчас пошлю верхового в Славянку на телеграф, буду просить Владивосток срочно прислать в поддержку солдат гарнизона. Губернатор и командующий мне это обещали. Послезавтра мы должны снова встретиться у вас в деревне. Надо обязательно напасть первыми. Эх, жаль, нет Гека, он нынче ушел далеко, в Охотское море.

— А нам пока чего делать?

— Очень важно побывать около их лагеря. Хорошо бы узнать — сколько их, как можно подойти, можно ли окружить? А как — вам виднее, вы лучше всех знаете те места. Вот, может быть, и Ли Маза поможет, он знает каждую тропку. Как думаете? Таза пыхнул трубкой.

— Я думаю, можно. Будем ходить тихо, как кошка, нюхать, как лисица. Хунхуза нос тоже очень острый, надо осторожно...

Син Солле внимательно слушал таежника и даже не улыбнулся его шутке.

— Хорошо, мы с Ли Маза вместе пойдем. Там посмотрим. Я возьму еще помощника, оставлю где надо. Он будет вас встречать. Только теперь надо еще один кони для Ли Маза.

— Конечно, сейчас заседаем для него спокойного мерина...

Командующий гарнизоном не нарушил слова. В распоряжение Янковского срочно выступило отделение солдат под командованием унтер-офицера. В деревне Верхнее Сидеми воинская часть соединилась с готовой к походу дружиной самообороны.

Во главе с Михаилом Ивановичем отряд приблизился к условленному месту встречи. На тропе, возле ручья мелькнула фигура, послышался легкий свист. Син заметно осунулся, был бледен и возбужден. Двумя руками пожал руку друга.

— Хорошо, вовремя пришли. Скажите людям немного отдыхать. Надо все рассказать подробно, потом вместе будем думать...

Отряду устроили привал. Янковский, унтер-офицер и Син отошли в сторону, присели на поваленный бурей ствол кедра, и Син по порядку рассказал о том, что произошло вчера.

Ли Маза довел их до кромки леса и указал палкой на дымок. Посреди заросшего сухой полынью и кустарником большого, заброшенного опийного поля, стояло длинное зимовье. Возле него на привязи несколько лошадей. Во дворе копошились вооруженные люди. В стороне, около небольшого костра, прохаживался часовой.

— Я сказал Ли Маза: «Спасибо, теперь тебе надо ходить домой. Тебя здесь много люди знают. Если увидят, потом хунхузы обязательно убьют».

Син Солле переоделся в захваченное из деревни рванье, потерся о горелую лесину, измазал сажей руки, мазнул по щеке, потом по лбу. Передал свою винтовку помощнику, велел ожидать в условленном месте в лесу. Взял только сумку с топориком и нож. С одной палкой в руке побрел к костру. Часовой заметил, окликнул. На крик выбежали люди, завели в барак.

Син прикинулся: «Да, человек пятьдесят, не меньше. Одолеем ли?» В это время в дальнем конце барака раздался начальственный рык, все смолкли и он предстал перед «ясным оком» страшного одноглазого

батоу.

Тот подверг «бродягу» жестокому допросу: «Кто, откуда, куда, что здесь делаешь? Смотри, не ври! Я здесь все и всех знаю. Я тут хозяин: хочу — отпущу, хочу — голова долой...»

Син низко поклонился. Бывая в маньчжурском городе Нингута, он не раз слышал фамилию этого страшного хунхуза, одноглазого Лю. Поэтому обратился к нему по фамилии, что заметно польстило атаману.

— Я знаю, знаю, слышал о вас,уважаемый достопочтенный господин Лю...

Он рассказал, что много лет занимается таежным промыслом. Настороживает ямы и петли на изюбров, есть у него и завалы на кабаргу. Осенью ищет женщины. А сегодня утром заблудился в тумане, и когда вышел на эти заброшенные маковые поля, заметил дым, решил повидать людей. Ему бы соли, если можно, хоть немного...

— А куда отсюда? С кем будешь встречаться?

— На лето я ухожу к родственникам в Маньчжурию, в Нингуту.

— В Нингуту, это ладно. А на какой улице живут твои родичи?

Дух перехватило. К счастью, Син неплохо знал этот торговый городок, однако почувствовал, как сразу взмокла脊. Но медлить было равносильно смерти и он назвал адрес знакомого корейца.

— Мои живут на Восточной, третий дом от угла.

— А-а... Помню, есть там ваши вшивые фанзы...

Долго единственным глазом на изъеденном оспой желтом лице прощупывал гостя суровый батоу. Потом харкнул, плонул на земляной пол и отпустил щуплого, прокопченного бродягу. Махнул помощнику:

— Выведи его, пусть катится ко всем чертям. А соль нам и самим нужна...

Семь потов сошло с разведчика за время этого недолгого, но настойчивого допроса. Он отлично понимал — одного жеста атамана достаточно, чтобы ему в два счета отрубили голову. Но самообладания не потерял и неторопливо шагал по тропке, затылком чувствуя дуло ружья и неотступный взгляд часового, которому — он был уверен — дана команда: в случае малейшего подозрения попросту шлепнуть незнакомого пришельца.

Зато теперь он знал все. Сколько их, как вооружены, а главное — как удобнее подойти, чтобы захватить врасплох.

Михаил Иванович слушал внимательно. Он отлично понял, на какой риск шел смелый староста ради их общего дела. Положил руку ему на плечо.

— Молодчина, Солле! Ей-богу, тебя следовало бы пред ставить к награде, да только нрав таких у нас нет. — И он крепко пожал узкую, но твердую руку корейца. — Вы согласны со мной, господин унтер-офицер?

— Так точно, Михаил Иванович. Я вполне разделяю ваше мнение. На мой взгляд, господин Шин совершил не малый подвиг!..

Теперь, после доклада Син Солле и изучения начертанной им палочкой на песке карты, все трое приступили к разработке плана окружения длинного барака. В эту ночь костров не жгли, боясь чем-либо выдать свое близкое присутствие.

А на рассвете банда оказалась в кольце, попала под перекрестный огонь. Понеся большие потери, потеряв своего одноглазого, атамана, уцелевшие бандиты сдались. Двадцать восемь разбойников

оказались обезоруженными и связанными, все трофеиное оружие навьючено на отбитых у них лошадей. Хунхузов довели до приграничной заставы, передали маньчжурским властям и повернули обратно.

Возвращались новой дорогой, через порт Посыт, где погрузились на попутное судно. И только дома узнал Михаил Иванович, что жизнь его семьи в эти дни снова висела на волоске...

В бухту Гека внезапно вошла мирная с виду купеческая шаланда. Двое из прибывших остались на судне, а три человека отправились на хутор Янковских.

Собаки подняли лай, Ольга Лукинична вовремя заметила «гостей» и встретила их, стоя на веранде. Псы продолжали рычать, и пришельцы, несколько стушевавшись, остановились подле нижних ступеней ведущей на веранду лестницы. Старший крикнул:

— Убери собак, тебе от мужика письмо есть! Хозяйка почуяла недоброе.

— Собаки без команды не тронут. Бросьте мне записку сюда.

На конверте стояло: «О. Янковской». Она вскрыла конверт и сразу поняла подлог: незнакомая и нетвердая рука. На листке бумаги коряво, но понятно было нацарапано:

«Обман, совершенно ясно, но что предпринять?» — соображала женщина, а главарь поторопливал:

— Давай, неси все скорее, хозяин сказал, нужно торопиться!

Решение уже созрело, и внешне Ольга сохранила полное спокойствие.

— Понятно. Подождите здесь, сейчас все соберу... Решив, что обман вполне удался и успокоившись, разбойники присели на корточки и закурили, а Ольга вернулась в дом. Мысль работала четко я ясно. Она прошла в спальню, сняла со стены всегда заряженный штуцер и вышла к посетителям. Удивленные ее быстрым возвращением, бандиты поднялись на ноги.

— Чего, уже готово? А ружья где?

Ольга Лукинична шагнула к перилам веранды, Щелкнула курком, и, направив дуло в грудь старшего, негромко сказала:

— Вот ружья! А ну марш отсюдова, пока всех не перестрелял!

Псы инстинктивно поняли происходящее, уловили тон и жест хозяйки. Ощетинившись, они двинулись на пришельцев. И опытные головорезы так опешили, что, преследуемые собаками, без оглядки бежали до самой бухты. Пелагея Семеновна, жена Гека, с удивлением наблюдала, как незваные «купцы» вброд добрались, до шаланды, в спешке подняли парус и убрались в море.

А Ольга Лукинична сутки не смыкала глаз. Со штуцером и коробкой патронов наблюдала за берегом весь остаток дня и всю ночь напролет. Благо, ночь была светлой, луна далеко освещала бухту Гека. Однако ее осторожность оказалась излишней. Потрясенные таким отпором, хунхузы больше не думали о нападении.

Поход и все перипетии тех дней остались позади. Но как эхо этих событий, — родилась легенда, главным героем которой стал «чудо-богатырь» кореец Син Сolle. И она тесно переплелась с первой — о Нэнуне. Легенда эта ползла от фанзы к фанзе, ходоки и странники разносили ее по корейским выселкам Уссурийского края, через Синий Хребет, через тихую реку Туманган на родину сказок, в Корею. Долгие годы спустя сыновья и внуки Нэнуне и Син Сolle много-много раз слышали ее там. И в богатых, крытых черепицей фанзах, прочно осевших среди тучных рисовых полей, и в убогих, крытых соломой хижинах, затерявшихся в крутых горах дубово-сосной корейской тайги. И везде она звучала одинаково торжественно.

— Ха, кто ж не знал в наше время двух неразлучных братьев-богатырей? — Темнолицый, морщинистый, с редкой седой бородкой стариk, скрестив на циновке ноги, обнимает одной рукой окружную жаровню — харитон, в другой держит длинную-предлинную трубку. А вокруг него плотно, голова к голове, с приоткрытыми ртами тихо сидят полные внимания благодарные деревенские слушатели. Трудовой день окончен, на улице мороз, развлечений никаких, а стариk — живая книга сказок.

Дед знает, что находится в центре внимания, и не торопится. Среди пелены пепла в жаровне ищет концом трубки красный тлеющий уголек, пыхает раз-другой, выпускает сизую, невыносимо горькую струю самосада и, насладившись почтительным безмолвием, скрипит:

— В те годы не было нашим переселенцам в Приморье покоя: то тигры, то ходжеги — хунхузы. Первые давят лошадей и коров, иногда и людей, вторые — грабят, убивают, да еще в плен берут. Зачем? Через несколько дней приходит записка: если хотите получить обратно своего брата или свата, давайте столько-то денег, муки, крупы, масла, соли... А где все это взять? Продай фанзу, пашню, быка, — хоть собственную жену продай — все равно не хватит. А у хунхузов жалости нет: не выкупишь — при шлют в тряпке отрезанный палец, потом ухо. Торопись! Еще день-другой нет денег, не выкупили — и конец!

Больше и искать нечего.

Слушатели сопят, опускают головы, а стариk продолжает:

— Вот так шли дела у наших отцов и дедов, пока не встретились два невиданных человека, которые никого не боялись: Нэ нуни и Син Солле. Встретились и стали как братья. Возьмут ружья, сядут на коней — все тигры и хунхузы разбегаются. Почему? Да потому, что промаха у них не бывало. А Нэ нуни стрелял с коня на скаку и не оборачиваясь. Вот так! — Старец нацеливается в кого-нибудь латунным мундштуком аршинной трубки: — Тхан, тхан! — Потом перекидывает ее через плечо и, не глядя, «стреляет» назад: — Тхан, тхан! И все тигры и разбойники лежат. Зачем ему было оборачиваться, когда он был Нэ нуни? У него же была вторая пара глаз на затылке, хе-хе-хе...

Почесываясь от возбуждения, сидящие — ноги калачиком — на циновке парни и молодые мужики переглядываются, толкают друг друга в бок локтями. Все ждут. Они знают: сейчас пойдет рассказ о корейце Син Солле. А дед еще неторопливее и обстоятельнее заделывает трубку во второй раз.

— А как они победили темных в их норе под Синими горами? Хунхузы поклялись перебить в долине Сидеми всех корейцев и русских, а наши узнали и сами пошли навстречу. Встали табором на сопке, смотрят — далеко внизу дым. Нужно узнать: сколько человек в шайке, как их окружить. Вот Нэнунни и говорит: «Наверное ты, Солле, самый смелый и ловкий, лучше всех сумеешь разузнать?» Тот отвечает: «Конечно, старший брат, я пойду!» Оделся, как лесной бродяга, и пошел прямо в их берлогу. Караульный его заметил, кричит: «Стой, иди сюда!» Син подошел, а тот командует: «Подними руки, я тебя обыщу». Что делать? Поднял руки, а в рукаве нож... Только часовой начал шарить в карманах, — изловчился — чик его по горлу! Тот и растянулся, как сущеная камбала. Син Солле заглянул в окно барака — там все спят. Он — в дверь. Глядит, они накурились опия, все храпят, красивые сны смотрят. А их бараки как устроены? Посередине проход, слева и справа нары. Вдоль нар с каждой стороны деревянный брус положен. На него днем садятся, а ночью он вместо подушки служит: все спят головами к проходу, все головы на этом брусе. Оглянулся Син Солле, видит — у дверей, на куче наколотых дров, острый топор на длинной ручке. Какая, подумал, разведка? Я с ними сейчас и так разделаюсь. Схватил топор и... кхак, кхак, кхак — двадцать пять голов как не бывало!..

Молодежь не выдерживает: всплескивают руками, смеются, бьют друг друга по плечам. Лица потные, красные, глаза горят.

— Дедушка, дедушка, а дальше? Что дальше? Довольный стариk смеется петушиным надтреснутым

хохотком.

— А дальше — вот что. Отрезал Син Солле все двадцать пять кос, связал в пучок и возвращается на табор, где его ждет вся дружина. А на пне перед палаткой сам Нэ нуни; Душа у него горит: сколько времени прошло, а младшего брата все нет. И вдруг он! Вскочил Нэ нуни, схватил его за руку двумя руками и спрашивает: «Здоров? Невредим? Ну как, узнал, сколько их, как лучше брать?» Тогда Син Солле и отвечает: «Я все подробно разведал, старший брат. А сколько их — сами посчитайте. Вынул из-за пазухи и бросил к его ногам связку черных, как клубок змей, длинных кос...».

БАРС

Быстро промелькнуло полное забот и походов лето. По утрам стало прохладно. Уронив лист, заметно поредела вымахавшая за эти годы молодая поросьль. Михаил Иванович вышел на охоту чуть свет. Добыл косулью, вынес к тропе, замаскировал от ворон кустарником, повесил на деревце белый платок. Вернется домой и пошлет за козлом верхового. Платок хорошо виден издалека, не нужно быть следопытом, чтобы обнаружить спрятанную от хищников добычу.

Возвращался склоном сопки, сбегающей к бухте Гека. И вдруг, среди, поредевшего кустарника, заметил необычного вида холм. Что это? Заброшенная могила?

Он подошел ближе. Нет, для могилы такой холм слишком велик: несколько саженей в поперечнике. Однако в природе столь правильной формы курганы почти до встречаются.

Двинулся вокруг и увидел, что земля на поросшем травой и кустами холмике с одной стороны обвалилась, внутри что-то белеет. Он присел, ковырнул палкой, — морские ракушки! И недалеко от дома. Это же находка! Надо перевезти и использовать для выжига извести. Сейчас он приведет помощников, а вместе разберут кучу, а потом пригонят телегу.

Михаил зашагал к усадьбе. Во дворе Ольга кормила птицу.

— Ну как, можно посыпать «в магазин» за мясом?

— Можно, Оля. Пошли ко мне Митюкова, объясню ему, где спрятан козел. Упитанный, будешь довольна. А я возьму еще двоих и снова в лес. Нашел за перевалом огромную кучу ракушек. Вот перевезем, раздолбим и подготовим свою извести. Не нужно будет возить из города.

Взяли в кладовой пару лопат, кайло, лом, мешки и отправились обратно. Лопатами сняли не очень толстый земляной покров и принялись долбить плотно слежавшийся материал. Среди серо-белых раковин проглядывая какой-то мусор, перегной. Часть створок панциря мидий и устриц хорошо сохранилась, часть почему-то была уже раздроблена. Михаил Иванович присмотрелся.

— Что такое? Похоже, кто-то специально дробил эти ракушки. Да и как они оказались здесь, так далеко от берега? И высоко, саженей тридцать над уровнем моря. Неужели оно когда-то достигало этих мест? И потом опустилось?

Рассуждая вслух, он удариł заступом по краю кучи и неожиданно увидел в земляной прослойке обломок кости, а рядом продолговатый морокой голыш. Машинально поднял его и вдруг понял, — этот предмет когда-то уже побывал в руках человека!

Сомнений быть не могло. Более тяжелый конец валуна отчетливо сохранил следы работы: им дробили твердые предметы. И тут осенило: кто-то, когда-то дробил эти раковины!!! Но кто?. Когда? Сто, пятьсот, тысячу лет назад? И сквозь мглу веков он как бы увидел далекого предка...

Вот он сидит здесь на корточках и разбивает этим камнем раковины и кости животных. Прокопченый, нечесаный, в звериной шкуре. А рядом его балаган из жердей, крытых древесной корой. Около него так же одетые женщины и дети. И у всех в руках такие же камни. Дымят костры... Судя по количеству этих кухонных остатков, здесь стояло не одно жилище. Вероятно, целое стойбище людей каменного века!

Он увидел это так ясно, что сразу позабыл всё вокруг. Помощники прекратили работу и смотрели на него с удивлением и страхом.

— Михаил Иванович! Что с вами?

Он вздрогнул. Показалось — кто-то провел холодным между лопатками. И с трудом возвратился к действительности.

— Стой, ребята, как попало больше не долбить! Будем копать осторожно. Кажется, это очень важная находка.

В самом деле, среди раковин и обломков появились новые доказательства древней стоянки человека: куски рогов оленя, костяное шило, каменное долото, хорошо отшлифованный топор. Костяные палочки, служившие, вероятно, «вилкой» для извлечения содержимого раковин и костей. Но больше всего поразила еще одна находка — черенки грубой лепной работы! Да еще с какими-то черточками. Значит, предок лепил посуду из глины и, нанося для украшения полоски, обжигал свои горшки!

Михаил Иванович промерил холм во всех направлениях. Оказалось, он составлял около четырнадцати кубических метров кухонных остатков древнего стойбища. И среди предметов обихода только морская галька служила без обработки. Все прочие «инструменты» носили следы рук мастеров.

В эту осень Гек вернулся из плавания раньше обычного. С горы была видна его небольшая засимка, а напротив, на глади тихой бухты, шхуна «Анна» с убранными парусами.

— Андрей, беги к дяде Геку, скажи, мы нашли что-то интересное, пусть вечером обязательно зайдет!

Новоиспеченные «археологи» вернулись домой без сырья для извести, но с мешками, набитыми образцами из кладовой давних хозяев этой земли.

После ужина на столе бережно разложили добытые экспонаты. Их переворачивали с боку на бок, некоторые изучали через лупу. Михаил Иванович вел описание.

— Смотри, Михаил Иванович, это грузило. Вот, на шейка этот камень они привязывали какой-то леска, ловили рыбу, — уже что касалось моря, то лучше Гека вряд ли кто разбирался.

— А это, думаешь, что такое?

— О, это плавник молодой акулы! Значит, у них была сетка.

— Вероятно. Только из чего они могли плести сети? Из кожаных ремешков? Тогда, естественно: кожа не могла сохраниться на протяжении веков. Но ты скажи, почему среди их объедков нет панциря краба? Их в бухте уйма, а панцирь должен сохраняться так же, как ракушки.

— Наверно, они еще не понимали вкус краба. А может, их закон запрещал? А может, боялись такой страшный штука, — Гек зашевелил своими скрюченными пальцами перед пушистыми, отливавшими медью усами.

Все расхохотались. Капитан, когда бывал в ударе, умел рассмешить кого угодно. А Михаил Иванович ужо рассматривал новый экспонат.

— Они, разумеется, и охотились. Видите, это костяной, а это каменный наконечник стрелы. Да и кости о том говорят.

Ольга Лукинична перетирала на краю стола чайную посуду. Она внимательно прислушивалась к разговору мужчин, долго не рискуя высказать свое мнение. Но не выдержала.

— Выходит, мы не первые живем, на этой земле, да? Мне приятно думать, что наш полуостров давно понравился людям. Что они тоже выбрали его и стали здесь жить.

— Стали-то стали. Только вот что мне не понятно: почему они выбрали северо-восточный склон? Я прихожу к выводу, что это была только летняя стоянка, их дача.

— Пожалуй, ты прав. Они приходили летом ловить рыба и собирать ракушки. Это гораздо легче, чем

ходить на охоту с луком и копьем, а? Ходили все на бухта, собирали устрица и колотили камнем с утра до вечера! Только где они жили зимой, а, Михаил Иваныч?

— Я уже думал над этим. Возможно, и на полуострове, ведь тогда никто не жег лес, он защищал от стужи. Судя по липам, здесь стояли огромные деревья. Но не исключаю, что откочевывали на зиму дальше в горы, в тайгу. Вот бы открыть их основное жилище! Там мы обязательно нашли бы захоронения и какие-то печи для обжига этой посуды.

— Все равно, ты сделал очень большой открытие. Молодец, когда будешь отправлять посылку в музей?

— Как только все пронумерую и опишу.

— И статью сразу будешь писать?

— Обязательно. Я уже придумал название. «Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива».

— Давай. Я на днях иду Владивосток. Заберу твои ящики и отправлю все в Иркутск...

* * *

Прошло три месяца, выпал снег, но море, как всегда, замерзло поздно. Гек продолжал курсировать на своей «Анне» вдоль побережья, часто наведываясь во Владивосток. Там он неизменно забирал почту для себя и Янковских.

В этот раз он сам занес пачку писем и газет. Они сидели у стола, на котором была разложена корреспонденция.

— Есть письмо от музея. Потом будешь читать, интересно, что они пишут про кухонные остатки. Только сначала вот что. Я заходил ваш «польский клуб» — кофейню господина Пиллера. Там тебе просили передать, чтобы послал деньги. Говорили, надо помогать какой-то ссыльный. Его фамилия, сказали, ты сам знаешь.

— Очень хорошо, что ты побывал у Пиллера. Когда отправляешься в обратный рейс? Я зайду, передам, сколько смогу.

— Ладно, отвезу, политическим помогать надо. Они честные люди. А я вот все забываю тебя спросить, Михаил Иваныч, как поживают твои олени?

— Кажется, они поняли мою заботу. Как пойдут через перешеек «в гости» в тайгу, так смотришь — на обратном пути ведут с собой новых. Стадо заметно растет. Ты ведь знаешь, оленей нещадно бьют повсюду и если так будет продолжаться, то недолго и совсем уничтожить. Хоть у нас сохранятся.

Отвечая, Янковский вскрыл письмо из Иркутского музея.

— О, черт, только что говорил об охране оленей, а музей — на тебе — просит во что бы то ни стало добыть и прислать им две пары лучших рогов, скелеты и шкуры двух взрослых самцов. Да, для науки чего не сделаешь! Завтра, хочешь-не хочешь, поеду, попробую добыть эти рога для Иркутска...

На следующее утро он пересек верхом несколько распадков и, взобравшись на сопку, заметил табунок. На дне узкой долинки среди кустов паслось восемь оленей. Среди них на снегу заметно выделялись два темно-бурых самца. Вынул бинокль и рассмотрел красивые симметричные рога. Музей, кажется, везет: такие рога не часто встретишь!

И он уже представил их на стеле знакомого зала.

Но, разглядывая рогачей, слегка повел биноклем и вздрогнул: кто это? По склону соседнего овражка к стаду оленей подкрадывался, казавшийся издали совсем черным, какой-то тонкий и длинный зверь. Пригляделся — барс!

Маскируясь кустами, ловкий прогонистый хищник проворно подбирался к мирно пасущимся животным. На открытых местах он полз медленно, совсем погружаясь в снег, оставляя за собой глубокую борозду. Зверь был так поглощен своей целью, что не заметил появившихся на горе лошадь и человека. Янковский смотрел на него не шелохнувшись, пока тот не скрылся за разделявшим их гребнем. «Нужно бежать наперевес, нагнать прежде, чем он нападет на оленей!»

Только сейчас он осмотрелся вокруг. Поблизости — ни одного надежного куста, к которому можно привязать Атамана. И, увлекая коня на поводу, устремился вниз. Они скатились в распадок, пересекли ключ и начали взбираться на хребтик, за которым скрылся хищник.

В правой руке Янковский держал готовый к выстрелу штуцер. Добравшись до верха, перевел дыхание, натянул повод, шагнул на гребень и остановился, осматриваясь. Конь спокойно стоял за спиной.

В распадке в кустах бродили олени, а вокруг — чистый белый снег. Барса нигде не было.

Перед охотником стоял густой куст каменной березы. Он взглянул сквозь его частые ветки и едва не поскользнулся. В двух шагах за кустом вся напружинилась для прыжка огромная пятнистая кошка! Хвост вытянут, как железный прут, уши плотно прижаты к затылку, неподвижно устремленные на человека глаза излучали зеленовато-оранжевый блеск.

«Даст ли секунду-другую или сомнет в одно мгновение?» Янковский одним движением машинально сдвинул вперед висевший на поясе нож и вскинул к плечу штуцер. Но тут сверкнула другая мысль: «А вдруг мерзлая ветка отведет пулю?...» И, пожертвовав еще одним мигом, он выбрал в переплете ерника дюймовое окошечко, а в нем переносицу зверя. И — нажал на спуск. Потом вспомнил, что пока нажимал, еще подумал: «Успею ли?»

Невозможно передать словами всех чувств, возникающих при такой встрече... Требуется некоторое время, чтобы оценить случившееся.

Михаил Иванович смотрел на распростертого во весь рост дальневосточного леопарда и постепенно приходил в себя. Зверь был недвижим, только конвульсивно извивался конец длинного хвоста, да из правого глаза алой ленточкой струилась кровь, окрашивая снег...

До коня испуг дошел позднее. Когда ветерок набросил запах страшного зверя, Атаман вдруг взвился на дыбы, едва не смяв с трудом удержавшего его хозяина.

А олени? Они исчезли, как вихрь, оставив в воздухе только облако взрытого копытами снега!

Атаман все храл и дрожал. Михаил Иванович привязал его к кусту, смочил палец в крови хищника и быстрым движением смазал трепещущие ноздри лошади. И конь сразу успокоился, послушно разрешил сесть в седло. Вид зверя волновал его гораздо меньше, чем запах.

Михаил Иванович прискакал домой, запряг сани. А под вечер на крыльце дома-форта взрослые и дети с волнением рассматривали и гладили пушистый мех врага оленей.

На этот раз вместо рогов, шкур и скелета пятнистого оленя в Иркутский музей ушла иная посылка. В ней лежали черепа и шкуры лисы, енотовидной собаки, дикого кота и этого первого барса. Посылку он сопроводил статьей: «Пятнистые олени, барсы и тигры Уссурийского края». Вскоре она появилась в альманахе «Известия» общества изучения Амурского края.

ДОКТОР ДЫБОВСКИЙ

Летом 1883 года Михаил Иванович получил письмо от Дыбовского. Доктор завершил экспедицию на Камчатку и получил разрешение вернуться на родину. Вскоре он прибудет во Владивосток, а перед отъездом в Европу освяточно посетит пана Михала в его новом гнезде.

Через несколько дней, туманным июльским утром, Янковский встречал гостей в бухте Гека. Лодка доставила с парохода трех участников экспедиции, и давние друзья крепко обнялись.

Среднего роста сухощавый Дыбовский мало изменился с тех пор, как они в последний раз виделись на Аскольде восемь лет назад. В темно-русой бороде и волосах почти не проглядывала седина, и только чуть глубже запали голубые, проницательные глаза.

Познакомившись с помощниками доктора, Михаил Иванович повел гостей домой. Оставив справа, неподалеку от берега, белую усадьбу Фридольфа Гека, они ступили на широкую прямую дорогу, ведущую к невысокому перевалу. С обеих сторон тянулись посаженные вдоль всего пути стройные деревца маньчжурского ореха. На некоторых, среди ажурных лапчатых листьев, проглядывали первые, в мягкой зеленой кожуре, плоды, размером в некрупное куриное яйцо. Натуралист Дыбовский довольно улыбнулся.

— Узнаю вашу энергию. Через несколько лет это будет великолепная аллея. Если бы все хозяева умели так украшать землю!

Но вот показался белый дом-форт, конюшни, коровник, птичник с небольшим круглым прудом. На нем плавали утки и гуси, в воздухе вились голуби. Гости вошли во двор усадьбы и остановились, осматриваясь и слушая пояснения хозяина. Дыбовский качал головой.

— Да, трудно поверить, что все это создано на голом месте всего за четыре года. Еще раз убеждаюсь, что не напрасно рекомендовал вас в управляемые Аскольда и не удивлен, что Кустер никак не хотел с вами расстаться...

В большой столовой обедали все вместе: гости, хозяева, рабочие. Ольга успевала всюду. Разлила борщ, на второе подала жаркое из мяса косули и отварную кету. Потом кисель из ревеня.

Дыбовский расспрашивал, часто обращаясь к хозяйке:

— Как вы, пани Ольга, чувствовали себя здесь в первое время? Мне кажется, далеко не каждая женщина могла бы свыкнуться с такой... не женской обстановкой. Я и сейчас вижу в вашем доме готовое к бою оружие в каждом углу. Неужели вы в самом деле ничего не боитесь?

— Что вы, Бенедикт Иванович! По первости очень боялась, потом привыкла. С разбойниками, вроде, справились, зато теперь больше хлопот с тиграми. Сколько они уже задрали лошадей, коров, чушек, собак — счету нет!..

После обеда Янковский повел гостей в свой фруктовый сад. Там уже зрели первые привитые европейскими сортами грунта, вишни, абрикосы. Показал пасеку, где проводил опыты над привозными итальянскими и дикими уссурийскими пчелами. Провел через огород, занятый аккуратными делянками картофеля и овощей. Ивойный плетень вокруг всего участка вытянулся и густо переплелся, ограждая посадки. Отсюда, через домашнее стрельбище, поднялись на каменистую горку-обсерваторию, где был сооружен метеорологический пункт.

Остановились на вершине. Утренний туман рассеялся, хозяйство отсюда открывалось, как на ладони. На лугу паслись козы и овцы, несколько пестрых коров. Пастухи вели на водопой жеребят, прогнали разномастный косяк лошадей.

Дыбовский оглянулся на метеорологические приборы.

— Что, ведете систематические наблюдения?

— Да, хоть это и отнимает время. Я задался целью составить климатическую карту Посьетского района.

— Похвально. Должен вам сказать, что постоянно слежу за вашими публикациями в альманахе «Известия». И хотя не археолог, но с большим интересом прочел статью «Кухонные остатки», о стоянке доисторического человека. Думаю, это большой вклад в науку об Уссурийском крае. Но больше всего, конечно, обрадовала ваша имбириза — «овсянка Янковского». Вы знаете, это открытие произвело фурор среди орнитологов: мне пишут, что ее считают «жемчужиной» дальневосточных коллекций.

— Да, занимательная птичка. И что интересно: я нашел ее около Посьета и больше нигде не встречал. Видимо, ареал этого вида очень ограничен.

— Знаете, наш первый орнитолог профессор Тачановский писал мне, что благодаря вашим сборам на Аскольдье, составленный им список птиц Восточной Сибири вырос на одиннадцать единиц! Что у вас еще нового в этой области?

— Пока почти ничего. Честно говоря, хозяйство отнимает слишком много времени и сил. Для птиц не остается досуга. Вот жуки и бабочки, замечаю, встречаются отличные от аскольдинских, но с ними тоже придется повременить, — нет помощников, Ольга с головой ушла в детей и хозяйственные дела. Жду, когда подрастут ребята, начну натаскивать их.

На следующий день обехали верхом весь — полуостров, и Янковскому удалось добыть для доктора великолепного, редчайшего филина. Когда вечером они остались вдвоем, Дыбовский как бы подвел итог своим впечатлениям:

— Ферма у вас образцовая, пан Михал. Объехав всю Сибирь и Приамурье, нигде ничего подобного не встречал. Тем удивительнее, что все создано за такой короткий срок.

Михаил Иванович горько улыбнулся и покачал головой.

— Всё это так, дорогой доктор, но поймите, я, очевидно, пожизненный ссылочный. Мать хлопотала за меня перед царем, но напрасно. Все мои тринадцать братьев и сестер разбрелись теперь по свету — кто куда. Сейчас мне пишут только двое: любимый брат Казимир да старший Войцех. Остальные, видимо, просто боятся связи со мной. Я не изменял своей родине, но постепенно обрел вторую. А для наших детей она станет и единственной. Хочу, чтобы они выросли тружениками и честными людьми, это считаю главным.

— Хорошо, а польский? Вы не ответили на главный вопрос.

— Ольга не знает польского. Если я начну учить детей своему языку, он отдалит их от матери. Получится государство в государстве. А вот подрастут, проявят такое желание — буду учить, тогда это уже не повредит.

Доктор сокрушенно потупился. Он оставался при своем мнении и его глубоко огорчали все обруссевшие поляки.

Дыбовский вернулся на родину, стал профессором Львовского университета. И, несмотря на разногласия, они остались друзьями на всю жизнь. Доктор издал на польском языке свою книгу «Воспоминания о Сибири и Камчатке», посвятив в ней дружбе с Янковским, их путешествию на лодке «Надежда» и своему визиту на Сидеми много теплых страниц.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕТИ

Зима — лето, зима — лето. Заботы, тревоги — некогда оглянуться. Так промчались на Сидеми восьмидесятые годы. У Янковских появилось еще четверо детей: Анна, Ян, Сергей и Павлик. У Геков — три дочери. Сына мореход так и не дождался. Теперь он уходил все дальше на север, на более длительные сроки. Из Японского перекочевал в Охотское, оттуда в Берингово море. Охотился на китов, на ведомственном судне «Сторож» охранял лежбища котиков, боролся с иностранными браконьерами. Описывал берега, составлял локации.[\[2\]](#)

А на Сидеми обе семьи трудились от зари до зари, жили очень скромно. Обувались в самодельные сыромятные моршни и ичиги, питались в основном тем, что давала охота, рыбалка, домашнее хозяйство. Белый хлеб бывал большой редкостью, сладости — тем более.

Длинными зимними вечерами при свете тихо поющеей керосиновой лампы Михаил Иванович обучал детей грамоте, арифметике, истории, географии, немецкому и латыни. Флегматичный Александр и подвижные, как ртуть, дети Ольги Лукиничны: Елизавета, Юрий и Анна, сопя, скрипели перьями, Ян и Сергей то слушали, то возились. Павлик еще ползал в ногах у матери, занятой шитьем.

Летом отец тренировал старших в стрельбе, плавании, верховой езде. Учил, как различать, как ловить и препарировать зверьков, птиц, бабочек...

Жарким июньским днем на безлесую Лысую гору в северной части долины карабкалась группа. Отец вывел на практику свой заметно подросший «выводок».

— Папа, смотрите, какая гадюка! — самая маленькая, но шустрая и зоркая Анна первой заметила змею.

— Ага, вижу. Молодец, Нютка, — Михаил Иванович больше всех любил младшую, энергичную и смелую дочь. — Смотрите, как ее нужно брать...

Он быстро и ловко прижал гадюку палкой к земле, защемил шею расщепленным концом палки. Потом взял змею пальцами позади головы и дал обмотаться вокруг руки. Она в ярости раскрывала пасть, показывая зубы, но повернуть голову не могла.

— А ну дай ей схватить твою палочку!

Анна приблизила к ощеренной пасти тростинку. Щелк! Острые зубы оставили на ней заметные вмятины, наполненные сверкающими на солнце прозрачными каплями яда. При следующем укусе капли стали меньше, а после третьего и вовсе иссыкли.

— Теперь яд накопится не скоро, можете перехватить шею и нести гадюку домой. Мама посадит ее в спирт. Таким образом мы соберем для музея все обитающие здесь виды щитомордников. На Сидеми я насчитал их семь.

Он рассказал детям, что в первые годы гадюки встречались очень часто, постоянно кусали собак и лошадей. Одну кобылу, ужаленную на лежке в область сердца, несмотря на все усилия, спасти не удалось. Однако теперь табуны вытоптали змей.

Лиза широко раскрыла ясные голубые глаза:

— Значит, если она все-таки ужалит, можно умереть?

— Наша гадюка не так опасна, как кобра, гюрза или гремучая змея, но — особенно в жаркий день — действие ее яда очень сильно. Если нет ранки во рту, не потресканы губы, сразу же постараитесь высосать яд. Еще надежнее сделать надрез, так, чтобы поглубже захватить следы зубов. Кровь вымоет яд. Но все равно нужно перехватить чем-то: веревочкой, лентой, шнуром повыше укушенного места, поставить уксусный компресс. У нас здесь встречается «змеиная трава», я вам ее покажу, она похожа на коноплю. Компресс из нее хорошо вытягивает яд. А собаки, я сколько раз видел, бродят после укуса, выискивают и едят целебную для них травку, хотя этому их никто не учит...

В следующее воскресенье Михаил Иванович повел ребят на сопку напротив усадьбы. За десятилетие на полуострове не произошло ни одного пожара и сохранившиеся в земле корни могучих когда-то лесов начали буйный рост. Сопка густо ощетинилась почти всеми породами дальневосточных широколиственных деревьев. Для наблюдений за зверем от ее вершины до подножья прорубили широкую полосу, назвав гору «Просека». Вместе с лесом здесь, естественно, появились разнообразные лесные жуки, бабочки, птицы. «Просека» стала ближайшим к дому заповедником.

Группа углубилась в заросли, добралась до первой террасы. Здесь сильно пахло лесной сыростью, грибами, прелым листом. Михаил Иванович огляделся, заметил обомшелый камень, положил на него несколько сухих веток, сел. Малыши в простеньких, материнской работы рубашках, штанишках и платьицах, расселись вокруг, затихли: они знали — сейчас отец расскажет что-то интересное.

— Видите, среди кустов и опавших листьев чуть заметные тропинки? Это — прогулочные «аллеи» редких лесных жуков. Они, как и самые красивые бабочки, предпочитают гулять и летать по ночам. Но бабочек мы будем ловить ночью на свет фонаря, а жуков... Ну-ка, Шурка, вынь из мешка одну из банок, что мы с тобой подготовили вчера. А ты, Юрка, бери лопату, копай поперек тропинки ямку.

Он отметил концом палки — где копать, потому что так называемые «аллеи» нужно было рассматривать почти в микроскоп. Шустрый Юра быстро подготовил место для банки.

— Так, теперь ставьте ловушку вровень с землей, заравнивайте и маскируйте подходы, чтобы «гуляющие» не заметили нашу хитрость.

Дети трудились споро, с удовольствием, вкопали в указанных местах еще несколько банок.

— Все, папа, а дальше что?

— Ночью жуки выйдут на прогулку, побегут по своим тропам и — бух в ловушку. Вылезти оттуда по гладким стенкам они не смогут, будут сидеть на дне. А чтобы пленники могли спрятаться от птиц, давайте бросим в каждую банку по нескольку листиков.

Утром ребята с рассветом убежали в лес, а к завтраку с гамом ворвались в столовую:

— Папа, мама, смотрите, сколько нападало! Есть огромные усатые, а есть — как радуга!..

За лето в банки попали сотни то отливающих рубином, то изумрудом, то бронзой редких карабусов, капталябрусов и других ценных для коллекций насекомых.

Часть сборов Михаил Иванович отправлял в Гамбург, энтомологической фирме «Штаудингер и Банхас». Фирма присыпала ему прекрасные альбомы и каталоги, в которых насекомые всего света изображены в красках, в натуральную величину. Отец требовал, чтобы дети учились самостоятельно находить, сличать и определять всех пойманых бабочек и жуков. Таким образом их латинские названия врезались в детскую память на всю жизнь...

Старшие быстро освоили латынь и с увлечением читали замысловатые названия, особенно гордясь своими «однофамильцами», открытыми отцом на Аскольде. Таких насчитали семнадцать!

Темными летними ночами на поляне у склона горы ставили специальную, в виде открытого пенала, белую палатку. В ней подвешивали сильную керосиновую лампу, и, пикируя с горы на притягательный свет, в палатку с волнующим шорохом влетали бабочки необыкновенной раскраски и рисунка.

Не поврежденных — годных для коллекции — ловили и сразу усыпляли в морилках. Ценных производительниц привязывали на ниточку к наружной стенке палатки для получения потомства. Дождавшись яичек, клали их в марлевый мешок и надевали на ветку «съедобного» для этого семейства дерева. Вылупившихся крохотных червячков вскармливали до полной зрелости. По мере роста они становились настолько прожорливыми, что уничтожали все листья за два-три дня. Если опоздать с переноской мешка на свежую ветвь, семья погибнет поголовно, пропадет труд всего лета, будет потерян год. А таких семеек нужно было успеть вырастить за сезон десятки.

В конце лета гусеницы — желтые, зеленые, бордовые, коричневые — становились большими, порою величиной с палец. Готовые окуклиться, сваливались с ветки, и их собирали в ящик с землей. Обитые цинком, чтобы не проникли мыши, эти ящики хранились до весны в подвале или омшанике.

Это была трудная, требующая неослабного внимания работа, но дети ее любили. Весной откинет дежурный-наблюдатель обитую сеткой крышку и вдруг увидит: сидит и тихо трепещет прекрасными, девственно нетронутыми крыльышками необыкновенной красоты бабочка! И ошеломит дом::

— Вылупилась первая сатурния!

Вот из таких, не пойманых, а выращенных в течение целого года экземпляров, распяленных на пробковых дощечках, получались первоклассные коллекции. И отплывали они за тридевять земель и морей: в Петербург, Гамбург, Варшаву, Париж и Лондон.

ПЛАТОН

На заднее, ведущее в кухню крыльцо дома взбежал Платон Федоров — правая рука Михаила Ивановича. Отставной бомбардир и мастер на все руки: кузнец, плотник, шорник и отличный наездник, староста над всеми табунами и пастухами, любимец детворы.

— Здравия желаю, Ольга Лукинична!

— Добрый день, Платон. Чего это ты сёдни так рано вернулся? Правда, видела — уехал на заре, — в общении с сибиряками и забайкальцами она охотно переходила на родной сибирский говорок.

— Я и правда торопился: надо заложить телегу, вывезти зверька.

— Какого зверька? Я же заметила, давеча ты без ружья собрался, с одной нагайкой в седло прыгнул. Или собаки козленка загнали?

— Не козленка. Понимаете, Ольга Лукинична, какое дело получилось, и смех и грех. Подъезжая к табуну молодняка в Длинной пади, — что-то двухлетки мечутся. Пастуха не видно, а их медведь гоняет! Сам, видать, тоже молодой, шустрой: успел поободрать одного жеребчика. Издали видно кровь на лопатке...

— Ах ты, батюшки, этого еще не хватало! А собаки что?

— Собаки — орлы. Подхватились, да ну на него лаять, от табуна-то сразу отбили. То одна, то другая хватать за «штаны» — и в сторону. Так закружили, что он уж и на коней не смотрит, озлился, все норовит поймать которую. А я как на грех, и впрямь ружья-то не прихватил. Тетка твоя подкурятина, что делать? Уйдет, а ночью воротится — обязательно задавит раненого. И такое меня зло взяло. Оглянулся по сторонам, а на опушке заготовленные ясеневые оглобли сохнут. Эх, думаю, куда ни шло, медведь-то нешибко большой, управлюсь. Соскочил, привязал коня, выбрал оглоблю потяжелее и по-за кустами, по-за кустами подобрался супротив ветра. Мишка-то занят, по сторонам глядеть некогда. Я прыг из-за дуба, подскочил вплоть, да ка-ак огrel по башке, он и обмяк, повалился на бок. Ну, тут уж я скорехонько ножиком ему кишки и выпустил.

— Ну, ты ж и молодчина, Платон! Какой медведь-то?

— Ничего, вроде сытый. Дайте чайку испить, Ольга Лукинична, в горле пересохло. Глотну, да побегу запрягать, а то вороны поклюют, второпях-то не прикрыл его толком...

Под вечер Федоров привез, ободрал и разделял тушу, накормил медвежатиной собак. Растворил на стене амбара шкуру и пошел париться.

Большой любитель чаепития, Платон после напряженной работы и бани запросто опорожнял два десятка стаканов. Сейчас, после ужина, он сидел за столом в окружении обожавших его ребят.

— Платон, расскажи нам, как ты его, а?

Польщенный общим вниманием, он пил чай с удовольствием, не торопясь. Лицо после парной розовое, пышная русая борода расчесана, ворот новой сатиновой рубахи расстегнут. Платон похлопал себя по крепкому животу:

— О! По сытому брюху хоть обухом бей! — И принял описание свою охоту. — Да как. Вижу — оглобли сохнут. Ну, выбрал, какая половине... Попроси-ка, Лиза, что бы мама налила еще стакан!

Он вытянул из кармана красный в белую горошину платок и вытер усыпанные каплями пота лоб и шею.

Даже после этой рукопашной с медведем Платон редко брал с собой ружье. Отличный кузнец, он отковал себе длинное копье, наточил, насадил на прочное древко я стал постоянно возить у седла, вполне полагаясь на свою ловкость и силу. Почти каждый день, в жару или под дождем, скакал по горам, проверяя разбросанные табуны, бдительность пастухов.

Между тем лошадей становилось все больше. Конюшен и пригонов не хватало, сено и овес экономили, поэтому большинство коней почти круглый год выпасали в поле. Помимо экономии этот режим отлично закалял молодняк, делал лошадей крепкими и выносливыми.

Сидеминское коневодство велось на свой особый лад. Этому способствовал сильно пересеченный рельеф полуострова. Дело в том, что за каждым жеребцом-производителем закреплялось до полутора десятка маток с сосунками и ему отводился отдельный распадок. Там, под наблюдением пастухов, предводитель становился полным хозяином. Хребет служил границей между соседствующими табунами, и соседи к этому быстро привыкали. Вожаки — Атаман, Саид, Осман, Муромец, Грозный, Золотой — надежно охраняли свои косяки от серых и красных волков и более мелких хищников. При появлении врага собирали маток, загоняли в круг малышей и до прибытия пастухов так отбивались зубами и копытами, что даже стае никак не удавалось выхватить неопытного жеребенка.

Однако против главного врага животноводства — тигра — самые могучие копыта были бессильны. Бороться с ним без огнестрельного оружия немыслимо.

Морозным ноябрьским утром во двор заимки влетел верховой пастух, бросил коня и побежал к дому.

— Хозяин, беда! Тигры нашу Желну задавили! Других коней мы дальше отогнали, только он все равно табун не оставит. Надо его стрелять!

Желна была одной из лучших кобылиц косяка, кочевавшего на западном берегу Лебяжьей лагуны. Гибель ее наносила тяжелый урон хозяйству и боль всей семье. Кроме того, конюх был прав: завтра же могут быть новые жертвы. Следовало мчаться к месту катастрофы немедленно. Однако нужно было так случиться, что кроме Михаила Ивановича, Ольги Лукиничны и детей, дома никого не оказалось. И ни одного подходящего для мальчиков ружья. А преследовать одному в густых приозерных камышах только что отведавшего крови тигра — слишком рискованное предприятие.

Зажав между большим и указательным пальцами бороду и чуть выпятив нижнюю губу, отец на некоторое время задумался, что-то взвешивал.

— Знаешь, Оля, я возьму с собой Юрку. Он у нас шустрой, смелый парень. Если тигр вдруг насядет, сын не подведет, я уверен. Но берданы для него тяжелы. Дадим ему копье Платона, жаль, самого дома нет...

Внешне спокойная, Ольга Лукинична принесла длинную, но не тяжелую пику и подала ее сыну.

— Держи, будешь охранять папу. — Она перекрестила и поцеловала кудрявую голову Юрия.

Охотники сели в сани и вскоре уже мчались по льду замерзшей лагуны. В версте от западного берега отпустили возницу и пошли пешком. Одиннадцатилетний Юрий был страшно горд доверием родителей, крепко скимал рукоятку знаменитого оружия дядьки Платона. Однако, увидев среди помятого камыша изуродованную любимицу Желну, мальчик едва сдержался, чтобы не заплакать. Еще недавно доверчиво ласкавшаяся к нему кобыла застыла в нелепой позе. Шея свернута, бок вырван, стегно выедено. На мелком снегу ветер трепал примерзшие к кровавым пятнам клочки шерсти.

Потрясенный, он невольно посмотрел по сторонам, но вокруг лишь загадочно колыхалось море раскаивающих пушистыми головками желтых стеблей камыши. Опустил глаза и на припорошенной земле увидел крупные, в тарелку, кошачьи следы. Стало ясно — при их приближении хищник отошел и притаился

где-то. Юра почувствовал озноб и поднял глаза на отца. Михаил Иванович внимательно изучал картину нападения.

— Смотри и запоминай. Видишь, он подкрадывался к Желне отсюда, против ветра, она и не учудила. На скаку не смог бы ее догнать, потому и подбирался на верный прыжок с трех сажен. Погляди, прыгая, он не заметил в буряне ветку этой ольхи и налетел на нее грудью. Но при его силе и весе она ему ничуть не помешала.

Действительно, между внезапно оборвавшимся следом зверя и мертввой лошадью на снегу лежала свежепереломленная мерзлая ветка корявой болотной ольхи толщиной в руку. Но она не смогла удержать рокового прыжка.

Отец шел по следу не торопясь. Часто останавливался, пригибаясь, оглядывался по сторонам, стараясь вовремя засечь притаившегося хищника. А тот начал хитрить и злиться. Неразличимый сквозь густую сетку камыша, тигр, несомненно, уже видел людей и, распушив усы и нервно подергивая кончиком хвоста, отступал к горам материки. Но уходил не прямо, а описывая петли. Прячась среди пожелтевших трав, кустов и коряг, готовился напасть, но никак не мог отважиться подпустить людей на нужное для прыжка расстояние.

Все время начеку, со взвешенным курком крупнокалиберного винчестера, отец временами незаметно оборачивался, оценивая посматривая на сына. И одобрительно усмехался в бороду: тот держал копье наперевес, наготове, взгляд напряженный, но страха в глазах не заметно.

Юрий хорошо запомнил странной формы обгорелый пень, мимо которого уже проходили. И вот они снова поровнялись с ним. Мальчик только сейчас обратил внимание на сдвоенный след: тигр во второй раз вел их по одному и тому же кругу! Где же он: впереди или уже позади них?

Он тронул отца за рукав и в недоумении показал, что они и зверь топчут собственные следы. На его вопрошающий взгляд, отец наклонился к уху и шепнул:

— Что, непонятно? Мы за ним, а он — за нами. Это его манера. Ничего, только почаше оглядывайся и не зевай...

Но тигру так и не хватило смелости сблизиться для верного прыжка. В конце концов он прекратил свою игру в охоту и размашистым шагом двинулся в сторону Синего Хребта.

Михаил Иванович облегченно вздохнул: прогнали!

Надвигались ранние ноябрьские сумерки, дальнейший риск становился неразумным, и они повернули к дому. Возвращались при звездах, напрямик через горы. Добрались поздно, но мать, в ожидании, конечно, не спала.

Расспрашивая мужа, она помогла раздеться и стянула ичиги с ног маленького тигрятника, который едва шевелил языком, но уверял, что совсем не устал. А отец, набивая трубку, рассказывал:

— Тигра не взяли, но напугали как следует. Думаю, скоро не вернется. Однако для меня сегодня главное не в этом. Юра, пойди, умойся...

И когда сын босиком пошел на кухню умываться, вполголоса добавил:

— Знаешь, я доволен Юрьем, — Михаил Иванович прекрасно говорил по-русски, но в некоторых звукосочетаниях на всю жизнь сохранил легкий польский акцент. — Незаметно наблюдал за ним и теперь уверен — на него можно положиться. Сбей меня тигр неожиданно с ног, убежден — Юрка всадил бы ему в бок копье. Чувствую, он будет настоящим мужчиной!..

ВЫСОКИЕ ГОСТИ

Солнечным июльским днем следующего, 1890 года, на просторной веранде дома-форта сидели прибывшие 2 специальным пароходом гости. Уже во второй раз осмотреть конный завод Янковского с целой свитой старших офицеров и чиновников пожаловал сам генерал-губернатор, барон Андрей Николаевич Корф.

Лозы дикого винограда густо оплели стены и крышу террасы. В тени крупных резных листвьев на стульях и в креслах расположились, по рангу, усатые и бородатые гости в белоснежных кителях с золотыми эполетами.

Через западные ворота в просторный, как городская площадь, двор веселой гурьбой вбегали пригнанные с пастбищ табуны лошадей. «Парадом» командовал Платон с помощниками и старшими детьми. По его сигналу строго подобранные по масти косяки послушно, как отряды школьников, останавливались напротив крыльца.

Приезжие знатоки-лошадники спускались по широким деревянным ступеням, охлопывали приглянувшихся трехлеток, внимательно осматривали спины, морды, заглядывали в зубы. Кони доверчиво позволяли погладить себя по крупу, потрепать по шее; давая осмотреть копыта, послушно поднимали ноги. Когда осмотр заканчивался, Михаил Иванович делал условный жест рукой, Платон подавал команду «пошел» и, в сопровождении пастухов, косяк легкой рысцой уходил через восточные ворота. А в то же время в западные уже вливалась новая партия... Не было суety, не слышно ни выкриков, ни циркового пощелкивания бича.

Главный эксперт, кавалерийский полковник, после осмотра конских ног вытер ладонь батистовым платком, расправил пушистые, до самых, ушей, золотистые усы и обернулся к сидящим на веранде:

— Удивительно, господа! Мало того, что лошади выглядят отменно здоровыми и бодрыми, с хорошим экстерьером, — они поразительно ласковы и послушны. Словно цирковые, дрессированные. Какой же секрет кроется в вашем воспитании молодняка, Михаил Иванович, дозвольте узнать?

Корф тоже с нескрываемым интересом глянул на хозяина.

— Справедливый вопрос. Я недавно наблюдал табуны выращенных в забайкальских степях скакунов, так от них ваши кони — как небо от земли: те просто звери, к которым невозможно подступиться!

— А это, по сути дела, и есть почти дикие звери, ваше высокопревосходительство. Видите ли, все киргизские, минусинские и забайкальские скакуны, выросшие до трех-четырех лет в степи, не знают ни человеческой ласки, ни голоса. И как ждать от них повиновения и доверия, а тем более любви к хозяину? Ведь их, выросших на воле, при первом же знакомстве с человеком сразу встречает аркан, носовертка, удары по самым чувствительным местам. А еще я часто наблюдал, как пытаясь укротить, хозяева вцепляются своим коням в уши зубами!

— Какое зверство! А чем же влияете на своих вы?

— У нас с самого основания все поставлено иначе. Никто не смеет не только ударить, но даже замахнуться и грубо кричать на лошадь. И она, естественно, с малых лет видит в человеке друга. Мы с осени отнимаем у маток подросших и окрепших сосунков, чтобы заняться их воспитанием.

— Значит, тоже арканите?

— Нет. Мы придумали свой способ: хватаем их внезапно, прямо в табуне. И хотя в это время жеребенок уже рослый и резвый, требуется лишь сноровка. Надо крепко обнять его за спину правой рукой,

а левой сдерживать за мордочку. Наш опытный «ковбой» бежит рядом с ним в обнимку до тех пор, пока не набросит на голову мягкий недоуздок. Это научились делать даже старшие дети, они ведь у нас сами как жеребята...

— Да, они у вас молодцы. Смотрите, как управляются под руководством этого богатыря Федорова! — воскликнул Корф.

— Все это тоже воспитание, — Михаил Иванович улыбнулся. — Итак, мы собираем в пригон всех рожденных весной малышей и там привязываем вдоль ограды. Сначала они, конечно, брыкаются, капризничают, отказываются есть. Однако позднее, когда надергают до изнеможения свои нежные шейки, успокаиваются и начинают уныло жевать брошенный возле каждого клок сена...

Представив эту картину, слушатели рассмеялись, а Михаил Иванович продолжал:

— Через два-три дня, как правило, тоска по матери стихает, они начинают есть охотнее. Сначала их водят на водопой в поводу, потом отпускают с привязи. Тогда они начинают знакомиться друг с другом и людьми, которые их кормят и приучают поднимать ноги, показывать копыта. Позднее жеребята уже табунком, наперегонки, бегают на водопой, лизут приготовленную для них в колоде соль, по команде «марш-марш» гурьбой несутся в свой пригон. И только после того, как станут совсем ручными, их так, табунком, и отпускают с пастухом в поле. Слабых отдельно от сильных и задиристых.

— И дальше они растут на воле совсем самостоятельно? — спросил полковник, делая какие-то записи в тетради.

— Растут в косяке до трех-четырех лет, то есть до той поры, пока не приходит время объезжать. Но основное, главное дело уже сделано: добронравие и доверие к человеку, привитые в самом восприимчивом возрасте, укоренились на всю жизнь. Поэтому впоследствии молодежь очень легко привыкает к сбруе и седлу, беспрепятственно поддается ковке.

— Вот что значит доверие, господа, а? — Корф назидательно поднял указательный палец, все согласно заулыбались.

— Случается, кому-то в табуне вдруг требуется оказать помощь, — продолжал Янковский. — То змей укусит, то нужно извлечь занозу из ноги или соринку из глаза. И в таких случаях наши копи не бесятся, а доверчиво разрешают себя осмотреть и помочь беде. Ну, а что касается внешнего вида и здоровья, то их дает «степное» содержание, постоянное пребывание на воле. Их омывают дожди, осушают ветры, и в хорошую погоду они в самом деле лоснятся, как из-под щетки.

Все слушали внимательно, Корф одобрительно кивал:

— Недаром представители военного командования докладывали, что в частях, пополненных лошадьми вашего завода, ими не нарадуются. Здоровы, неприхотливы и на редкость послушны.

Выросший уже до начальника переселенческого отдела, старый друг Михаила Ивановича Петр Владимирович Мельгунов пробасил:

— Наши переселенцы тоже требуют: подай им коней с тавром «Я». Надежные, мол, добрые кони. Да где ж, говорю, я вам всем их наберу. У Янковского не фабрика...

— Лошади отличны во всех отношениях, — снова вступил в разговор полковник, расправляя свои необыкновенные усы, — только я бы сказал — пока все еще чуть маловаты. Особенно для горной артиллерии. Им бы прибавить вершок, два, три... Вот это б, да!

— Знаю, Но для роста необходимо привезти партию производителей хотя бы крупной томской породы. Однако дело это очень сложное, потребует немалых денег и времени. Ведь гнать пришлось бы

несколько тысяч верст своим ходом.

Генерал-губернатор заметно оживился.

— Трудно, очень трудно, согласен, но... подумайте, сударь. Это чрезвычайно важное дело. Ремонтировать кавалерию — мы в этом убедились — целесообразно только теми кадрами, что родились в этом крае. Только на них можно положиться, ибо они не подведут ни при какой погоде. Так что уж постарайтесь, батюшка Михаил Иванович, подбросьте новую партию, чтобы поднять рост. Тогда, думаю, это будет уже идеальная для Уссурийского края лошадь. Определенно. Чем вам в этом отношении можно помочь?

— Чем помочь? Спасибо и так, ваше высокопревосходительство, что ходатайствуете перед Петербургом, помогаете заводу с арендой и выкупом угодий. А что касается привода новой партии производителей, так я, откровенно говоря, хотел дождаться окончания строительства Транссибирской железной дороги. Я ведь хорошо помню и отлично представляю себе все трудности этого длинного и довольно страшного пути...

Многие поняли намек хозяина и смущенно потупились, но Корф, как опытный дипломат, ловко вышел из положения:

— Мне хорошо известна ваша первая встреча с губернатором Приморской области. Читал ту докладную. Там вы ярко нарисовали картину будущего хозяйства, и я рад, что прогнозы превзошли все ожидания. И в отношении непригодности для земледелия этой прибрежной полосы оказались пророком. Вот, господа, Михаил Иванович пятнадцать лет назад заявил, что этот район никогда, не станет ареной нашего переселенца-хлебопашца. И, как видим, оказался совершенно прав. Ну, а успехи животноводства сегодня налицо!

Он вытянул из жилетного кармана золотую луковицу.

— Ну, что ж, время! Будем благодарить хозяев за прием и потихоньку собираться восьсяи. Идите, господа, к пристани. Михаил Иванович меня проводит и мы с ним еще потолкуем о делах. Идите, идите, сегодня у меня надежнейшая охрана...

Янковский и Корф неторопливо шагали по дороге-аллее. Тянувшиеся по обеим ее сторонам посадки дуба и маньчжурского ореха, когда-то так приглянувшиеся Дыбовскому, выросли в стройные деревья, бросавшие на дорогу заметную тень. Корф продолжил прерванный разговор.

— Относительно волокиты с угодьями — не беспокойтесь. Заминка произошла в связи с указом не передавать земли на сто верст по обе стороны строящейся железной дороги. Но вам будет сделано исключение — беру это на себя. Ваше начинание имеет такое важное значение для развития транспорта и охраны границ, что доказать это перед министерством не составит труда.

— Спасибо на добром слове. Буду надеяться. Для расширения дела нужны и дополнительные пастбища, и покосы.

— Понимаю. А теперь я хотел сказать вот о чем. Я получил ваше прошение о снятии полицейского надзора и прочих ограничений. Возбудил ходатайство, дал свой отзыв и весьма положительную характеристику.

Янковский чуть склонил голову, а Корф продолжал:

— Отношение направил на имя министра внутренних дел. Он, конечно, запросит мнения наместника Северо-Западного края, по месту вашего прежнего жительства и событий 63-го года... И, по получении ответа, составит доклад для утверждения решения государем. Такова процедура всех подобных дел...

Корф сказал правду. Сам он давно изучил «Дело штаба войск Виленского военного округа», начатое 16 сентября 1863 года, эту летопись шести молодых людей, в самом расцвете сил угнанных в сибирскую каторгу. Может быть, генерал-губернатор никогда до конца и не верил в полную лояльность Янковского, но, несомненно, уважал его. Во всяком случае симпатизировал как энергичному человеку. С другой стороны, в те годы лошади Янковского приносили огромную пользу, а это поднимало авторитет главы русского Дальнего Востока и приносило ему определенные лавры. В общем, барон Андрей Николаевич Корф был, конечно, неглупым и дальновидным человеком. И психологом. Он сделал уверенный ход конем и достиг цели.

Когда они уже подходили к берегу, спросил:

— Ну, что же вы все-таки решаете предпринять по вопросу улучшения лошади в ближайшее время? Сами видите — обстановка...

— Что делать, ваше высокопревосходительство. Раз обстановка требует, придется, видно, распродать часть молодняка и отправиться на будущий год в Западную Сибирь. Отберу там лучших скакунов и рысаков, приведу их сам. Такого ответственного дела не смогу поручить никому.

— Вот и прекрасно! Давайте, действуйте! А когда нужно, не стесняйтесь, по любому вопросу обращайтесь прямо ко мне...

Они распрощались, и белый восьмивесельный вельбот доставил гостей к пароходу. Загремела якорная цепь, из трубы повалил черный дым. Пароход развернулся и дал прощальный гудок.

Михаил Иванович не спеша поднимался назад, на перевал. В мыслях он был далеко, где-то в просторах Сибири...

Дальше все протекало так, как предсказал Корф. Переписка между высокими царскими чиновниками шла своим чередом. Помощник министра внутренних дел запросил генерал-губернатора Северо-Западного края — как его высокопревосходительство смотрит на ходатайство генерал-адъютанта барона Корфа? И не возражает ли против возвращения бывшего мятежника Янковского на родину?

Ответ наместника был недвусмысленным. На его взгляд, в Польше, Литве и Белоруссии вполне достаточно неблагонадежных лиц, чтобы еще усиливать их лагерь такими, как Янковский...

В каких выражениях докладывал министр царю — неизвестно. Но как бы то ни было, в июле 1890 года в «деле» ссыльного поляка появился документ, поставивший окончательную точку. Озаглавленный «По Высочайшему Повелению», он гласил дословно:

Так половинчато — без права возвращения в родные края — был «помилован» Михаил Иванович Янковский. А канцелярия Северо-Западного края тотчас же разослала губернаторам и начальникам жандармских управлений Виленской, Гродненской и Люблинской губерний строжайший секретный циркуляр, запрещающий Янковскому посещать и проживать в перечисленных губерниях. Копия этого документа закрыла двадцатисемилетнее дело в сто двадцать шесть рукописных страниц.

ЗНАКОМОЙ ДОРОГОЙ

Для приобретения нескольких десятков кровных производителей требовались немалые деньги. Для этого Михаил Иванович продал всех второстепенных лошадей и, идя на немалый риск, взял ссуду в банке. Он понимал, что покидает дом надолго, поэтому в помощь жене пригласил из Иркутска ее брата Семена Лукича, оставил и Платона.

В ноябре по первому санному пути из пригорода Владивостока лихо вырвалась ямщицкая тройка. День выдался морозный. В надвинутых на лоб шапках и длинных теплых тулупах скакали на запад Янковский и его второй помощник, отставной унтер-офицер Афанасий Антипов. Небольшие, крытые кожаным козырьком сани легко скользили по накатанному за три дня тракту. На облучке, до глаз укутанный шарфом, крепко держал длинные вожжи плотный ямщик. Под правой его рукой в железной трубочке мерно раскачивался гибкий кнут. Когда бородач брался за него, кони переходили на галоп и в сани летели комья снега...

На станциях отогревались чаем, меняли лошадей, а иногда и ямщиков. За день порою пробегали сотню верст и больше, но долог был тот старинный путь от Владивостока до Томска. Ехали без остановок, без отдыха, и все равно дорога отняла целых два месяца. Только в начале нового, 1892 года, прибыли к месту.

Шесть мощных жеребцов-производителей купили на казенных заводах, а тридцать шесть кобылиц тщательно отобрали в крепких крестьянских хозяйствах Кузнецкого округа. Потом несколько дней ушло на то, чтобы познакомить лошадей друг с другом, научить дружно бежать одним табуном. Наконец они выехали на старинный сибирский тракт.

И пролегла перед глазами дорога, по которой юный польский студент шагал с товарищами на восток — в неведомую даль — двадцать восемь лет назад.

Мало что изменилось за эти годы в облике великого сибирского пути. Только сам Михаил Иванович был уже не тот юнец, что брел в колонне унылых арестантов. Он заметно раздался в плечах и пояснице, поредела пышная шевелюра, а в каштановой бороде появились первые седины. Зато теперь он организатор любимого дела, а дело это приносит немалую пользу далекой, но ставшей такой близкой сердцу окраине русской земли. И скачет домой во главе гурта пламенных лошадей, — садись на любую! Временами даже не верилось: не сон ли это?

Они очень спешили. Весна нагоняла и могла остановить надолго. С теплом развезет дороги, вскроются реки. А денег в обрез, что если разливы задержат на месяц, на два? Чем кормить? Фураж на такую ораву во выюках не увезешь...

И гнали. Старались идти больше на рысях. Но как ни торопились, до Байкала добрались только в апреле. Момент был критический; сизый лед озера-моря лопался, образуя непроходимые трещины.

На ангарском берегу «священного моря» насконо сколотили деревянные щиты, поволокли их за собой. Перебрасывали эти мостки с кромки на кромку бездонных зияющих разрывов и осторожно переводили храпевших, упирающихся коней. Наконец одолели Байкал и подступили к реке Селенге.

Но здесь картина оказалась еще более страшной. Между сушей и льдом уже бежала вода. Что делать? Погнали табун вдоль берега вскачь, но везде то же самое. И лишь в семи верстах ниже Верхнеудинска заметили место, где можно ступить на подозрительно потемневший, ноздреватый лед. А река широкая, над ней пар. И тут даже никогда не терявшийся лихой кавалерист Антипов заколебался:

— Успеем ли перейти, Михаил Иванович, не утопим ли весь табун, да и сами?..

Михаил Иванович спрыгнул на лед, постучал окованном концом подобранным на берегу рыбакского шеста. Прикрыл ладонью, защищая от сверкавшей поверхности глаза, прикинулся расстояние до противоположного берега. Если не одолеть, ледоход задержит на много дней.

— Лед должен выдержать, Афанасий. Давай, пошли ходом, без задержки. Только врастяжку, не кучей. Пошел!

Они двинулись бегом, местами по хлынувшей поверх льда воде, лавируя между парящими полыньями. Был, конечно, немалый риск утопить косяк и утонуть самим, но инстинкт, верный глаз и расчет победили. Перевели весь табун и выбрались на берег.

Лошади тяжело дышали, нервно вздрагивали. Им дали немного овса, успокоили. Потом люди быстро собрали плавник, разложили костер — нужно было обсушиться, вскипятить чаю. Мокрые и продрогшие начали переобуваться у огня.

Чайник стал напевать, как вдруг позади раздался приглушенный треск. Оба вскочили, оглянулись и замерли: Селенга качнулась, загрохотала и двинулась в Байкал. Лед тронулся!

Антипов скинул шапку и перекрестился:

— Слава тебе господи, пронесло! — Он полез за часами. — Глядите, всего-то на полчаса мы ее опередили...

Михаил Иванович усмехнулся и неопределенно покачал головой. Он давно привык верить не в бога, а в свой опыт, в свою звезду. А лошади перестали жевать и, обернувшись к реке, тревожно вытянули шеи, словно тоже поняли миновавшую опасность...

* * *

Снег сошел на глазах, забайкальские горы и степи ярко зазеленели. Их миновали своим ходом, весело, без приключений. Наступил май, и вот впереди сверкнула знакомая Ингода. Показалась станица Сиваково, где каторжане строили баржи когда-то и откуда трое ссыльных поляков на своей «Надежде» начали плавание на Дальний Восток.

Путешественники остановились в сильно потемневшей за эти годы избе старого друга Силы Михайловича Ковалева. Старик заметно ссутулился и побелел за два десятилетия, но был по-прежнему бодр и гостеприимен. Вечером они снова пили сливанчик, расспрашивали, рассказывали о прожитых годах. Ковалев удовлетворенно отер бороду и посмотрел на Янковского:

— Доброе дело делаешь, Михайло Иванович, хорошие кони людям завсегда, о, как нужны. Эких красавцев подобрал — любо-дорого посмотреть. А с плотами да со сплавщиками мы тебе отсель поможем, не сумлевайся!

— Благодарю, Сила Михайлович, я на вас крепко рассчитывал.

— Да как не помочь старым друзьям? И плоты крепкие свяжем, и парней надежных выделим. Ты же их не обидишь, я знаю. До. Благовещенска, стало быть, на плотах, а отель пароходом?

— Я полагаю так, а каково ваше мнение?

— Замыслил ты правильно. Только вот погода какая-то странная. Чует сердце — быть ноне дождям, наводнению. Ну, да на плотах оно не страшно. Только харчей прихватите поболе: муки, сухарей, соли. Овса копям на весь путь не наберешь, да скоро трава подымется, пасти да подкашивать будете, не пропадут... Вы пейте, господа, пейте наш забайкальский сливай, дале-то им никто не угостит. Да, лодку-то свою, красавицу «Надежду» где оставил, аль подарил кому?

— Весной семьдесят четвертого, когда расставался с товарищами в станице Козакевичево на Уссури, там и оставил. Она им, слыхал, потом еще хорошо послужила.

— А Бенедикт-то Иванович теперь что делает, куды подался? А дружок евоный, Виктор, кажись, — вы с ем все спорили — где?

— Их обоих отпустили на родину, в Польшу. Бенедикт Иванович сейчас профессор во Львове. А вот мне отказали.

— Не пушшают, значит, антихристы? Ну да ладно, у тебя теперь во какое дело. Да и жена, дети. Ты, паря, теперь, почитай, сам уже русский. Польского, поди, половина осталась?

— Это вы, пожалуй, верно говорите. Почти так и есть.

— Как не так, Русский ты, брат, теперича...

— Я вот о чем хочу еще спросить, Сила Михайлович. Как у вас нынче насчет разбоя, — спокойно?

— Да ноне вроде потише. Хотя не так давно в Кяхте знамени-и-того разбойника, беглого каторжника Капустина повесили.

— А за что казнили, убил кого, что ли?

— Много побил народу, Грабитель и убивец был страшенный. Правда, больше все проезжих хватал. Тройки останавливал, почту...

— Неужто коней один останавливал? — с недоверием вмешался в разговор Антипов.

— Один. Огромадной силы был человек. Да и супротив лошади слово свое имел. Как свистнет, гикнет, — сказывают, так кони и станут, словно повязанные. Храпят, а не идут. Лихой был мужик!

— И долго он так разбойничал?

— Годов, почитай, пятнадцать. Как вы тогда на «Надежду» уплыли, так в скорости и объявился. Все Забайкалье его боялось.

— И за столько лет никак не могли поймать?

— Нет. Сколь раз у жандармов промеж пальцев ускользал. Ловкий черт. Однако взяли наконец, пьяного. Заковали. А опосля и повесили при всем народе. Только перед казнью он таку историю рассказал, — покаянную. Аль не слыхали?

— Да нет, откуда нам услышать. Расскажите.

— Это, значит, когда железы с него сняли, священник подошел грехи отпускать, а Капустин и говорит: подожди, батюшка, дай я перед всем обществом покаясь, как на духу... Перед смертью-то, значит, каждый такое полное право имеет — последнее слово сказать. Ну вот. Поклонился Капустин на все четыре стороны

и говорит: «Граждане-братцы! Все, что судья здесь зачитали — правильно. Много сгубил я душ христианских, да, видно, уж так на роду было написано. За то и ответ держу. Только есть один трех, когда не хотел убивать, а убил. В нем и хочу покаяться. Потому — душу он смущает». Пришел, говорит, однажды купца, ограбил. Золотишко забрал изрядно и загулял. Напился в кабаке подходяще, а опосля вышел в огород и залег под забором в бурьяне, чтобы в хате сонного не забрали. Летом дело было, тепло. Проснулся — ктой-то поет. Глянул, а на заборе скотовод тамошний сидит. Тоже си-ильно пьяный. А у них песни какие? Не видит, о чем думает, про то и орет... Небо, поет, синее, облака белые, солнце светит. Тепло, мол, хорошо. А еще, говорит, съел я целого барана, выпил четверть водки и стал сильно храбрый, никого не боюсь. Ни хозяина, ни урядника, ни пристава. Даже самого Капустина не боюсь! Вот ведь како слово дурак вымолвил!..

Сила Михайлович отхлебнул из большой глиняной кружки и обвел своими немеркнущими глазами кречета гостей:

— Вымолвил, а у Капустина сердце и вскипело. «Ах ты, — думат, гнида, врешь! Сейчас я тебя напужаю...» Поднялся из бурьяна, значит, как есть, встрепанный, без шапки, шагнул к нему и спрашивает по-ихнему: «Что ты сказал? И Капустина не боисься?» А он, сердешный, как увидел меня, икнул, значит, да и бух с забора, что куль с мукой... Подошел я, пошупал его, а он уж того, готов, отдал Богу душу! Не хотел, а убил. «И решил я, граждане, еще тогда покаяться в сем грехе перед всем, честным народом. Ну вот, и облегчил душу. Теперь пушшай вешают. Я готовый». — И шагнул, говорят, спокойно под перекладину...

— Ну, дед, ты нам и рассказал историю. Теперь мы ее своим на Дальний Восток свезем. Больно занимательно! — Антипов отер рукавом рубахи пот.

— Интересно, не интересно, а это я к тому, что Михало Иванович спросили, — спокойно ли у вас нынче в Забайкалье стало. Вот после Капустина, можно сказать, беспокойствий не слыхать...

* * *

Плоты связали быстро и на греби встали опытные казаки-сплавщики. И снова станица Сиваково высыпала на берег провожать гостей в далекий путь...

Но дед Сила оказался прав: лишь несколько днейостояла ясная погода, а потом необычно рано нагрянули проливные дожди. Вода в реке поднималась с часу на час.

Вскоре Ингода приняла справа Онон, и быстрая Шилка помчала плоты к Амуру. Река вышла из берегов, затопила станицы, унесла у казаков зимние запасы сена. Брать его стало негде, и на плотах начался голод... День, другой, третий ждали, что вот-вот удастся где-то причалить, — попасти лошадей, накосить молодой травы, но все вокруг было залито водой. Одна ослабевшая кобыла упала за борт и сразу утонула. Вторая легла и не поднималась.

Лошади худели так, что на них становилось страшно смотреть. В предчувствии беды, Михаил Иванович потемнел. Жалостливый к животным, Антипов отворачивал жалея, не смотрел в глаза. В конце концов он не выдержал.

— Худо дело, Михаил Иванович, так скоро весь табун загубим!

Запавшими от боли и тревоги глазами Янковский задумчиво провожал скользящие мимо затопленные острова. Тальники, одни макушки тальников. А что если?..

— Слушай, Афанасий, давай пристанем к острову, нарежем лозы. Может быть, с голоду начнут грызть кору?

По его команде плоты направили к густым зарослям тальников на затопленном мутной водой низком

песчаном острове. Привязались, спрыгнули в воду и дружно принялись резать молодые побеги ивы. Втащили на плоты, раздали по охапке прутьев коням. И... лошади с жадностью набросились на этот корм, обычный для оленей и сохатых!.. Антипов хлопнул себя по ляжкам:

— Ну, Михаил Иванович, хоть это не овес и не сено, однако теперь кони с голоду не пропадут! Гляди, как жуют, сердешные. Умницы вы наши, умницы, — отставной кавалерист отвернулся и стыдливо вытерся рукавом.

Вскоре Шилка выбросила плоты на просторы Амура. Он разлился на много верст, но полз медленнее своей сестры, приставать к островам стало легче. Заготовка лозы шла ежедневно и кони ее ели, но постепенно худели, конечно, все больше. Пало еще две кобылы.

Но вот, на сорок второй день плавания, показался такой желанный Благовещенск. Ткнулись к берегу, начали выводить еле передвигавших ноги, похожих на скелеты копей. Вместо тридцати шести кобылиц, вышло всего тридцать три. Однако все шесть жеребцов с честью выдержали испытание.

Но, главное, добрались. Срочно подвезли пшеничных отрубей, начали кормить вволю, и лошади поправлялись с каждым днем.

Янковский отправился в контору пароходства. Там ему заявили, что весь транспорт занят перевозкой казенных грузов и новобранцев, баржи освободятся не скоро. И сообщили страшную весть: все побережье среднего течения Амура поражено занесенной из-за границы эпидемией сибирской язвы, которая буквально косит лошадей и скот. Значит, нужно плыть не приставая к берегам.

Пришлось запасаться кормом на весь оставшийся путь. И вот, наконец, пароходик дал гудок и завертел колесами. За несколько дней караван благополучно проскользнул мимо зараженных берегов, добрался до Хабаровска и вошел в Уссури. Поднялись до впадения в нее реки Сунгачи и здесь окончательно рас прощались с речным путем. За спиной лежало более пяти тысяч верст! Осталось всего около трехсот, но кто мог думать, что они окажутся такими тяжелыми и мучительными.

На сто с лишним верст протянулись вдоль реки Сунгачи и восточного берега озера Ханка сплошные болота, и в их плenу караван пробыл около двух недель. Стояла изнурительная августовская жара. В густых высоких травах и камышах ни ветерка. Люди и лошади задыхались от испарений, все были в крови от липнущих к ним тучами комаров и слепней. Они лезли в глаза и уши, жалили беспрерывно и беспощадно. А кругом — куда ни глянь — только тростники, кочки, грязь и мутная вонючая вода! Негде ни обсушиться, ни передохнуть. Днем и ночью — в болоте.

А когда вышли на сухую дорогу, лошади вдруг захромали, стали отступаться, часто останавливаться.

— Что-то неладно, Михаил Иванович, — осунувшийся, искусанный до неузнаваемости Антипов сокрушенno покачал головой.

— Давай, Афанасий, сделаем привал. Сам вижу, а в чем дело, пока не пойму.

Развели костер, повесили чайник. Переобулись. Кругом крякали, свистели крыльями, поднимались и перелетали большие стаи уток, но сейчас они не радовали сердце охотника. Лошади стояли понуро, многие болезненно поднимали ноги. Часть легла, что было совсем необычно. Хозяин осмотрел копыта одной, другой, третьей и нахмурился.

— Худо, брат Афанасий. Пять с половиной тысяч верст одолели, а последнюю сотню вряд ли дотянем...

— Что, что случилось, Михаил Иванович?

— Мокрец. Гангренозный мокрец поразил венчики копыт у всех без исключения лошадей. Вот что

значит две недели без просыха в болоте! Это тяжелая болезнь и вылечивается не скоро.

— Ах ты, грех какой. Дотянем ли до дому?

— Хорошо бы до села Никольского добраться. Нужно же — в ста с небольшим верстах от дома!

— Да-а... А все-таки знаете, Михаил Иванович, нечего нам бога гневить. Я и то думаю — ведь чуть не год в пути. И через щели на Байкале прошли, и Селенгу едва перескочили. А на плотах, когда одной лозой кони месяц питались?!

— В общем ты прав, Афанасий. Без потерь в таком деле не бывает, все могло сложиться хуже. И в конце концов три потерянных в этом пути кобылицы — не такая большая еще беда.

— То и говорю. А еще сибирская язва? А волки, а хунхузы, а тигры? Я так и ждал, что кто-нибудь нападет в этих чертовых камышах, только вам ничего не говорил. Нет, бог миловал...

На следующий день они кое-как дотащились до большого села Никольского — нынешнего города Уссурийска, и застряли там на целый месяц. Кого вылечили, кого подлечили. Только в сентябре, через десять месяцев после выезда Михаила и Афанасия из дома, они довели до места свою драгоценную партию.

У станции Черкасская перешли по деревянному мосту речку Сидеми, и, оставив тракт, повернули вниз по течению, на юг. Вдали засинели сопки полуострова, запахло морем. Кони поднимали морды, и, расширив ноздри, приюхивались к влажному солоноватому ветру, пошли без понуканий, веселее. А расцвеченные первыми осенними красками горы — все ближе!

Вперед с гонцом отправили записку, и их встречали.

К тому месту, где дорога подступала к броду через капал, у подножья горбатившегося китом мыса Бринера собрались Ольга Лукинична, Семен Лукич, Платон Федоров, Митюков, дети, несколько пастухов. И вот измученные люди и лошади, одолев последнюю водную преграду, ступили на сухую, твердую землю Сидеми и облегченно вздохнули: завтра им уже не нужно будет куда-то спешить...

Михаил Иванович соскочил с коня. Жена, улыбаясь, шла навстречу, но заметно вытянувшись девчонки с визгом обогнали ее и кинулись к отцу на шею. Сыновья застенчиво протянули ладони, но дали себя поцеловать.

Верилось и не верилось, что наконец дома. Хватили лиха! Но инициатор этого труднейшего и рискованного похода ясно понимал главное: теперь-то жеребята следующего помета обязательно наберут недостающие для сидеминской лошади вершки.

КРАСНЫЕ ВОЛКИ

Старинная дальневосточная пословица гласит: «Где кабан — там и тигры». К ней следовало бы добавить: «Где олень — там барсы и волки». По мере того, как на Сидеми становилось все больше оленей,росло и количество их врагов: людей и зверей.

Браконьеры проникали на полуостров летом. Пользуясь темными ночами и густыми туманами, незаметно пробирались пешком или приплывали на лодке. Убив пантача, отрезали только голову с драгоценными пантами и скрывались,бросив на съедение орлам и воронам упитанную, рыжую в белых пятнах тушу. Случались и перестрелки, бывали раненые, порою браконьеры попадались и несли кару.

Барсы и волки наведывались на полуостров, в основном, зимой, когда замерзали канал, лагуна, морские бухты, а порою и весь залив. Чего проще, забежать по льду? Те и другие были страшными врагами, но вели себя по-разному, и кошки, в общем, порядочнее. Барс может покончить с оленем за три дня и вскоре явиться за следующим. Но он не тронет лишнего. И совсем другое дело волк. Тот режет для удовольствия: догоняет и рвет, рвет с остервенением столько, сколько сумеет догнать.

Однако волки в Приморье бывают не только серые, но и красные, и между ними существует заметное различие. Серый волк не собирается здесь в большие стаи. Два-три, редко пять. Они являлись на Сидеми каждую зиму, и Михаил Иванович довольно быстро изучил их повадки, нашел способы борьбы. Организовывал облавы, в лунные ночи устраивал в стогу сена возле потравы хитрые засады, откуда стрелки били их картечью. Научился тонко травить стрижином. Одним словом, долго шкодить серым не удавалось.

Но вот осенью того года, когда он вернулся из Сибири, вдруг стали находить растерзанных в клочья оленей по нескольку голов в ночь. А на оттаивающей днем земле и утренней пелене инея появились следы необычных волков. Отпечатки их лап были помельче обычных, остreee, но самих следов очень много. Шли они то лавой, то веером, то цепочкой.

Пастухи определили быстро: это ири — красные волки.

Они рассказали, что видели, как эти волки брали оленя в полукольцо и гнали на лед, на озеро и большую наледь. Там он скользил, падал и сразу исчезал в клубке рыжих тел. Но часто даже не успевал добежать до льда. Хищники гнались стаей голов в двадцать, рассыпавшись полумесяцем, как хорошо натасканная свора гончих, и олень, который, в общем, резвее волка, в ужасе начинал метаться. А волкам только этого и требовалось. Ближайший кидался наперерез, с прыжка впивался в бок и повисал! Следом второй, третий. Похоже, говорили пастухи, будто в котле красная вода кипит...

В Приморье первая половина зимы часто бывает бесснежной. Так было и в этом году. Молодые, не сбрасывающие до весны свой крупный желтый лист, дубняки, делали красных волков невидимками, и каждый новый день приносил все большие жертвы. В те дни Михаил Иванович записал в своем дневнике:

Откуда взялись эти страшные гости, он в то время не знал, но ясно понимал, что с таким трудом сохраненные и размножившиеся олени вскоре будут истреблены до единого, и пришел в отчаяние.

А легендарные привидения — ири — продолжали творить свои черные дела под покровом ночи, из-за бесснежия не оставляя никаких следов для поисков и преследования.

Михаил Иванович лишился сна. И в этот критический момент вдруг — срочный вызов во Владивосток. Хозяин одевался необычно медленно, задумчиво. Жена, тоже как в веду опущенная, подала ему пальто и шапку.

— Просто беда, Оля, не знаю, что и делать. И ехать необходимо, и волки, будь они неладны, из головы не выходят. Ты помни вот что: если задавят кого днем и хоть что-то останется, положите на том месте любое мясо и затравите. Иного выхода нет. Ребята видели, как я травил серых, должны суметь. Смотри, небо вроде хмурится. Вот бы снежок...

Он уехал, а ночью действительно выпала первая пороша.

Ольга Лукинична всегда поднималась с рассветом. Она подошла к окну и ахнула:

— Ах ты, батюшки, все совсем бело! Вот беда, ждал, ждал, и уехал-то как не вовремя. Надо было задержаться.

Солнце уже осветило усадьбу, когда прискакал пастух и сообщил, что ири напали на оленя, одну голову оставили.

Ольга Лукинична сразу вспомнила наставления мужа.

— Папа предупреждал: если нападут днем и хоть что-то останется, сейчас же отвезти туда мясо и разложить отраву. — Ты сумеешь? — спросила она Юрия.

— Я видел, как папа затравливал. А где стрихнин?

— Стрихнин у меня в комоде под замком. Отдам тебе весь флакон, только начинай осторожно, отвернись и не дыши в это время...

Они взяли из кладовой убитого дикого козла. Юрий с пастухом забросили его в сани и покатали.

Перевалили в Семивершинную, выехали к поляне. Так и есть: среди истоптанных волчьими лапами кровавых пятен на выпавшем ночью снежке валялась голова двухлетка с первыми рожками.

Привезенный из дома козел не успел еще сильно промерзнуть.

Юрий хорошо помнил, как отец начинял приманку для волков. Он выстругал из таволожки плоскую палочку и сделал концом ножа несколько глубоких проколов на ляжках, спине и лопатках туши. Потом свернул залитую парафином пробку флакона с нарисованными на этикетке черепом и перекрещенными костями. Слегка отвернувшись и почти не дыша, извлек своей «лопаточкой» белые кристаллики яда и осторожно засыпал их в проделанные отверстия. Готово! Только теперь он глубоко вздохнул.

Юрий услышал карканье, оглянулся и увидел на дереве пару ворон. Они пританцовывали, расправляя крылья. «Вдруг раньше волков козла обнаружат вороны? А за ними орлы. Они сразу растерзают тушу, ничего не оставят! Как бы сделать ее незаметной?» Мальчик вспомнил о лежавшей в санях рогожке. Побежал, вытащил и накрыл ею приваду. «Как здорово придумал?!»

Он катил Домой в восторге от своей сообразительности. И, приехав, сейчас же похвастался матери. А та всполошилась:

— Зачем укрывал, кто просил? Какие вороны и орлы на ночь глядя? Волки же самые чуткие и осторожные звери, а ты оставил запах дома и человека. Теперь они могут и не тронуть приваду. Эх, горе-охотник!

На грех пришел Александр. Услышал разговор, снисходительно усмехнулся и съязвил:

— Ну, ты и простофиля. А еще взялся травить!

Юрий покраснел. Что делать? Что скажет отец? Возвращаться было поздно, дни стояли короткие, вот-вот начнет темнеть. Оставалось ждать утра.

Он не спал всю ночь, чуть свет растолкал брата. Запрягли коня, забрались в кошевку, и Юра энергично погнал лошадку. Через час они уже подъезжали к злополучному месту. Братья глазели по сторонам и тихо

переругивались.

— Ну что? Я говорил — не придут. Нигде ничего.

— Посмотрим еще, — Юрий крепился, но уже терял последнюю надежду. «Приходили или нет? Или побывали, но не тронули из-за этой дурацкой рогожки? Действительно, какие вороны под вечер? Эх, засмеют теперь дома. Но главное — папа...»

Он с тоской смотрел по сторонам. И, не доезжая нескольких шагов, вдруг увидел: козла на месте нет, рогожу в стороне треплет ветер.

— Тпру-у! — Конь встал, они выскочили из саней и осмотрелись. Кругом пятна, клочья шерсти, все истоптано похожими на собачьи лапами. Ясно, вся стая пищала здесь до тех пор, пока не осталось ни крошки мяса. Растворены все кости. Хорошо заметны следы драки. Но — все ушли! Юрий снова похолодел: «Наверное что-то сделал не так. Вероятно, слишком много всыпал стихина! Или мало?» К горлу подкатил комок.

В растерянности он еще и еще раз озирался вокруг, и — как будто в грудь влилось что-то горячее: в нескольких шагах в глаза бросился большой рыжий ком...

— Шурка, смотри! Вот он, красный волк! Попался, попался, проклятый невидимка!

Конь захрапел и шарахнулся в сторону... Трясущимися руками привязали его к дереву и подбежали к редкому трофею. Опустились на колени в снег, трогали, гладили и рассматривали зверя. Он был похож, на очень крупную лайку. Палево-рыжий, с круглой, головой и на редкость пушистым хвостом. Братья, как зачарованные, ерошили красивый нежный мех.

Юрий был счастлив, но не мог отказать себе в удовольствии в свою очередь зацепить брата:

— Ну, что, помешала рогожа, а?

Но Александр как будто не слышал. Он первым пришел в себя.

— Стой! Раз тут остался один, стало быть, могли отравиться и еще. Надо проследить стаю насколько возможно.

Препирательства и колкости были забыты. Они забросили волка в сани и теперь один шагал впереди по следам, а второй потихоньку трусил в санях сзади.

Волки шли странно. Не гурьбой и не дружной рысью, как обычно, а вразброс. Некоторые несусрочно петляли, заметно волочили ноги, шарахались, ложились и катились, но вставали и шли дальше. Многих тошило. И вдруг, через сотню шагов, мальчики заметили впереди чуть припорощенный снегом круглый холмик. Ветер играл на его поверхности сверкающими на солнце шерстинками. Они бросились вперед: есть еще один ири!

Потом третий. Окрыленные такой неслыханной удачей, братья почти бежали по следам несколько верст и погрузили в сани целых восемь волков! Остальные, по-видимому, едва унесли ноги. Они пересекли по льду Лебяжью лагуну и взяли направление на сипевшие вдали горы. Вероятно, как решили юноши, волки удирают домой в Маньчжурию.

После полудня надвинулись тучи, начал сыпать снег, заметая следы. Больше ничего не попадалось, было похоже, что оставшиеся в живых совсем оправились: видимо, им досталось меньше отравленного мяса. Ребята остановились и решили возвращаться. Аккуратно, один к одному, уложили восемь рыжих пушистых зверей, взобрались в санки и уселись сверху поудобнее.

Уже в сумерках они прикатили во двор усадьбы.

Волков втащили в кухню и разложили на полу. Полюбоваться на них при свете сильной керосиновой лампы сбежались Платон, Антипов, конюх Митюков, пастухи-корейцы. Обе сестры, Ян и Сергей. Мать внесла и посадила верхом на волка маленького темноглазого Павлика.

Девочки гладили блестящий мех и прикладывались к нему щекой. Мальчишки опасливо дергали хищников за уши и хвосты. Митюков, как обычно, успел к вечеру хватить разведенного спирта: нос красный, светлые глазки сверкают, сивая бороденка взъерошена. В таких случаях он бывал особенно разговорчив. И сейчас, сидя на табурете, слегка заплетающимся языком поучал:

— Доигрались, заразы. Сколько ночей людям спать не давали, сколько наших олешек зазря погубили. Вот, туды вам и дорога...

В эти минуты пунцовье, счастливые охотники за обе щеки уплетали мясную похлебку из косулятины, наперебой рассказывая сидевшему рядом дядьке Платону подробности сегодняшнего дня.

Когда кончили ужинать, Ольга Лукинична распорядилась:

— Ну, мужики, тащите теперь волков в кладовку на холод. Здесь оставлять нельзя, жарко. Да и не дай бог, слюна оттает, потечет на пол. Это же стрихнин, не шутки. Вы, Нюта и Лиза, приготовьте теплой воды. Как вынесут, помойте аккуратненько. — Она улыбнулась: — Вот папа-то приедет — обрадуется!

Он прибыл через день и, конечно, просиял. Очень подробно расспросил сыновей, похвалил, потрепал по плечам. А жене наедине сказал:

— Молодцы ребята, не подвели. Как камень с души свалился!

Потом, при участии детей и помощников, аккуратно снял шкуры, отпрепарировал черепа и два лучших скелета. Очень редкие по тем временам четыре шкуры и черепа были отправлены в адрес Российской Академии Наук. По одному комплекту пожертвовано во Владивосток, Хабаровск и Иркутск, — обществам изучения Приамурского края. А одна рыжая голова, как живая, много лет смотрела со стены рабочего кабинета Нэнуни-Четырехглазого.

Альпинусы надолго оставили Сидеми в покое, пятнистые олени уцелели для потомков.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Ярким мартовским утром по сверкающему льду Лебяжьей лагуны тянулся конный обоз. На переднем везу сидел Михаил Иванович с Яном, за ними — его шурин Семен Лукич с Александром, следом — Платон о Юрием. Дальше Митюков и Андрей Агранат с помощниками. Все сани были загружены тую набитыми мешками с необмолоченным ячменем и чумизой.

Не доехая с полверсты до западного, густо поросшего камышом берега, где когда-то тигр задавил Желну, Михаил Иванович остановил копя и дал подтянуться остальным.

— Ну вот, отсюда и начнем. Кто в первый раз, знайте: будем рассыпать зерно неширокой, в аршин-полтора полосой, с интервалами в несколько сажен. Семен Лукич, ты с Шуркой держись слева от нас, Платон с Юрием за вами, и дальше, как ехали. Ориентируйтесь на меня. Пойдем широкими кругами, нужно захватить площадь побольше. Ваня, развязывай мешок и, как я трону,сыпь позади саней помаленьку, — родители, да и все домашние часто называли Яна — Иваном, Ваней. — Ну, поехали...

Теперь сани двигались параллельно друг другу, а помощники, стоя на запятках, опустошали на лед мешок за мешком.

Маленький Ваня тронул отца за плечо.

— Папа, а зачем мы сыплем зерно полосами, а не кучкой?

— Ты же знаешь, что мы его оставляем для перелетных птиц. Скоро они начнут подлетать с юга и садиться здесь на отдых. Найдут корм и примутся есть. И если его свалить кучами, сильные не подпустят слабых. Гуси и лебеди поедят, а уткам не достанется. Да и среди них есть большие и маленькие.

— А если полосками?

— Тогда всем хватит. Ведь эти полосы протянутся на много верст и на каждом шагу сможет разместиться несколько десятков птиц. Пусть они даже толкаются и скандалят, все равно большинство сумеет наесться вволю. Хотя без драк и обид, конечно, не обойтись. Понял теперь? Тогда рассыпай аккуратно, не торопясь...

К обеду весь запас зерна лежал длинными полосами и петлями на потемневшем, уже ноздреватом льду лагуны. Все съехались на мысок, расправили коней, развели на песчаном берегу костер, повесили чайник. Вытряхнули и свернули мешки, бросили лошадям сена, задали овса. Все расселись вокруг огня: кто на кочке, кто на выброшенном во время высокой воды плавнике. Уже пахло весной.

— Не пожалели вы ноне для путешественников ячменя да чумизы, Михаил Иванович. Прошлые-то годы столько не жаловали, — миролюбиво ворчал Платон, поправляя палкой жар под закипающим чайником. Он не увлекался охотой на птицу и во время перелета замещал дома всех охотников. Такой расход зерна считал блажью, неразумным расточительством. Михаил Иванович улыбнулся.

— Не жалей, брат. Мы же этот корм сами вырастили, а качество его здесь, у моря, сам знаешь какое. Только птицу и кормить. Зато этой весной задержим ее не на неделю, как в прошлые годы, а дольше. Эти полета кулей привяжут многих до конца перелета, а часть, смотришь, вообще гнездиться осядет. Осеню будут свои выводки. Разве плохо?

— Правильно, Михаил Иванович, а уж охота нынче должна быть первый сорт! — Страстный охотник Семен Лукич взъерошил соломенную бородку и с удовольствием потер руки: — Вон, по всему Забайкалью и не кормят, а возами бьют. Так ежели мы сотни тысяч приголубим да накормим, так и пострелять всласть не грех.

— Я тоже считаю — игра стоит свеч. И не смотрю — выгодно, невыгодно. Нужно создавать и сохранять, тогда всем хватит. Только придется кому-то здесь подежурить до открытия охоты. А то любители легкой наживы проведают, что мы прикармливаем, обязательно явятся на готовое, разгонят, оставят нас в дураках.

Андрей уже служил в казачьих войсках и лишь недавно приехал домой на побывку. Он вдруг поднялся от костра и вытянулся по-военному:

— Разрешите, Михаил Иванович, взять охрану на себя. Работы вы мне никакой не даете, велите отдохнуть, а бездельничать надоело.

— Что ж, Андрей, спасибо. Давай, помоги нам поддерживать тут порядок. Поставим тебе в камышах маленькую палатку, закрепим коня. Отпугивай, а нужно — бей орланов, ястребов, ворон. И, конечно, выпроваживай чужих охотников, если сунутся. Когда надоест, скажи, заменю.

Агранат сильнее прищурил поврежденный в детстве самострелом глаз.

— Это мне-то весной на озере надоест? Да никогда!

— Вот и отлично. Пока тут делать особенно нечего, разве что ворон да сорок от зерна отгонять. Думаю, раньше, чем через две недели первых гостей ждать не придется, но присматривать нужно.

У Михаила Ивановича везде был свой, особый порядок. Например, если по всей России открытием осенней охоты считался день Петра и Павла — 29 июня по старому стилю, то на Сидеми она открывалась на два месяца позднее, с первого сентября. Никто не смел выстрелить в подлетыша утенка или гусенка, тронуть линного гуся, неокрепшего фазана или сосущего мать дикого козленка. Эти ненаписанные законы соблюдались неукоснительно, нарушителей лишали оружия. Помимо этого, Янковский уже двадцать лет вел фенологические наблюдения и редко ошибался в своих прогнозах.

Так случилось и в этот раз. После разговора у костра шла вторая неделя, когда к ужину внезапно явился сияющий Андрей. И только увидев его, все поняли, что началось...

— Как в воду смотрели, Михаил Иванович! Вчера всего несколько табунков лебедей прошло, а сегодня с обеда — как где пробку вырвало: и лебедь, и гусь, а следом и утка. И, видать, старые вожаки помнят нашу лебяжью лагуну: с ходу, со свистом, с криком, — как домой, прямо на лед, на наше зерно. К вечеру насело — что гр-р-рязи! Так, вдоль полос, и рассаживаются. А лебеди меж гусями и утками словно снежные комья перекатываются. К-р-расота! Все орут, как на базаре, а мне — словно соболем по душе!

Михаил Иванович, Семен Лукич и мальчики слушали Андрея с горящими глазами. Весенний перелет начался! Самый яркий, любимый праздник мужской половины семьи Янковских. Ради него откладывали в сторону самые неотложные дела. Ведь главный вал катится всего несколько дней. Впрочем, к нему заранее подгоняли работу так, чтобы провести эти дни у озера со спокойной душой.

— Добро, Андрей. Завтра лети туда с утра. Если дело так пойдет, послезавтра и мы подскочим на место.

— Можно бы и завтра, Михаил Иваныч, у нас вроде бы все наготове, — осклабился шурин. Ребята рьяно поддержали дядю:

— Папа, дядя Сеня верно говорит, мы с ним все уложили!

— Я знаю, вы рады бы и ночью поехать. — Да только рановато. Птице надо дать передохнуть, обжиться, наесться как следует. Через день-другой, когда пообвыкнет, ее и палкой не выгонишь. Так что наметим выезд на послезавтра. Как, Оля, сухарей насушила достаточно?

— Хватит вам и сухарей, и крупы, и чаю. А мяса и рыбы сами добудете. Там сейчас карася и

краснoperки — пруд пруди. А кадки, соль и жир у меня в порядке. Посылайте, справимся. Только худых, чур, не стрелять.

— Слыкали, ребята? Сначала, значит, мама велит пощупать, а тогда уж бить. Не забудьте!

Но Ольга Лукинична шутила и не шутила. С помощью дочек и жен гостей-охотников они каждую весну набивали пухом немало подушек, и, подсолив, заливали свиным жиром несколько бочонков отборной дичи, в основном гусей и кряковых уток. На лебедя в те годы запрета не существовало, и он, целиком запеченный в русской печи, обязательно украшал пасхальный стол.

Множество по всем правилам снятых для чучел шкурок перелетных птиц расходилось по музеям России и Европы, а бочонки с консервированными тушками закатывали в погреб. Сложенный из дикого камня, обложенный дерном и увитый диким виноградом, этот ледник высился неподалеку от западного угла дома, сохраняя запасы от зимы до зимы.

Вечером следующего дня все с нетерпением посматривали на окна — не едет ли Агранат. Но приехал он поздно.

— Ну, навоевался я сёдни, Михаил Иваныч! — за годы службы в казачьих частях Андрей на всю жизнь обрел забайкальский говорок.

— Это с кем же воевал-то, с орлами, что ли?

— И с орлами, будь они неладны... Скопы, белохвостые, так и кр-р-ружат, так и навор-рачивают! Не стерпел, стрелил я по им из берданы, разогнал малость. И только все успокоилось, а тут как раз охотнички...

— Кто же это, откуда?

— Да славянские чиновники с почты и телеграфа: на телеге цельная компания явилась. Подъехали и галдят: «Вот это да! Смотрите, что делается. Вот это будет охота!» А я подхожу, беру бердану наизготовку и командую: «А ну, марш отседов. Заворачивайте оглобли, господа хорошие!» Мол, по указанию его превосходительства господина военного губернатора никто тута живность не только стрелять, но и пугать не имеет права. Так что ближе как за десять верст и не вставайте. А не то спущу сейчас нашего штабного голубя: с Барабаша взвод драгун мигом прискакет и заберет всех вас, голубчиков. Тогда и ружья ваши поминай как звали. Наврал, значит, три короба!

— А они что?

— Покорнейше, говорят, просим извинить. Так что не знали... Я книжечку и карандаш вынаю, — как, мол, ваши фамилии? А они на телегу, да ходу, какие там фамилии. С перепугу позабывали, поди.

— Ну и Андрей. Быть тебе начальником охраны. Как отслужишь, поставлю тебя старшим егерем, даю слово!

Ольга Лукинична потрепала его по плечу.

— Молодец, Андрюша, умывайся, садись скорее ужинать...

Через два дня на противоположной стороне Лебяжьей лагуны, неподалеку от протоки и речки Змейка, Платон выгрузил пожитки и высадил охотников. Помог поставить большую суконную палатку с печкой и, пожелав удачи, поворотил домой.

В этот день с моря приполз густой весенний туман. Было тихо, туман без движения завис над степью и озером. С западного конца лагуны смутно доносился разноголосый гомон, изредка со свистом где-то проносились утки, но дальше полета шагов ничего не было видно. Об охоте пока не могло быть и речи.

В старом ольховнике по берегу протоки приезжие заготовили дров, нарезали вороха саженного

камыша. Часть его внесли в палатку, устроили постели. Часть в снопах сложили у входа, вместо скамеек, Михаил Иванович осмотрелся.

— Я здесь наведу порядок, а ты, Семен, возьми ребят, сходите на протоку. Охоты до вечера не предвидится, хоть карасей на уху наловите.

Семен Лукич, Александр и Юрий зарядили свои шомполки, окликнули пса и отправились. Они решили, что рыбачить с другой стороны протоки удобнее, и побрали туда, где с берега на берег было переброшено толстое бревно. Серая от времени лесина была гладкой, но прочной. Семен Лукич ступил на нее первым. Сделал несколько уверенных шагов и вдруг остановился, прислушался. Братья затихли и внезапно услышали свист крыльев, в тумане показались силуэты летящих вдоль протоки крохалей.

Большой крохаль — противная, с загнутым зубчатым клювом утка. Она сильно отдает рыбой, и уважающий себя охотник ее не бьет. Но то была первая в этом сезоне дичь, всех бросило в жар: мальчишки сняли с плеч ружья, присели и подготовились. Но дядя их опередил, ружье у него было в руке.

Крохали летели ровно, часто махая как бы негнущимися короткими крыльями-лопatkами. Семен Лукич пошире расставил ноги и вскинул шомполку. По мере приближения уток все выше поднимал ружье, перегибаясь в пояснице, и выстрелил. Один черноголовый хохлатый селезень отделился от стайки и камнем закувыркался вниз. Но неудобная поза и сильный толчок непомерно тяжелого заряда сделали свое дело: в воду полетели двое — крохаль и Семен Лукич! Крохаль подпрыгнул и закрутился на поверхности протоки, показав светлое пузо, а грузный Семен Лукич, подняв тучу брызг, скрылся с головой.

Но ружья из рук не выпустил. Вынырнул и, отфыркиваясь, полез на берег. А тем временем фуражку и крохала медленно относило течением...

Умный сеттер быстро выловил то и другое, и все от правились обратно. Борода Семена Лукича походила на мочалку, усы обвисли, куртка и штаны облепили тело. Выглядел он — смешнее некуда. Братья в душе недолюбливали дядю, очень любившего покомандовать ими в отсутствие отца. Они были в восторге от его купания, хотя всеми силами старались не выдать свое злорадство.

А Михаил Иванович еще издали понял, в чем дело.

— Что, крохаль смутил? Уже и порыбачила! Иди, Семен, в палатку, не стынь понапрасну.

Он строго посмотрел на красных от натуги, пытавшихся сдержаться от смеха сыновей, но сам не выдержал и отвернулся. Однако нужно было как-то разрядить обстановку, и он распорядился:

— Принимайтесь за дело. Ты, Шурка, берись за ремонт чучел-манков. Смотри, как они выцвели и облезли — совсем потеряли вид, такие никого не обманут! Вот тут кисти и баночки с красками. А ты, Юрий, займись новыми обутками, которые сшила мать. Возьми в углу палатки бутыль с кунжутным маслом и смажь как следует особенно в швах.

Отец вытащил из мешка четыре пары длинных, сшитых из плотной бязи и уже пропитанных на первый раз чулок, отлично заменивших на сезон болотные сапоги.

Семен Лукич, покряхтывая, пролез в низкую дверь палатки, разделся, отжал и развесил мокрые вещи на веревке, протянутой под коньком, вдоль матки. Сухие ольховые дрова уже заставили порозоветь железную печурку, она уютно потрескивала. Из трубы над палаткой чуть заметно вился прозрачный колеблющийся дымок.

Оставшиеся у входа охотники расположились на туго связанных снопах золотистого камыша. Каждый сосредоточенно занимался своим делом. Туман стоял неподвижно, но все то и дело с надеждой посматривали на небо. Откуда-то издалека непередаваемо волнующе тянуло оттаивающим болотом, весенней гарью. Михаил Иванович оторвался от тетради, в которую записывал наблюдения.

— Нынче у нас большой заказ на лебедей. Главный орнитолог варшавского музея профессор Тачановский во что бы то ни стало просит добыть для них еще и самого красивого, самого крупного лебедя-шипуна, да еще самца, цигнус олор. Он думает, это так просто, а олор — редкий подвид. Вот добудь. Задал мне задачу...

В этот момент все сразу насторожились: ухо уловило приближающийся знакомый свист-шорох крыльев. В этой семье существовал еще один неписанный закон: на охоте ружье всегда должно лежать под рукой, так, чтобы в любой момент его можно схватить без лишних движений, без суеты, — отец следил за этим строго. И сейчас все, не поворачивая головы, не двигаясь с места потянулись каждый за своим дробовиком.

А через несколько секунд в тумане обозначился темный силуэт большой птицы, летящей прямо на палатку. Какой-то опытный вожак, уловив своим безошибочным барометром приближение ясной погоды, низко облетал окрестности. Охотники замерли. Ближе, ближе, и вот птица уже почти над головой...

Все выстрелы слились в один. Птица дрогнула, «сломалась» в воздухе, обратившись в комок, и гулко шлепнулась среди кочек в двадцати шагах от стрелков.

На шум пальбы из палатки с ружьем в руке нагишом выскочил взъерошенный Семен Лукич. Но было поздно, братья уже наперегонки бежали к сбитому лебедю.

— Мой, — на ходу выдохнул Шура, — здорово я его, а?

— С какой стати твой? — Я-то стрелял, а твоего выстрела и не слышал! — Юрий первым поднял птицу, оказавшуюся одного с ним роста. Некоторое время они с восторгом молча рассматривали необыкновенный экземпляр: белоснежный, длинношеий, с большой оранжевой шишкой на черном клюве. И Юрия осенило:

— Стой, а как же папа? Видно, все три выстрела совсем слились. И, ясно, это он сбил с первого выстрела, куда нам!

Они сконфуженно посмотрели друг на друга: ну, конечно, отец, — как только сразу не сообразили?

Мальчики поднесли великолепный трофей к палатке и опустили к ногам отца. Михаил Иванович внимательно осмотрел ослепительно белую птицу, погладил, прикинул на вес.

— Отличный экземпляр. Полагаю, более тридцати фунтов, потом уточним. Понимаете, ребята, это же как раз тот самый цигнус олор, о котором я только что толковал и который нам так нужен. Поздравляю! И хорошо, что прекратили спор. — Он улыбнулся в бороду: — Но лебедь-то ваш, ребята. Смотрите!

Отец переломил свою, единственную в семье двустволку центрального боя, и показал сыновьям пустые патронники. Произошел редчайший случай: всегда готовое к бою ружье Нэнуни-Четырехглазого на этот раз оказалось незаряженным...

Тем временем туман действительно начал рассеиваться. Легкий западный ветер донес с дальнего конца озера звуки птичьего концерта, от которых так тревожно бьется сердце охотника. С чем еще может он сравнить эту музыку?

— Юрка, принеси из палатки бинокль: влезем на ту старую ольху и понаблюдаем, — Михаил Иванович убрал свой дневник.

Охотники взобрались на темно-серое суковатое дерево. Отсюда открывался весь западный берег лагуны и лед, на котором был рассыпан корм. В бинокль хорошо видно, как большие и маленькие, серые, черные, белые и пестрые комочки суетливо перекатываются с места на место, толкаются, подпрыгивают, пропискиваясь к зерну. Временами часть птиц взлетала и, сделав круг, садилась снова.

А в небе на юго-западе появлялись новые стаи уток, гусей и лебедей. Они издали подавали голос и крутыми виражами смело шли на посадку, с ходу присоединяясь к жиравшим.

И вдруг — словно эхо дальнего взрыва! Это вся масса одновременно взмыла в небо, на минуту совсем затмив закатное солнце!

— Что такое, папа, что случилось? — спросил Юрий.

— Орланы проклятые напугали. Хотят напасть, поживиться. Эх, догадался бы Андрей пальнуть. Ведь при таком адском гаме его выстрел никто не услышит...

И в этот миг на краю озера взметнулся сизый дымок. Пролетавший мимо орлан скособочился, рухнул на лед, трепыхнулся и затих. Остальные отпрянули и кругами поплыли в степь. Гуси, лебеди и прочая мелочь опять опустились на лед, порядок восстановился.

— Ну, Андрей — молодчина! Знает свое дело, — похвалил Аграната Михаил Иванович, отдал сыновьям бинокль и направился к палатке. Мальчики продолжали сидеть на дереве, как вдруг увидели косяк гусей, тянувших в сторону табора. Отец их тоже заметил и присел у кромки камышей. Ружье было у него в руках. Он сказал негромко, но так, чтобы было слышно в палатке:

— Семен, гуси, приготовься. Как выстрелю, выбегай, успеешь...

Гуси надвигались, ровно, спокойно. Замаскированную камышами неподвижную палатку не заметили. Загадели и начали набирать высоту только тогда, когда Михаил Иванович вскочил на ноги. С промежутком в две-три секунды хлопнул дуплет, и два гуменника, словно оглушенные невидимой плеткой, камнем бухнулись в осоку, издав при падении последнее «гак».

Не опоздал и Семен Лукич. Все еще босой, но уже в подсохших после купания подштанниках, он ящерицей выкатился из палатки и успел-таки, снял третьего гуся. И теперь, задрав вверх светлую бороденку, торжествующе посматривал на племянников, прозевавших первых гусей.

А еще через день Платон доставил прибывших из Владивостока избранных друзей-охотников и отвез Ольге Лукиничне первую партию дичи.

БАБОЧКИ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Отшумел перелет, ушли на север отдохнувшие, отъевшиеся стаи, оставив гнездиться по берегам Лебяжьей лагуны тысячи пар лебедей и гусей, журавлей и цапель, уток и куликов.

На Сидеми отсеялись, посадили овощи. Нежно-розовыми облачками отцветали на склонах гор дикие абрикосы и яблони, а у входа в огород белым кружевом — черемуха.

Стояло тихое теплое утро, и хозяин с удовольствием возился в своем любимом саду у подножия Просеки. За пятнадцать лет перенесенные с сопок и привитые им деревца заметно подросли и в погожее лето приносили урожай красной вишни, небольших янтарных абрикосов и пятнистых зелено-розовых груш. Несмотря на малую отдачу, Михаил Иванович очень любил свой сад, работая в нем, отдыхал. Одет был по-рабочему: без фуражки, в линялой рубашке и старых брюках, заправленных в поношенные сапоги.

За эти годы он утратил юношескую гибкость, поредела шевелюра, в бороде прибавилось серебряных нитей. Но он оставался таким же проворным, так же тверда была рука и зорок глаз.

Михаил Иванович услышал легкие быстрые шаги и обернулся. Перед ним, едва переводя дух, стояла голубоглазая, с растрепавшимися пепельными волосами, порозовевшая от быстрого бега Лиза.

«Смотри-ка, совсем уже невеста: как незаметно они растут!» — подумалось вдруг.

— Папа, идите скорее домой, там вас ждет какой-то курьер с важным письмом! Мама сказала, он очень торопится.

В самом деле, фельдъегерь доставил на его имя необычное, украшенное вензелем царствующего дома, письмо.

Янковский расписался в ведомости, сорвал печать, вскрыл конверт. Покачал головой, окликнул жену.

— Поди-ка сюда, Оля. Смотри — вот не было печали — от самого президента Русского Императорского Географического общества! Великий князь Николай Михайлович просит собрать возможно полную коллекцию бабочек Северной Кореи. Наслышен, мол, обо мне от своего вице-президента Семенова-Тян-Шанского. Тот сейчас работает над «Историей полувековой деятельности ИРГО», где упоминает о Дыбовском и обо мне. Президент преподнес мне комплимент и, вероятно, думает, что осчастливили своим вниманием, черт побери. Но что же предпринять? Отказывать-то все-таки невежливо, да и неудобно.

— Но ведь на это время нужно! Думают, мы сидим сложа руки. А теперь, на вон, еще и в Корею! Не ближний свет, да и чужая все ж таки сторона.

— Не так уж далеко, конечно. А теперь еще и пароходы купца Шевелева пошли в Китай и Японию с заходом в корейские порты. И отношения у нас с корейцами хорошие. Но, чтобы собрать солидную коллекцию, нужно затратить по-меньшей мере два летних месяца. Июнь и июль.

— В том-то и дело. А нынче вам и без того столько работы.

— Слушай, а что если отправить старших ребят? Не маленькие уже и практики у них достаточно. Лизе и Нютке поручим метеостанцию и ферму, а с бабочками дома смогут помогать Ян и Сергей.

Через несколько минут Александр и Юрий стояли перед отцом. Съездить в чужую страну показалось им, разумеется, весьма заманчивым. Дальше Сахалина, куда их посыпали за насекомыми прошлым летом, юноши еще не бывали. Поэтому оба в один голос задали единственный вопрос:

— Когда собираться, папа?

— Тянуть нечего, сезон на носу. Поедете в Вонсан, это очень интересное место. Лежит на сороковой параллели, флора и фауна удивительно богаты. Нужно только подготовиться как следует.

— А ружье и собаку взять можно?

— Для охоты не время, но одну бердану и пачку патронов возьмите. И Барсика своего, Юра, тоже можешь взять. В палатке он будет самым надежным сторожем.

Юрий окрестил своего первого пса тоже Барсом, в память об отцовском, том, что навсегда остался сторожить Аскольд.

— Так, Шура, бери бумагу. Составим список всех необходимых вещей, приступите к сборам. А я завтра же съезжу во Владивосток, переговорю с Михаилом Григорьевичем Шевелевым, попрошу доставить вас в Корею на одном из его пароходов.

На следующий день, высадившись с попутной шхуны в гавани Золотой Рог, Михаил Иванович поднимался к одному из первых во Владивостоке трехэтажных каменных домов пароходовладельца, купца первой гильдии Шевелева. Слуга распахнул перед посетителем дверь в кабинет, из-за письменного стола навстречу поднялся некрупный полный человек с округлым лицом, редкой бурятской бородкой и свисающими небольшими усами.

Хозяин быстро прошел навстречу, взял гостя за обе руки и подвел к креслу. Приветливо улыбнулся.

— Как хорошо, что нашли время заглянуть ко мне. Сколько лет знакомы, а видимся все больше на собраниях да заседаниях, никак не удавалось поговорить по душам. И сегодня, наверное, не без дела навестили Шевелева?

Янковский изложил свою просьбу, рассказал о письме президента. Михаил Григорьевич ответил дружелюбно, не раздумывая:

— Доставим ваших сынов со всем снаряжением туда и обратно. Сейчас посмотрим расписание, когда ближайший рейс, и наметим день. Сейчас закажу чаю.

Через минуту слуга вошел в кабинет, неся на огромном лакированном подносе фарфоровые китайские чашки с парящим, издающим необыкновенный аромат чаем.

Оглянувшись по сторонам, гость увидел, что все полки и стеллажи кабинета почти сплошь уставлены китайскими книгами.

— Слышал, что вы непревзойденный знаток китайского, но не представлял себе такого количества восточных книг!

— Да, их здесь более тысячи томов. И энциклопедия, и справочники, и классика. Это моя слабость. Много читаю ночами, вошло в привычку.

— Знаете, Михаил Григорьевич, меня всегда интересовало, как вам удалось в совершенстве овладеть одним из сложнейших языков мира — китайским? Только все не было случая расспросить.

— Вы, надеюсь, сегодня не торопитесь?

— Нет, что вы, раз вы помогли так, быстро разрешить главный вопрос, мне спешить некуда, вечер свободный.

— Тогда слушайте. Только для ясности придется начать несколько издалека. Мы, Шевелевы — крамольники: мой дед, Александр в 1798 г. находился под следствием за «оскорбление словом» императора Павла, был закован в ручные и ножные железа. А отец, Григорий Александрович Шевелев, верхнеудинский купец, был образованным и передовым человеком. Агроном и селекционер. В нескольких

верстах от Верхнеудинска имел опытную заемку: держал пасеку, вывел несколько сортов очень урожайной забайкальской пшеницы. До поры до времени был весьма уважаемым и влиятельным человеком, но пострадал за связи с декабристами. На его заемке, как правило, останавливались едущие из России к мужьям в Читу и Нерчинск жены декабристов. В разное время побывали Муравьева, Волконская, Нарышкина, Фонвизина, Розен, Юшневская. Кроме того, он общался с братьями Бестужевыми, Трубецким, Штейнгелем, и — способствовал их тайной переписке с Петербургом.

В конце концов, не без участия доверенного лица, оказавшегося провокатором, все стало известно жандармерии. И генерал-губернатор Восточной Сибири получил указание главного начальника Третьего отдела, самого графа Бенкендорфа — допросить и установить связь купца Шевелева с крамольниками. Отец был привезен в Иркутск и подвергнут тяжелому допросу. Он не выдал связей, его не судили, но власти постарались сорвать все казенные подряды и разорить. К середине тридцатых годов он потерял все, поэтому продал. Пожертвовал свой каменный дом в Верхнеудинске городской школе, а сам с семьей переселился в Кяхту, где на последние средства приобрел несколько лошадей и занялся ямщицким извозом. Онду тройку гонял сам.

— Купец стал ямщиком?

— Да. И вот, в начале пятидесятых стряслась беда. Сумасшедшие забайкальские кони разнесли тарантас, опрокинули, и отец убилася насмерть. Мать осталась совсем без средств, а детей шестеро, мал мала меньше. Я в тринадцать лет закончил церковно-приходскую, и поступил в школу переводчиков китайского языка. Отправился с чайным караваном из Кяхты в Пекин, где и закончил ее при Пекинской духовной миссии. Переbralся в Ханькоу, устроился в чайную фирму купца Токмакова. Сначала приказчиком. Постепенно набрался опыта, стал специалистом и даже главным дегустатором.

— А верно, что вы знаете чуть ли не десять тысяч иероглифов?

— Сосчитать не пытался, но несколько тысяч знаю. Сейчас, мы с китаеведом профессором Поповым работаем над созданием русско-китайского словаря. Он благодарит, пишет, что моей помощью весьма доволен.

— А еще я слышал о вашей успешной миссии в Пекине по вопросу постройки Китайской Восточной железной дороги. Раньше урегулировать этот вопрос никак не удавалось.

— Тут, конечно, помогло знание языка и обычая, соблюдение этикета. На востоке это очень важно. И я, очевидно, сумел доказать, что дорога принесет пользу нам и им. Кроме того, еще повезло: наместник императора Ли Хун-Чжан оказался старым знакомым. Нам с ним легче было договориться.

— И как же вас отблагодарило наше правительство? Это немного забавная история. Предложили было дворянство, а я сказал, что честный купец не хуже дворянина. Отказался. Тогда дали звание коммерции советника, отвели надел на берегу Уссурийского залива, в бухте Кангоуза. Место красивое, буду строить там дачу, хочу перевезти и поставить японские домики.

Шевелев снова позвонил, велел подать свежего горячего чаю.

— Все собираюсь осмотреть ваше хозяйство, Михаил Иванович, лошадей, оленей. Трудно, вероятно, было начинать: хунхузы, тигры. И отдача не скоро. Деньги, верно, вбили немалые?

— Все до копейки. И знаете, я как-то прикинул, что если бы занялся, как многие деловые люди, покупкой участков и постройкой домов во Владивостоке, — да-авно был бы миллионером. Но, верите, ничуть не жалею об этом. Ведь не было бы тогда в Уссурийском крае питомника местной породы лошадей. Это достижение для меня дороже всех миллионов! А деньги для начала скопил за время работы на Аскольде. Кстати, как вам удалось сколотить на службе в Китае такой капитал, чтобы организовать здесь

пароходство?

— Э, нет, батенька, где там. Когда уже в тридцать лет вернулся в Кяхту, влюбился в купеческую дочку Александру Дмитриевну Синицыну. Знал, что есть брат, продолжатель дела, и на материальные выгоды вовсе не рассчитывал. Но когда Аля и тетка-опекунша дали согласие — родители к тому времени уже умерли — вдруг узнал, что за Александрой триста тысяч приданого! Это, даю слово, оказалось для меня полной неожиданностью. Вернулся в Ханькоу. Скоро стало ясно, что обстановка требует завести свой морской транспорт, и мы организовали пароходство «Шевелев, Токмаков и Ко...»

Над Владивостоком опускался теплый весенний вечер. Из окна шевелевского кабинета открывался прекрасный вид на гладь бухты Золотой Рог, на замершие на рейде корабли и окружавшие гавань конические зеленые сопки. А у раскрыто окна сидели два «зубра» Приморского края, пили чай, рассказывали друг другу о своих делах. И не ведали, что через какой-то десяток лет старшая дочь Шевелева Маргарита станет женой Юрия, а крошка Ангелина в шестнадцать лет, в нарушение всех законов, обвенчается в глухой деревушке с Яном Михайловичем Янковским. Что их дети и внуки на долгие годы составят как бы одну большую и дружную семью.

* * *

В июле одним из обратных рейсов шевелевского «Байкала» возвратились «энтомологи». Оборванные, похудевшие, загорелые. Но поездка оказалась удачной.

Около полутора месяцев пробыли они в горах, в сорока верстах от Вонсана. Жили около буддийского монастыря в своей палатке.

— Сначала все было хорошо, бабочек в самом деле много, встречаются отличные от наших подвиды, потом сами увидите, — докладывал отцу Александр. — И мы думали половить еще, особенно ночных, но... — он посмотрел на Юрия, как бы ища его поддержки, — но нас тигр прогнал!

Отец усмехнулся:

— Что, ловить не разрешил? — Он перевел взгляд с одного на другого.

Юрий заерзал на табуретке:

— Нет, папа, серьезно. Мы сразу, как приехали, увидели в сторонке одинокую фанзу с сорванной дверью. Спросили корейцев — в чем дело? А те и говорят... Вот, пусть Шура расскажет!

— Сказали, что перед нашим приездом тигр ночью сорвал дверь и уволок хозяина, а оставшиеся бросили дом и убежали!

— А вы напугались и удрали?

— Да нет. Поставили палатку неподалеку от фанзы старшего монаха и ловили больше месяца, хотя часто встречали на берегу речки на песке тигровые следы. Когда во второй раз наступили темные ночи, установили на поляне возле леса палатку-ловушку. Повесили фонарь, начали ловить ночных. Ночи три ловили спокойно, бабочки шли отличные, а потом...

— Пришел хозяин и пугнул? — Михаил Иванович с улыбкой оглянулся на жену, но та слушала с беспокойством...

— Еще как пугнул. Барсик лежал в траве возле палатки и вдруг заворчал. А после взляял истощно!

Шура рассказывал обстоятельно, экспансивный Юрий не выдержал:

— Ка-ак кинулся нам под ноги и завизжал, словно щенок. А когда затих, мы услышали шорох...

— Так, может, это барсук ночью бегал?

— Нет, папа, наш Барсик, кроме тигра, никого не боится. А тут он, как с ума сошел. И мы поняли, кто к нам подкрадывается в темноте. Я даже зеленые глаза видел: как фонарики!

— Ага. Вот это уже похоже на правду. И что же вы?

— Посоветовались и решили отступать. Шура шел впереди с фонарем над головой, я сзади с берданкой на взводе, а Барсик между нами с поджатым хвостом. Добрались до своей палатки, запустили Барсика внутрь и дежурили со взведенным курком до утра.

— На заре я дежурил, — вмешался Александр. — И вдруг слышу — кто-то идет. Приготовился, но смотрю, Барсик не рычит, значит, знакомый человек. И тут лезет сосед-монах. Доброе утро, говорит, а сам на себя не похож, заикается. Идемте, просит, ко мне в фанзу. Пришли. Смотрим, а тигр и у него во дворе побывал. Вытоптал под окном всю грядку с перцем, поджидал, видно, хозяина. Лежка — будто бык лежал!

— Если бы монах не заметил его на рассвете через стеклышко в двери и вышел бы во двор... — Юрий посмотрел на отца.

Михаил Иванович провел ладонью по бороде и усмехнулся.

— Ясно, что бы с ним произошло.

— Весь серый, руки трясутся. Пойду, говорит, в Вонсан, буду просить, чтобы губернатор вызвал из Сеула команду гвардейцев-охотников. Есть, говорит, у них такие, созданные по указу ихнего короля специально для борьбы с тиграми. А нам сказал: лучше уезжайте. Все равно, мол, «пом» теперь спокойно работать не даст. Он на кого-то рассердился и не успокоится, пока не съест человека. Но поскольку у нас есть бердана, монах попросился дойти до города вместе, потому что ему кажется, — тигр наметил в жертву именно его. Так вместе и выбрались.

— Да, в Корее в горах тигры — большая напасть для крестьян. Мне рассказывал вернувшийся оттуда энтомолог: в селении, где он работал, тигры за один месяц уволокли тринадцать корейцев и кореянок, и почти всех — прямо из дома, спящих.

— Вот и мы решили, что рисковать не стоит. Тем более, что главную задачу выполнили.

Михаил Иванович посмотрел составленную Александром опись.

— Правильно решили. Коллекции посмотрим завтра, но судя по спискам, сборы удачны. Президент будет доволен.

ТИГРИЦА

Незаметно подкрался бодрящий и, как обычно в Приморье, ясный ноябрь. Сопки пожелтели, потом побурели; по ночам стало примораживать, но снег все не выпадал. Основные работы по хозяйству были переделаны, и старшие братья стали проситься на фазанов. Отец разрешил.

— Ладно, езжайте в Адими к Иннокентию Магаю. Если меня не вызовут в город, через пару дней вас догоною.

Корейская деревушка Адими славилась обилием фазанов. На восходе солнца большие выводки планировали с сопок и опускались на пашни. В это время созревший соевый боб едва держится в сухом стручке, и фазан это отлично понимает. Раскрашенный во все цвета радуги петух лихо подбегает к кустикам, с силой бьет по веточкам обоими крыльями — этот треск слышно издалека — и за минуту все бобы на земле. Выводок только успевает их подбирать, а петух уже у соседнего куста. Вот поэтому корейцы осенью с радостью поджидают охотников.

Братья собирались быстро. Свистнули Барсику, запрягли телегу и под вечер остановились у фанзы бывшего старшего пастуха Магая. Иннокентий встретил радушно, повел в комнату, усадил ужинать. Гости, разувшись, опустились на циновку перед маленькими столиками, ели крутую чумизную кашу, закусывали квашеной с красным перцем редькой, подсоленой вяленой рыбой.

Хозяйка внесла мисочки с желтым от жира необыкновенно душистым фазаньим супом.

— Откуда фазаны? Ты что, Иннокентий, ружье купил?

— Нет, это мой старик поймали. Завтра вам надо посмотреть, как корейцы без ружья фазана ловить могут.

Рано утром с крыльца наблюдали старинный корейский способ ловли фазанов. Дед огородил ближайшую бобовую пашню сплетенным из травы и кустиков низеньkim, всего в две четверти, заборчиком. Кое-где оставил проходы, в которых замаскировал сплетенные из конского хвоста петли.

Осенний фазан быстро нагуливает жир, становится тяжелым, летать в гору избегает. Заметив опасность, предпочитает покинуть пашню бегом, а этим как раз я пользуется ловец.

Ждать пришлось недолго. Сверкая золотящимися в утренних лучах крыльями, на пашню с гомоном опустилась стайка фазанов, и тотчас же послышался треск их крыльев-колотушек. А в самый разгар пира на ближней кромке пашни появился дед Магай. Он взмахнул руками и негромко похлопал в ладоши. Фазаны, пригнувшись, отчего стали похожи на каких-то зверьков, опрометью засеменили прочь. Некоторые при подъеме в сопку наскочили на замаскированную в кустах оградку, заметили проходы и с разбегу сунулись в них. Один, второй подпрыгнули в петле, беспомощно затрепыхали крыльями, и довольный дед понес щипать на обед свой улов — ни с чем не сравнимую белую дикую курятину.

Фазанов в окрестностях Адими оказалось столько, что братья часто едва успевали забивать заряды в свои одностольные шомполки. Утром поднимали выводки в бурьянах на кромках пашен, днем — в пойме речки, в зарослях пепельно-розовой русловой ивы — чозении. Сначала горячились и часто мазали, но постепенно приспособились бить в лет. И хотя отец не приехал, за два дня добыли и наморозили мешок птицы. Хотели задержаться еще, но небо внезапно нахмурилось, повалил густой первый снег. Боясь застрять, запрягли телегу и заторопились домой.

Когда въехали на полуостров, дорогу пересек какой-то крупный, но уже сильно запорошенный след. Соскочили и заспорили:

— Тигр!

— Нет, медведь.

— Какой медведь, видишь, шагает цепочкой. Медведь нараскоряку идет, получается — как две цепочки рядом.

Не прекращая спорить, остановили телегу позади дома, у входа на кухню. Дверь отворилась, на пороге мать.

— Чего спорите? Видели след? Ну, так и есть: на заре тигр задавил жеребенка.

— Ага, я говорил!

— Несите мешок в кладовку, развесьте птицу так, чтобы прохватывало ветерком. По ночам мороз, теперь с ними ничего не случится. Да позовите Платона, посоветуемся.

Собрались на кухне, но совещания не состоялось — в отсутствие мужа Ольга Лукинична все вопросы решала сама.

— Отец уехал дня на три, ждать его нечего. Вон сколько лошадей и скота еще в сопках пасется, не сегодня-завтра этот черт снова беды натворит. Утром седлайте коней и гоните его по следу. Убить-то вам вряд ли удастся, так хоть прогоните с полуострова. Платон будет за старшего, при нем я за вас не так буду бояться. Держитесь поближе друг к дружке и глядите в оба. Я уверена, тигр далеко не ушел. Высматривает, поди, кого еще схватить. Ненасытные они, кто их только посыпает на нашу голову?

Едва рассвело, все были на ногах. Ольга Лукинична вручила Платону, длинный винчестер мужа. Второй, короткий, по старшинству захватил Александр. Юрий закинул за плечи свою старую казачью берданку с расколотым и перевязанным шпагатом ложем.

Лошадей каждый выбирал сам. Александр оседлал спокойного мерина Скаакунчика, Юрий — резвого жеребца арабских кровей Саиба. Платон остановил свой выбор на горячем киргизском коне Соколике.

Всадники пересекли соседнюю Озерную падь и очень скоро напали на свежий след тигра. Многолетний опыт не подвел Ольгу Лукиничну — хищник не торопился покидать гостеприимную заимку. Уходя от преследования, начал кружить и хитрить. Озерная падь во многих местах была покрыта такими густыми зарослями молодого дуба, что легко скрывала не только зверя, но и всадника вместе с лошадью. Заметить хищника оказалось чрезвычайно сложно.

Позабыв в азарте все предупреждения, охотники рассыпались было в цепь и быстро потеряли друг друга из вида, как вдруг Юрий увидел скачущего навстречу Платона.

— Юрка, стой! Видел тигру? Вот только что проскочила налево!

Оба поскакали по свежему следу, поднялись на бугор и, ошеломленные, осадили коней. На другой стороне овражка, под молодым дубком, боком к ним стоял оранжево-полосатый с белой грудью тигр! Глядя на людей, он яростно колотил по деревцу хвостом: дубок вздрогивал, доносился шелест сухой листвы.

Юрий прикинул: саженей сорок, можно свалить наверняка. Выбросил ногу из стремени, готовясь спрыгнуть и стрелять. Но Платону показалось, что далековато, и он рявкнул:

— Не стреляй, скачем поближе! — Огрел нагайкой Соколика и нырнул в овраг навстречу тигру. Юрий послал своего Саиба следом за ним. Но море желтых дубняков мгновенно поглотило охотников, и когда они вынырнули, у дубка уже никого не было.

Подъехал Александр и зашипел:

— Чего не стреляли? Ждали, что он вас на три шага подпустит? Эх вы, такой случай упустили! Тигрятники!

Но укорять было поздно, требовалось начинать все сначала. Однако тигр больше не кружил. Он выскоцил на вершину и пустился по сопкам обрывистого южного берега, вдоль скалистых Великаных уступов. Слева сверкало синее, еще не замерзшее море.

После полудня открылась бухта Табунной пади. Лес кончился, и цепочка следов на ослепительно белом снегу стала заметной невооруженным глазом чуть ли не за версту. Судя по ней, стало ясно, что зверь направился в окаймленное кустами ольхи и ивы, замерзшее и занесенное снегом русло речки. Оно змейкой тянулось от моря к горам полуострова.

Охотники съехались и остановились на совет.

Платон прикрыл глаза рукавицей, потом ткнул ею в сторону речки:

— Там она. Мы ее здорово гнали, теперича, верно, спряталась и отдыхает. Смотрите, во-о-на два холма, а речка промеж них пробегает. Я думаю, тигра пока в устье в кустах склонилась, дальше не пошла. Скачите-ка, ребятки, в обхват, справа и слева. Занимайте обе высотки и ждите.

— А ты?..

— Я обожду, покудова вы к ним добежите, а тогда трону потихоньку по следу. Он — от меня, да между вами и объявится...

— Правильно! Шикарный выйдет загон, если только он уже не проскочил холмы, — заметил Юрий.

— Так вы ж там увидите, — есть ли выходной след, нет ли. Коли нет, значит она у нас в мешке. Махнете мне тогда рукой вниз — тута, мол.

Братья поскакали галопом, окружая с обеих сторон прибрежные заросли, и вскоре встретились между холмами. Оба были сильно возбуждены.

— Ну как, не прошел? — У меня нет, я не мог пропустить!

— Я тоже. Значит, спрятался. Давай вон туда!

Юрий заехал на указанный братом холм, разглядел гарцующего вдалеке Платона. Махнул ему условно: «Здесь, не вышел» и, спешившись, привязал к дереву коня. Платон поднял руку: «Понял». Съехал на лед речушки и скрылся в кустах.

Юрий осмотрел берданку, заглянув в ствол, — не набрал ли снега. Нет, все в порядке. Поставил на боевой взвод. Сердце забилось учащенно: «Только бы Шурка не заметил тигра первым, не опередил бы»...

И вдруг услышал в русле речки треск. В серой полосе тальников и ольховников мелькнуло что-то большое, рыжее.

«Он, наконец-то!» Юрий ощупал оттянутую трубку предохранителя, поднял берданку к плечу. «Надо подпустить поближе, поймать его на прогалине...»

Но что это? Парень чуть не выронил ружье. Между деревьями явственно промелькнул рыжий конь... А что у него под брюхом? Показалось — «под животом у лошади болтаются выпущенные внутренности». «Значит, тигр напал на пасущийся где-то возле речки табун...»

Но как только конь выскоцил в редколесье, Юрия сковал ужас: он узнал Соколика! Конь несся с седлом под животом, без седока.

Все смешалось в голове мальчика, но он не потерялся. Вскочил на Саиба и вихрем полетел туда, где минуту назад разыгралась страшная драма. Скакал, а в сознании невольно проносились картины одна

ужаснее другой.

Саиб на полном скаку вынес на излучину речки — вдруг Юрий увидел своего любимого дядьку на ногах!

Белый, как снег, на котором он стоял, бородач отряхивался и продувал винчестер.

— Платон, ты жив?! — голос мальчика оборвался, он спрыгнул с коня и шагнул к нему.

— Жив, Юра, жив. Спас, брат, меня Соколик, — несокрушимый артиллерист говорил каким-то чужим, осевшим голосом. — Проехал я, понимаешь, по следу шагов триста, все спокойно. Шагает, зараза, ровнехонько посередь речки. Кто ее знал, что петлю загнула? Только меновая излучина, а сбоку как взревет! И летит на меня, что молонья. Сообразить ничего не успел, а Соколик как крутанется, да кызык даст ей копытом в лоб! Та аж волчком завертелася... А тут подпруга, видать; от долгой езды ослабла, седло свернулось, — я хлобысть в снег! Ну, думаю, сейчас задавит: ружье-то за спиной. Ан нет, гляжу одним глазом, тигра-то вскочила да в сторону. Стало быть, мозги помутились пуще мово, али струсила...

На месте столкновения снег был вспахан, но в сторонке Юрий заметил и поднял порядочный клок тигровой шерсти с кусочком кожи, срезанной острым шипом задней подковы.

Если б этот удар Соколика пришелся не скользом?!

Подъехал Александр, братья виновато переглянулись. Оба понимали: глупо согласились на загон, дело могло кончиться плохо, но в душе были счастливы, что все обошлось сравнительно безобидно. Пострадал только главный герой дня, Соколик. Тигр как-то успел прокусить и сильно поцарапать скакательные суставы задних ног.

Охоту, разумеется, на сегодня прекратили и поехали домой. Весь вечер обитатели хутора, охотники и мать-командирша обсуждали подробности происшествия. Ольга Лукинична давала распоряжения и указания на завтра:

— Наглушили вы сёдни — больше некуда. Смотрите — устроили облаву, как на козла. Да он же вас сквозь кусты прекрасно видел и понял вашу затею. Ладно, — бог миловал. Завтра езжайте вчетвером, захватите с собой Турунтаева. Может, где придется спешиться, так он будет за коновода. Ты, Платон, подбери ему подходящего коня, а я выдам запасную бердану. Только, чур, больше далеко не разъезжаться, держаться рядом, тогда можно враз пособить в случае чего...

Федоров не торопясь допивал десятый стакан чая, вытирая красным платком мокрый лоб. Он, как всегда, был спокоен и благодушен:

— Ладно, Ольга Лукинична, не беспокойтесь, постараемся завтра охулку на руку не ложить.

— То-то же, а то как бы беда не приключилась. Был бы дома отец, я бы спала спокойно. Ну, ладно, укладывайтесь, подниму всех до света.

Утром Федоров вручил конюху Турунтаеву ружье и выделил рысистого жеребца Золотого. У Соколика за ночь сильно опухли ноги, и Платон заменил его крупным, но довольно ленивым Звездочетом. Братья сели на тех же коней.

В это утро охотники строго выполняли инструкции Михаила Ивановича, о которых напомнила мать: один все время держался следа, двое других ехали в нескольких саженях по сторонам, чтобы в любой момент прийти на помощь, Турунтаев — замыкающим.

Прокружиив по горам два десятка верст, след тигра привел их к болотистому перешейку, соединяющему полуостров с материком. По неуспевшему промерзнуть болоту ехать было мучительно, лошади спотыкались, порой проваливались по брюхо. Строй, конечно, нарушился. Все измучались,

казалось, болоту не будет конца. Но одолели, выбрались на берег речки Рубикон.

Кроша тонкий лед, переехали на противоположный берег и остановились в недоумении. Они полагали, что тигр окончательно покинул полуостров, а он вдруг повернул обратно, только в обход болота. Однако, выбравшись на твердую почву, все забыли о предосторожностях и построились обычной цепочкой. Теперь впереди ехал Платон, за ним Юрий, третьим Александр. Замыкал по-прежнему Турунтаев.

Копи трусили легкой рысцой в саженях двух друг за другом. Далеко впереди над рощей вилась стая ворон, и охотники решили, что тигр прячется там, а пока можно расслабиться. Ружья временно оставили за плечами. И только самый младший, повинувшись отцовскому наказу, стянул через голову старую кавалерийскую берданку, положил ее на луку поперек седла.

Было уже два часа дня, все проголодались и порядочно устали. Ехали молча, тишину нарушал только скрип седел да приглушенный стук копыт.

Внезапно, как при порыве ветра, прошелестели кусты орешника и всех потряс рык, от которого,казалось, посыпались наземь осенние листья: на переднего коня рыжей молнией летела гигантская кошка! Кони, разом загипнотизированные, встали, как вкопанные.

Юрий, как был с берданкой в руках, спрыгнул с Саиба. Платон инстинктивно взмахнул правой рукой с нагайкой — хлестнуть, заставить отскочить своего Звездочета. Но не успел ее опустить. Налетев, тигр привстал на задних, вцепился передними лапами в круп Звездочета, дотянулся зубами до рукавицы с нагайкой, и — сдернул Платона на снег. Через секунду в снегу среди кустов катался бесформенный

рычащий клубок!

В первое мгновение Юрий не рискнул стрелять, пуля могла поразить обоих — зверя и человека. Но вот хищник развернулся, начал пятиться, поволок свою жертву к кромке оврага. Бить! И мальчик почти в упор выстрелил в полосатый бок.

Тигр бросил человека, обернулся, сверкнул глазами и скользнул в овраг. Юрий рванул затвор, гильза со звоном отлетела в снег. Выхватил из подсумка на поясе новый патрон, загнал. И тут же увидел карабкавшегося на противоположный склон раненого зверя. Александр стоял неподалеку, но он привык к бердане и от волнения не сразу нашупал курок винчестера, а потому и промедлил с первым выстрелом. Теперь они прицелились одновременно и выстрелили их слились. Хищник осел и скатился на дно оврага. В это время Платон поднялся на ноги и закричал страшным голосом:

— Стреляйте его, ребятушки, стреляйте!

Братья обернулись и только сейчас увидели своих лошадей. Три оседланных коня, задрав хвосты, мчались в одну сторону, Турунтаев на своем жеребце сломя голову удирал в другую.

С трудом, криками и выстрелами, удалось заставить его вернуться. Вид у конюха был смущенный.

— Как это ты, Турунтаев, бросаешь товарищей в беде? — глухо спросил еще не отдышавшийся Платон. — Спасибо ребятам, а ежели бы все так тикали, от меня уже мокрое место осталось бы, Эх ты.

— Понимаете, братцы, ичики-то, видать, за день намокли да примерзли к стременам. Не могу спешиться, хоть ты что хочешь делай, а конь понес, черт бы его побрал!..

Платон бодрился, но вид его был ужасен. Новая суконная поддевка изодрана в клочья: вата лезла из всех дыр и, разлетаясь, трепетала вокруг на кустах орешника. С ног до головы — он был облеплен окровавленным снегом. Над левой бровью зияла глубокая рваная рана, вторая сильно кровоточила на затылке. Часть великолепной бороды на кусочек кожи висела под подбородком. Из правого рукава струилась кровь, Его рукавицы и винчестер валялись затоптанными в снегу, И тем не менее Федоров держался молодцом, шутил:

— Я ведь ешо когда под ей барахтался, кричал: «Ребятушки, выручайте!» Только вам, поди, не слыхать было...

Перевязав, как умели, раненого усадили на лошадь Турунтаева и отправили домой, а сами побрали следом пешком. Но перед этим все же осмотрели добычу. Убитой оказалась тигрица. А по наблюдениям потомственных охотников-тигрятников давно замечено, что тигрицы чаще, чем тигры, нападают на охотников.

Хозяйка хутора сидела у окна за своей зингеровской машинкой. Она по привычке проворно крутила ручку, но мысли ее были не здесь. Как-то там в лесу? Ведь все трое не опытны для серьезной охоты, а о Турунтаеве и говорить нечего. А Михаила все нет...

И вдруг увидела: во двор влетел жеребец Золотой, и с него почти свалился на землю какой-то мужчина в окровавленных лохмотьях! Она вскочила, но Платон уже стоял на пороге, ободранный и грязный, но сияющий, как именинник. И первыми его словами были:

— Ну, Ольга Лукинична, а тигра мы все ж таки убили!

Она всплеснула руками:

— Господи, твоя воля! Что с тобой наделали?! Лизавета! Ян! Куда все запропастились? Бегите, ищите Митюкова, пусть закладывает легкие санки. Скажите, мать велела срочно везти Платона в госпиталь в Барабаш! Бегом!

Платона кое-как переодели, умыли, перебинтовали, напоили чаем. А через полчаса краснощекий и красноносый, с развевающейся седенькой бородкой Митюков уже погонял коня. Рядом с ним, укутанный в тулуп, сгорбившись сидел богатырь Платон Федоров.

Возвратившись из города, Михаил Иванович, не задерживаясь, поскакал в Барабаш. Вернулся лишь на следующий день, — ночевал у доктора Кановера. Все с трепетом ждали, что он скажет, и, заметив его скучную улыбку, затаили дыхание. Мать первая задала волновавший всех вопрос:

— Ну что, как там Платон?

— Спасибо Абраму Иосифовичу, сумел предотвратить начавшееся было заражение. Раны зашил, с ними в порядке. Но правая кисть сильно покалечена. Боюсь, что обезжать лошадей Платону теперь будет трудно.

— Это не так страшно. А с ним-то с самим разговаривали?

— Как же. Молодчина он: весь в бинтах, кисть в лубке, а смеется, шутит. Благодарил за гостинцы.

Юрий бросил быстрый взгляд на Александра, вобрал побольше воздуха и наконец решился:

— Папа, а он вам все рассказал? — И уставился отцу в глаза.

— Да, все. И вот что я вам скажу. За мальчишество и преступное легкомыслie вас обоих следовало драть как Сидоровых коз. Однако за то, что не растерялись, не сдрейфили, как Турунтаев, и выручили товарища из беды — прощаю вам все грехи. В таких случаях никогда не думайте о своей шкуре!

Братья смущенно потупились, гора свалилась с плеч.

ПЛАТОН УХОДИТ

Весной, после долгой государевой службы в Уссурийском казачьем войске, вернулся на Сидеми Андрей Агранат: в просторных синих шароварах с широкими — в ладонь — желтыми лампасами, в фуражке с околышем того же цвета, горбоносый, загорелый, с черным вы涌现出 чубом, ни дать ни взять — лихой уссурийский казак.

Михаил Иванович и Ольга Лукинична по очереди обняли своего воспитанника. Ведь они приютили Андрея, когда у них еще не было своих детей, кроме Шуры, а осиротевшему мальчику шел всего седьмой год. Теперь Михаил Иванович, как обещал, поставил Аграната старшим по охране полуострова от браконьеров и хищников. И в этой должности Андрею Алексеевичу суждено было прожить на Сидеми дольше всех...

А вскоре вышел из больницы Платон. Вернулся веселый и бодрый, но здоровался левой рукой. Правая была еще на перевязи. Вечером, наслаждаясь домашним чаем, подробно рассказывал, как доктор Кановер зашивал его раны, как спас от заражения, как он и его супруга Вера Ивановна были к нему внимательны.

— Оч-чень даже добрые люди, век их не забуду. Когда выписывал, потрепал меня доктор и говорит: «Богатырь ты, Федоров, а сердце у тебя, как у льва. Другой бы только со страха богу душу отдал». — Это, значит, когда мы с ем, с тигрой, этой, два раз подряд кувыркались. А я ему отвечаю: это, мол, мои ребята меня выручили!

Михаил Иванович строго посмотрел на Платона и укоризненно покачал головой. Он не разрешал хвалить детей в их присутствии.

— Ладно об этом. Они были обязаны выручать. Иначе грош им цена. А я вот все думаю — как отблагодарить доктора за все добрые дела. Ведь от денег он всегда категорически отказывается. Что бы такое для него сделать, как ты думаешь, Оля?

— Мне, кажется, нужно Вере Ивановне хорошего коня подарить. Она так любит верхом кататься. Признавалась мне как-то: всю жизнь мечтает иметь свою лошадь.

— Отличная мысль. Ну, брат Платон, подбирай-ка в табунах красивого, резвого, но ласкового четырехлетка. Вот и пошлем ей на память. А отвести и вручить поручим Андрею.

Доктор уже ушел на службу, Вера Ивановна собиралась на прогулку, когда под окнами раздался стук копыт. Она вышла на крыльцо и увидела красивого верхового казака. Второго коня тот вел в поводу. Казак осадил лошадь и козырнул:

— Скажите, мадам, квартира доктора Кановера здесь будет?

— Да, а что?

— Мне бы его супругу, Вери Ивановну.

— Это я. В чем дело?

— Вот и хорошо. Окликните, пожалуйста, денщика, только сами не уходите, Вера Ивановна вернулась в дом и позвала помогавшего ей по хозяйству драгуна.

— Семен, тут вас какой-то казак с лошадьми требует.

Они вместе вышли на улицу. Агранат спрыгнул на землю.

— Поклон вам от Михаила Ивановича и Ольги Лукиничны Янковских! И от Платона Федорова.

Извольте принять их подарок с Сидеми. И владейте на здоровье. Конь добрый, ласковый. Вот, погладьте его своей ручкой.

Андрей протянул ей повод стоявшего рядом с его конём гнедого жеребчика.

Вера Ивановна еще не верила своим глазам, но уже ласкала доверчивую бархатистую морду с белой звездочкой на лбу.

— А ты, служивый, пристрой барынина коня на конюшню, только сразу не пои, а опосля, как остынет. Ну, мне пора. Бывайте здоровы.

Он легко вскочил в седло своей лошади.

— Постойте, куда вы? Оставайтесь у нас обедать! — заволновалась Вера Ивановна.

— Благодарю, обедать я уже буду дома. Имею честь! — Агранат поднес ладонь к козырьку, с места поднял своего коня в легкий намет и поскакал по главной улице военного урочища Барабаш, оставляя за собой облачко пыли.

* * *

Теплым солнечным утром Платон заглянул на кухню.

— Ольга Лукинична, можно?

— Чего спрашиваешь? Заходи, заходи. Садись, Платон присел на табуретку.

— Хочу поговорить с Михаилом Ивановичем, а прежде с вами решил посоветоваться. Где хозяин-то?

— С утра в саду. Опять что-то там прививает. А ты чего хотел спросить?

— Понимаете, Ольга Лукинична, вот и повязку снял, и массаж, как доктор приказывал, три месяца делаю, а пальцы ни того... Переломаны, словно под жерновом побывали. Да и вся кисть — как не своя. Чувствую, теперь в хозяйстве проку от меня будет мало. Ни коней объезжать, ни в кузне кувалдой махать. Хочу просить Михаила Иваныча отпустить меня пожить своим хозяйством.

— Эх, Платон, что надумал! Да ведь ты нам как родной, живи себе на здоровье. Да и польза от тебя всегда немалая, ты же все, что ни возьми, умеешь!

— Так-то оно так, а все ж таки...

— Твоя воля, Платон. Коли так твердо решил пожить самостоятельно, я думаю, Михаил Иванович поперек не пойдет. Наоборот, поможет, ты ж его знаешь. Хочешь, я переговорю?

— Спасибо на добром слове, Ольга Лукинична. Да нет, то я не мужик, сам не сумею? Я ведь только так к вам, посоветоваться вроде. Сколько годов в вашем доме прожил, а худого не видел!..

Просьбу Платона Михаил Иванович, конечно, уважил. Место присмотрели вместе. Федорову, оказывается, давно приглянулся маленький хуторок на левом берегу речки Сидеми, в нескольких верстах от впадения в море. И Михаил Иванович купил эту землю на имя Федорова. Дали, разумеется, на обзаведение пару коней и все необходимое для начала.

Платон был очень доволен. Взял помощника, посадил огород, завел птицу.

Моста через речку поблизости не было, но в нормальную воду брод был чуть выше колена. Кроме того, на переправе держали лодку. Сидеминский хутор богатырь навещал часто, по-прежнему просиживая вечерние часы за чаем. По секрету доложил Ольге Лукиничне и Михаилу Ивановичу, что сватает в Барабаше невесту — милосердную сестру из госпиталя, где лежал. Женщина, мол, самостоятельная,

хозяйка на все руки.

Прошел год. Янковские готовили Платону свадебный подарок. Венчание намечалось в августе, но помешала погода.

Август в Приморском крае редко обходится без ливневых дождей и наводнений. Реки вздываются, пенятся, тащат мосты, вывороченные деревья. Увлекают скот, а порой и диких зверей.

Грянуло наводнение и в это лето. И хотя дожди довольно скоро прекратились, вода в речке Сидеми спадала медленно.

С поездками следовало подождать, но у Платона объявилось дело и он, не дожидаясь спада, собрался к Янковским. Оседлал подаренную ему кобылу Рагнеду и вскочил в седло. Советовали ему ехать в объезд, по тракту через станцию Черкассскую, где был мост, но Федоров только рукой махнул:

— Буду я попусту десять верст киселя хлебать! Подумаешь — речка Сидеми. Экой Амур мне нашелся. Сегодня домой не ждите, буду ночевать у Янковских!

Пришпорил кобылу и поскакал со двора.

Подъехал к броду. Вода еще стояла высокая и мутная, кое-где завивались воронки, время от времени быстро проносило подмытые с корнем деревья. Кобыла замотала головой, заупрямилась.

Платон не привык, чтобы лошадь ему не повиновалась. Огрел Рагнеду плеткой и смело въехал в реку. Кобыла сделала несколько неуверенных шагов и, наконец, поплыла...

* * *

Через двор сидеминской усадьбы шла Анна, проводившая дома летние каникулы. И вдруг заметила оседланную лошадь без седока. Некоторое время смотрела на нее с недоумением, потом бегом кинулась в дом.

— Мама, там оседланная лошадь пришла во двор без никого! Посмотрите скорее, мне кажется, это Платонова кобыла.

Ольга Лукинична опрометью выбежала на крыльцо.

— Батюшки-светы! Рагнеда, конечно, Рагнеда! А где же Платон?! Ах ты, господи, папа-то уехал в лес. Нютка, ищи братьев, пусть скачут по обратному следу. Сейчас, после дождей, его на сырой земле хорошо видать. А ты запрягай телегу и гони за ними. Мало ли чего могло стрястись, может, подвезти надо будет.

Крупный след подкованной Рагнеды в самом деле был заметен достаточно ясно. Но он привел Юрия и Яна не к броду, а значительно ниже по течению. Увидев мутную, пенящуюся речку, они поняли, что случилась беда.

Где искать? Ясно, что не против течения. Поскакали к устью. Но еще не доезжая сотни шагов до бара, заметили на песке у воды что-то темное.

— Вон, смотри! Кажется, он!

Они бросили лошадей и побежали к лежавшему на отмели человеку. Платон лежал, как во сне, ничком. Голова слегка повернута, ветер играл в густой золотистой бороде. И только нелепо торчала в сторону искалеченная тигрицей правая рука.

Юрий опустился на колени и машинально тронул знакомую руку: она показалась ему холоднее воды в реке и уже не гнулась.

Он расправился, судорожно глотнул воздух, глянул в небо и застыл в оцепенении. Небо и облака

вдруг подернулись какой-то дымкой и перед глазами промелькнули картины детства. Вот в прокопченной домашней кузнице Платон бьет кувалдой по раскаленной добела подкове; вот с развевающейся бородой скакет в объезд с пикой у седла; вот пьет чай, утираясь красным платком. И последнее: эта рука с плеткой в воздухе, а рядом оскаленная пасть тигрицы.

Показалось даже, услышал крик: «Ребятушки, выручайте!»

И он со всей ясностью понял: нет больше их дорогого дядьки Платона и поздно его выручать. Не выгреб он искалеченной рукой, когда выбросила из седла суковатая лесина, с которой посреди мутной реки свела его судьба...

Вдруг Юрий услышал всхлипывания. Худенький Ян вытер рукавом глаза и отвернулся.

Подъехала на телеге Анна. Она плакала открыто, не стесняясь. Все трое встали на колени перед телом незабвенного друга и склонили головы. Следом прискакали Александр и Андрей Агранат. Все вместе нарвали и нарезали травы и цветов. Заполнили ими телегу и осторожно опустили на траву тяжелое тело.

Михаил Иванович сам выбрал место для могилы. Похоронили Платона Федорова на домашнем кладбище, в кольце из хвойных деревьев, рядом с маленьким Сережей, умершим в то лето, когда старшие братья были в Корее. Могилу украсили цветами, поставили большой крест.

Доставленный из Барабаша священник ходил вокруг, читал молитвы и размахивал кадилом, распространяя сизый, душно-скорбный дымок ладана...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОТЕЦ БОЛЬШЕВИКА

Солнечным июньским утром по гладко накатанной проселочной дороге мягко катился запряженный парой гнедых высокий двухколесный экипаж «американка». Дорога вилась среди темно-зеленых дубовых рощ и усыпанных цветами полей, взбегала на невысокие увалы, скатывалась в распадки. Сильные лошади легко преодолевали подъемы и встречающиеся ручьи, мерно позванивали бубенчики.

В экипаже сидели двое: хозяин Сидеми знакомил с полуостровом начальника Южно-Уссурийского округа Васильевича Суханова.

Выезд проскочил темную рощу, впереди открылось залитое солнцем обширное пастбище. В дальнем, его конце, поблескивая боками, бродили рыжие, гнедые, вороные кони. Возле них гарцевали два верховых пастуха. Михаил Иванович обернулся к гостю.

— Вот присланный вами жеребец — глава этого косяка. Добрый конь, дает неплохое потомство.

— Приятно слышать. Думаю достать для вашего хозяйства еще и племенного быка, пусть принесет пользу скотоводству... Смотрите,смотрите — олени, целое стадо! — Небольшого роста, коренастый Суханов слегка приподнялся в экипаже.

В сотне шагов от дороги медленно двигалось стадо оленей. Заслышав звон бубенцов, старые матки подняли головы, спокойно провожая глазами людей. Остальные щипали траву, совсем не обращая внимания на проезжих.

— Вы посмотрите, они и ухом не ведут! Удивительно ведь это, по сути дела, совершенно дикие звери, — восхитился Суханов.

Картина в самом деле была достойна внимания. Растигнувшись по ярко-зеленому лугу, спокойно паслось красно-бурое пестрое стадо. Матерые оленухи, молодежь, несколько второгодок самцов с первыми рожками-шильями, между взрослыми семенили новорожденные оленята. Она то и дело затевали игры, прыгали, бодались, ничего не замечая вокруг.

Михаил Иванович перевел рысаков на шаг, и Суханов мог подробно рассмотреть стадо.

— Удивительно, говорите. Да, завоевать доверие дикого животного не так-то просто. Теперь они любят пасть рядом с косяками лошадей, не обращают внимания на окрики пастухов. Напротив, даже стараются держаться поближе, потому что привыкли: люди здесь их не только не обижают, но и оберегают от хищников. Я много раз наблюдал, как при появлении волков олени бежали не в лес, а к усадьбе и порою перепрыгивали плетень, ища у нас защиты. Но это только у нас на Сидеми, а за его пределами картина совсем иная. Мне доводилось наблюдать за нашими оленями, когда они временно покидают пределы полуострова. Там их словно подменяют, в той обстановке они не подпускают на версту. Ведь лично меня они, конечно, не знают, однако прекрасно усвоили, что тут — зона покоя и именно здесь человек им не враг.

— Да-а. И что же, возвращаются такие «гастролеры»?

— Обязательно. Хлебнув горя «на воле», уцелевшие осенью возвращаются «домой». Мало того, каждый раз ведут с собой встреченных в тайге новых подруг и друзей. Благодаря этому наше стадо год от года заметно растет.

— Но почему в этой компании не видно ни одного пантача?

— И не увидите до осени. Я всегда поражаюсь так развитому в самцах инстинкту самосохранения в период созревания пантов. Многие на это время уходят в самые отдаленные дебри материка, часть даже за границу, в Маньчжурию. Но и оставшихся на полуострове увидеть, а тем более добыть, становится чрезвычайно трудно. Засветло на полянах никогда не встретишь. Чуткость — поразительная.

— А в иное время года?

— Посмотрели бы вы на них зимой! В самое суровое время мы вывозим в теплые распадки подкормку и приучаем их являться на зов трубы, И представьте себе: подошел обоз, люди рассыпали корм, звучит рог. Сначала кажется, что где-то далеко затрепетал верхушками лес, а звук нарастает, становится похожим на шум прибоя. Глянешь на гору, а оттуда катится стадо! И самцы со всеми вместе подбегают вплотную, окружают людей, теребят сено почти из рук. Зимнее стадо — лес прекрасных рогов, но уже окостеневших, коричневых, с отполированными белыми концами! И, боязливые летом, самцы каким-то шестым чувством понимают, что сейчас, зимой, их тут никто не тронет.

— Скажите пожалуйста! Ну, а приручать более основательно вы не пытались, Михаил Иванович? Мне кажется, это очень перспективно и интересно.

— Давно подумываю. Но ведь для того, чтобы приручить и одомашнить дикое животное, нужно его поймать. Вы когда-нибудь слышали о китайских «лудёвах»?

— Должно быть, ловушки?

— Лудевы, по сути дела, обычные зверовые ямы. Но роют их узкими, продолговатыми, наподобие шурфа, сажени полторы глубиной. Края ямы, чтобы не осыпались, укрепляют жердями, но не горизонтально, как в колодце, а вертикально, чтобы упавший зверь не нашел опоры и не мог выбраться.

— А зачем же вверь полезет в ловушку? Или ему кладут приманку?

— Приманок тут не напасешься, но лудевы не просто ямы. Маньчжурские промышленники давно придумали сооружать в лесу длиннейшие заборы. Для этого валят одно дерево на другое в определенном порядке на многие версты. Опытным глазом определяют излюбленные зверем «хода», на них располагают ямы, а напротив них оставляют свободные проходы. Ямы, конечно, тщательно маскируют: перекрывают ломким хворостом, травой, присыпают землей и опавшим листом. И зверь, наткнувшись на сплошную стену, идет вдоль нее до тех пор, пока не заметит просвета. Уверенно шагает и — обрушивается на дно колодца! Выбираются, как правило, только тигр, барс, рысь да медведь. Этих не удержишь, если, конечно, зверолов не установил на дне ямы острый кол. Случается, на такой «шип» садится и незадачливый охотник... Но и без кола выкарабкаться не способен даже волк, не говоря о копытных. А те, бывает, сильно калечатся. Их прикалывают длинными пиками и вытаскивают на веревке. Однако оленей стараются поднять живыми, особенно самцов, у которых еще не созрели панты. Таких связывают, доставляют домой и помещают в загородки, где содержат до созревания, а тогда убивают. Приручить такого трудно. Если он и не покалечится, выросший и возмужавший на воле никогда не станет ручным.

— Значит, вы бракуете китайский метод ловли лудевами?

— Категорически. У меня свой план. Сейчас веду наблюдения за стельными оленухами. Заметил — с тех пор, как поднялся лес, они предпочитают телиться в определенных уголках полуострова. Здесь с трех сторон их защищает море, с четвертой — мы, люди. С каждым годом оленух для отела остается все больше, это становится массовым явлением. Первые же день-два оленята не так уж прытки, их можно ловить руками. Если это удастся, вскормленные коровьим молоком оленята станут по-настоящему ручными. Следующей весной обязательно начну опыты...

В этот день Суханов остался ночевать на Сидеми. После ужина хозяин пригласил его в кабинет, и Александр Васильевич увидел на одной из полок над рабочим столом аккуратный ряд одинаковых, в черном переплете, больших книг. На корешках четко выведен год. На первой слева — 1879, и дальше за все последние 15 лет. — Вы ведете такой строгий учет без бухгалтера?

— Нет ни бухгалтера, ни счетовода, ни приказчиков. Обходимся вообще без служащих. Наблюдение и контроль по животноводству, коллекции птиц и бабочек, метеорологическая станция и даже ветеринария, — все лежит на членах семьи, все обязанности распределены от старшего до самого маленького. Посильно, конечно. Такое дело, как наше, надо любить, Александр Васильевич, отдавать ему душу, — иначе проку не будет. Тут со временем считаться не приходится.

— А что же записывается в этих книгах?

— Все самое главное: родители, масть, экстерьер, кличка, приметы, даже характер каждой лошади. Кроме того, мне приходится составлять ежегодные отчеты в главное управление коннозаводства в Петербурге. В общем, честно говоря, и мне, и жене, и ребятам досуга остается не много.

— Мне очень нравится, как вы приучаете своих детей к дисциплине и труду.

— Да, у нас уж поистине: работе время, потехе час, — добродушно согласился хозяин. А гость сказал взволнованно:

— К сожалению, мои сорванцы растут в городе в другой обстановке. Я часто отсутствую, а мать их балует. У вас совсем иная картина: все целый день на воздухе, резвятся и работают. Это отлично. Честно говоря, я давно хотел просить вас брать на лето моих Гришку и Костю. Только чтобы им не делали никаких скидок, чтобы они не чувствовали себя гостями, а еще хуже — сынками начальства!

— Присылайте. К глупостям не привыкнут, а ценить кусок хлеба научатся быстро. Хитрить и отлынивать от работы тоже не выйдет, в этом отношении наши приучены к справедливости: всем поровну. Что же касается вредных с официальной точки зрения идей — я ведь в прошлом политкаторжанин — прививать не стану. Однако если ваши сыны привыкнут смотреть на мир более демократично, не взывите.

— Что вы, Михаил Иванович! В вашей порядочности, конечно, не сомневаюсь. А что касается, так сказать, вольных взглядов, то ведь я и сам, между нами говоря, многие из них разделяю.

— Поэтому, наверное, и пользуетесь такой популярностью среди крестьян-переселенцев, Александр Васильевич. Сколько ни довелось беседовать с теми, кто приезжает к нам за лошадьми, все толкуют, что справедлив, мол, начальник округи, не барин.

— Стараюсь, как умею. Ведь золотые люди прибывают: энергичные, работящие, стойкие. Сколько мытарств доводится перенести им в длиннейшем морском или полупешем пути. Когда-то еще достроится наша железная дорога через всю матушку-Сибирь?! И вот он, сирый, после российской-то скудости через все мучения к просторной земле Уссурийской добрался и рад-радешенек. Готов каждому чинуше последнее отдать, чтобы получить хороший надел. А те, чего греха таить, только и норовят обобрать переселенца. Вот и воюю, пытаюсь заступаться за мужиков, намыливаю шеи чиновникам.

— Да, народ в основном прибывает дельный, хозяйственный. Недавно побывали у меня переселенцы-староверы с верховьев Уссури. Прибыли, рассказывают, за тридевять земель на волах, два года добирались. И за несколько верст до выделенного им под селение участка, попали в непроходимые заросли винограда. Три дня, говорят, бились, пока прорубили тропу. Так и окрестили свою деревню — Виноградовка.

— Да-а, расскажи в России — не поверят! А мы уже привыкли...

Утомившийся за день Суханов невольно зевнул, и Михаил Иванович посмотрел на часы.

— Ого, двенадцатый час! Вы, верно, устали, Александр Васильевич. Оля постелит вам здесь, в кабинете, идемте пока. — И, пожелав спокойной ночи, добавил:

— А ребят присылайте нынче же, найдем, чем занять...

С тех пор Гриша и Костя начали проводить на Сидеми каждое лето. И они, и родители были довольны. Но мог ли царский чиновник, начальник округа Александр Васильевич Суханов предполагать, что через два десятка лет его Костя станет известным большевиком-революционером? Что ему — герою, отдавшему жизнь за свободу народа — во Владивостоке поставят памятник, его именем будут названы улица и корабль.

ЖЕНЬШЕНЬ

Стояли ясные дни сентября, и, как всегда, в эту пору, в багряные осенние топа окрасились горы. В тени под пологом леса повисли фиолетовые грозди винограда, темно-зеленые сладкие плоды актинидии, кроваво-красные лимонника. Кедры задумчиво покачивали кронами, усыпанными огромными шишками, дубы роняли спелые желуди. Они, как тяжелый град, сыпались при каждом порыве ветра.

Отошел клещ и гнус, в тайге было тепло и сухо, как в парке. Надтреснуто кричали кедровки, пересвистывались рябчики. Хозяйственные бурундучки энергично таскали орехи и желуди в свои зимние кладовые. Опушился к зиме соболь, колонок, белка. Нагуливали жир кабан и косуля, медведь и изюбрь.

Длинным, поникающимся к югу кряжем пробирался лесной тропой небольшой отряд. Мелькали защитного цвета куртки и шаровары, юхтовые сибирские ичиги и мягкие нитянные корейские лапти — сины. Нэпу ни и Син Солле с дружиной возвращались из похода по приграничным горам и лесам. Они ловили контрабандистов и бродяг, служивших наводчиками хунхузов, разоружали браконьеров, уничтожали-завалы с петлями на кабаргу и ямами для ловли оленей. Словом — наводили порядок.

До деревни Верхнее Сидеми оставался последний переход, когда идущие впереди разведчики задержали подозрительного бродягу. Одет он был по-таежному: в истрепанные, когда-то синие, куртку и короткие штаны с кожаными наколенниками, на ногах стоптанные сыромятные мокасины — улы, на голове — выцветший, стянутый позади узлом платок.

В корявых руках человек держал длинную легкую палку, за спиной висел видавший виды вещевой мешок, но оружия при нем не было.

Янковский велел Сину остановить отряд на привал и предложил задержанному сесть. Пожилой поджарый таежник с редкими «дождичком» усами и бородкой держался спокойно, с достоинством. Ломано, но понятно объяснялся по-русски. Дружинники уже назвали ему имя начальника, он знал, к кому обращается, и, поклонившись, заговорил:

— Здравствуй, здравствуй, капитан. Давно слушал: Нэнуни, Нэнуни, только еще не видал... Слушай, твои люди все врешь говорят, неправно говорят. Наша шпиона нету. Моя фамилия Чжан Фу. Наша люди — тазы, хунхуза никогда помогай нету. Наша люди егошибко не люби,шибко боиса...

— А что вы в лесу делаете?

— Наша люди — как охотника. Зимой маленько звери лови: кабарга, соболи, колонка, белка... Теперь, осень, корни копай. Вы слыхал такой корни — банчуй? Русска говори — женьшень, корейца говори — инсам. Давай садится, тебе надо корни посмотри! Это самый первый лекарства...

Все расселись вокруг. Кто на валежину, кто просто по-азиатски на корточках. Большинство корейцев было знакомо с женьшенем, европейцы видели его впервые.

Таза снял из-за спины котомку, развязал и вынул согнутый из цельного куска кедровой коры перевязанный лыком продолговатый коробок. Не торопясь размотал лыковую обвязку, развел в стороны сложенные внутрь концы коры. Дно этого коробка было устлано мхом, на котором лежали странные желтоватые корешки. Они чем-то напоминали человека: головка, шейка, туловище. Ответвления, похожие на конечности человеческого тела, заканчивались мелкими корешками-мочками в виде бороды. Легендарные корни. Глядя на них казалось, что они вот-вот должны зашевелиться... — Ты что, один в лесу? — спросил Янковский.

— Нету, наша кругом три люди. Молодой на деревня пошел, чумиза, соли купить надо. Наша

старшинка сегодня на другой сопка пошел, скоро будет обратно. Его фамилия Ли Маза, он тебя хорошо знай.

— Ли Маза?! Что же ты сразу не сказал? Это же наш старый приятель. Слышишь, Солле? Как бы его повидать? Слушай, Чжан, ты можешь его привести сюда? Скажи, я его жду.

— Наш балаган совсем недалеко. Я буду туда бегать, его позвать. Только вы никуда далеко ходи не надо.

Через полчаса они возвратились вдвоем. Заметно поседевший Ли Маза долго, двумя руками тряс руки Нэнунни и Син Солле.

— Здравствуй, здравствуй, а-я, сколько лет не смотрели?!

— Да, давно не виделись. Где ж ты, брат, пропадал?

— Я снова дале-е-ко, через Сихотэ-Алинь ходил. Раньше наша семья там много лет жила. Нага закон говорит — старых людей забывать нельзя. Кто папку, мамку забыл — очень страшно помирать будет. Я туда пошел, могилка прибирал, красивое дерево посадил, больше года там жил. Потом думал назад ходить. Последнюю ночь спал — дедушка во сне пришел, не пускает. Говорил: еще один год тут живи, потом ходить можно. Я утром проснулся, думал — а! Какой дедушка? Это сон. Вещи собрал, пошел. Только через первый речка бродить начал — сразу крепко упал! Голову разбил, ногу сломал, чуть-чуть не утонул. Как черепаха обратно свой балаган ползал, около года болел.

— А потом как же? Дедушка отпустил? — Михаил Иванович давно усвоил суеверия хозяев уссурийской тайги и не позволил себе даже улыбки.

— Весной старики снова пришел. Мало-мало смеется. Сказал: теперь можно ходить, только нас забывать не надо. Я отвечал: нет, дедушка, больше до смерти забывать не буду!

Все время внимательно рассматривая корни, Михаил Иванович согласно кивал головой.

— Это хорошо, что старики по-доброму тебя отпустили. Теперь непременно будет удача. Слушай, Ли Мала, а как ты думаешь, сколько лет рос этот женьшень? Это как-нибудь можно узнать?

— Ха, если глаза остро можно считать. Сколько кольцо, столько года, — Ли Маза указал на впадинки и полоски, опоясывающие шейку и тело корня. Я один раз нашел сильно большой корни. Считал, считал — больше два сто лет! Сколько он живет — никто не знает. Разве вода, гора, сосна, облако, ветер — сколько живет вы знаете? Женьшень тоже никто не знает!

Солнце клонилось к гребню Синего Хребта, а тема беседы была настолько захватывающей, что Михаил Иванович твердо решил остановиться на ночлег. Ему уже давно хотелось ближе познакомиться с легендарным растением.

Вечером у костра удэгеец рассказал, когда женьшень начинает цвести, когда осеменяется. Как долго, — около двух лет — семя, не прорастая, лежит в земле. Что осенью стебелек засыхает и падает, а весной вырастает новый. В первый год всего с одним трехпалым листиком, на второй, обычно, с пятипалым. С годами образуется две, потом три веточки, появляется «стрелка» с головкой, на ней завязываются зеленые, краснеющие в августе ягодки-семена. Позднее, взрослея, он выбрасывает четыре веточки, потом пять и иногда даже шесть. У особо сильного растения бывает два стволика. Это уже — высший сорт, который предназначен только ко двору богдыхана! Простой смертный обладать таким корнем права не имеет...

Внимательно слушавший Син Солле выкатил из костра уголек, подвес на куске коры к набитому табаком чубуку, пыхнул трубкой:

— Когда я в Нингута ходил, слыхал так: китайцы женьшень на шесть сорта разделили. Первый, второй, третий — обычновенный человек купить нельзя, тюрьма будет, Эти три сорта только император, его родные, еще самый высокий чиновник держать может. Сколько стоит — неизвестно. Четвертый, пятый, шестой купить можно. Четвертый сорт аптека продаёт один вес корень — четыреста вес серебра. А если на золотой деньги, тогда в четыре раза дороже золота. Это такой такса...

Но Михаила Ивановича, как агронома и натуралиста, больше интересовали другие подробности. И Ли Маза рассказал, что человек-корень любит тень, легкую, обязательно хорошо дренированную почву, соседство кедра и ели, хотя порою, встречается и в чистых дубравах. Любит склоны гор, не признает сырости, но морозов под снегом не боится. Встречается поодиночке и целыми семьями, где довольно легко отличить прародителя, его детей, внуков и правнуоков. Если на него наступит зверь или человек, упадет дерево или опалит огонь, он «обижается» и «засыпает» на годы, иногда на десятки лет. Но когда поправится, или прижавший его ствол дерева сгниет и обратится в труху, женьшень выгляднет одним глазком, осмотрится и потягнется к небу...

— А скажи, Ли Маза, можно его выкопать здесь, перенести и посадить в лесу около дома?

— Можно, можно. Если земля хорошо, правильно посадить, он еще лучше растет. Наши люди так часто делают. Только хорошо спрятать надо, куда худой люди глаза посмотри не могу. Потому такой хунхуза увидит — сразу карапчи унеси будет. Наш старый закон говорит — такой вера убить можно.

Син Солле оживился.

— Мы один раз нашли такого вора. Слышим — ворона кричит, кричит. Пошли близко, посмотрели: голый человек около дерева стоит! Совсем близко ходили, посмотрели его кто-то веревками очень крепко прививал. Мы хотели пускать — поздно, уже мертвый. Комары его кровь всю выпили. Потом узнали: он женьшень украл, потихоньку выкопал, такую казнь получил.

Ли Маза и Чжан одобрительно улыбались.

— Правильно, правильно. Такое наказание есть. Учить надо. Старый закон очень верно: чужой ничего трогать нельзя!

В тот вечер родился план создать свой питомник таинственного, легендарного растения. И утром Нэнуни попросил старого приятеля отвести его к месту, где были выкопаны ближайшие корни.

Пошли вдвоем. Ли Маза вел уверенно, не сбиваясь, словно по тропе, хотя в чаще не было и намека на тропинку. Только опытный глаз мог местами заметить слегка надломленные веточки с чуть заметно увядшими листьями. Где требовалось изменить направление, на это указывал загнутый или заломленный в определенном положении сучок. В арсенале потомственных следопытов уссурийских лесов имеется обширный код подобных, только им понятных знаков.

Вдруг таза остановился и указал палкой вперед. В нескольких шагах на кедре желто мерцала в аршин длиной и в ладонь шириной полоса свежесодранной до луба коры. Заметная издали, эта традиционная метка искателей корня жизни сохраняется десятилетиями.

— Вы нужно хорошо посмотри. Когда наши люди большой женьшень выкопали, недалеко с кедра или елки шкуру снимают. Его далеко хорошо видно. Другой человек мимо идет, видит: раньше здесь хороший корни копали. Значит надо кругом ходить, очень крепко смотреть. Может быть, рядом другой корень спал, а нынче проснулся. Или маленькие выросли.

Ли Маза остановился в нескольких шагах от своей отметины и указал на свежеразрытую землю. Отсюда были взяты лучшие экземпляры перекочевавшей в его коробок семьи.

— Большие корни я забрал, маленькие здесь оставил. Хорошо посмотри, который тут маленький

женьшень?

Михаил Иванович опустился на колени, напряг зрение: какие-то травинки, листочки... Но сколько ни присматривался, среди редкой травки, подлеска, кустов жасмина и аралии ничего, напоминающего виденные им листья женьшена, различить не мог. Тогда корневщик присел рядом на корточки и концом палки указал по очереди на несколько крохотных побегов с тремя листочками, весьма отдаленно похожими на лист взрослого растения и совсем незаметными среди прочей зелени. То были внуки и правнуки главы семьи в возрасте двух-трех лет, оставленные удэгейцем на расплод и «в рост».

Потом Ли Маза развернула притоптанную вокруг вырытых корней землю, выбрал два десятка им же посаженных красно-бурых ягодок-семян и, улыбнувшись желтыми, прокуренными зубами, протянул их на темной сморщенной ладони.

— Забирай, хорошо спрячь. Лесной закон как говорит? Старые корни выкопал, рядом непременно новые посади. Если хочешь домой таскать, половину оставить можно. Если все люди будут садить семена, оставлять маленькие корни — тайге никогда убытка не будет. Через двадцать, тридцать года твой сынка, мой сынка сюда придет, опять хороший банчуй нашел. Старый законшибко верно...

Слушая рассуждения удэгейца, Янковский проникался все большим уважением к людям тайги, их традициям: бери у природы ее бесценные дары, но не уничтожай их под корень. Страйся приумножить эти богатства, и они будут неиссякаемы. Это было в его духе.

Услышав, что семена и крохотные корешки вовсе не ценятся китайскими купцами, он тут же предложил старику собрать для будущего питомника весь посадочный материал. Обещал не обидеть.

Когда они возвратились на табор, все уже было готово к выступлению. Балаганы разобраны, котомки увязаны, костры надежно залиты водой. В стороне группа дружинников о чем-то жарко уговаривала Син Сolle. Заметив возвратившихся, он подошел и сказал вполголоса:

— Теперь дом недалеко, кругом все спокойно, Микау Иванычи. Стрелять в лесу можно. Некоторые наши люди еще не видели, как вы камень на небе разбивать можете. Все очень хотят посмотреть. Вот, Ли Маза, Чжан тоже будет интересно. Можно всем показать, как Нэнуни стрелять умеет, а?

«Четырехглазый» был в прекрасном настроении.

— Ладно, Солле, поищем подходящий камень. Только ты отведи людей в сторонку, как бы не задело кого осколком.

Он обернулся к вывороченному бурей кедру. Среди его корней, сквозь обмытую дождями землю, проглядывало несколько катышков сероватой гальки. Выбрав кругляк чуть побольше куриного яйца, стрелок вышел на середину лесной полянки. Син Солле уже отвел людей к опушке, и теперь все участники похода и гости, затаив дыхание, глядели во все глаза.

Михаил Иванович усмехнулся в бороду. Крепко держа правой рукой за шейку ложа готовый к стрельбе винчестер, он левой высоко подбросил камень. Голыш взлетел, на высоту окружавших поляну кедров и на мгновение как бы завис в воздухе. Конечно, это был единственный миг, но мушка винчестера поймала его именно в то мгновение. Щелкнул выстрел. И, одновременно с ним, подобно облачку от разорвавшейся шрапNELи, взорвался в воздухе маленький кругляш! Только мелкие осколки, как капли внезапно налетевшего дождя, дробно забарабанили по листве и траве. Несколько осколков пришлось по плечам и фуражкам восхищенных зрителей.

— Вот это да! — возгласы раздались сразу на трех языках. Эффект получился необыкновенный: люди, не расстававшиеся с оружием ни днем ни ночью, по достоинству оценили этот выстрел. — Да-а, Нэнуни, ничего не скажешь...

В ту же осень Ли Маза с товарищами принес на Сидеми небольшой берестяной туесок семян и несколько сотен двух-трехлетних корешков. Хозяин рассчитался щедро: тазов накормили, напоили, уложили спать, а наутро, кроме денег, снабдили продуктами, порохом и свинцом.

Старики осмотрели выбранный участок и одобрили. Вот где пригодились агрономические познания бывшего отличника земледельческого института. Он тщательно исследовал и подобрал почву, учел гумусный слой, освещение, водосток и сделал выбор, правильность которого подтвердили не только убеленные сединами корневщики, но и последующие десятилетия.

На нижней террасе сопки «Просека» был заложен первый в России питомник дикорастущего женьшения, который стал базой для будущей плантации.

Сам Михаил Иванович, Ольга Лукинична, дети и все свободные от дел сидеминцы вышли создавать этот необыкновенный сад. Под пологом молодого широколистенного леса, между дубами, липами, ясенем и кленами вскопали длинные гряды. Большую их часть засеяли семенами, на меньшей расположили саженцы. Удобрениями не пользовались, только пропалывали и слегка рыхлили междурядья — дали женьшению возможность расти и развиваться в своей естественной среде.

И результаты правильного подхода к делу оказались в ближайшие же годы.

ОЛЕНИ

Весной, едва распустился лес, Янковский подолгу просиживал на склоне облюбованной им сопки. В защитного цвета фуражке и куртке, его легко можно было принять за старый порыжевший пень: за плечами, как сухая ветка, торчал короткий карабин, на боку надломленным сучком висел нож. В руках он неотрывно держал легкий полевой бинокль. В такой позе, оперев локти на колени, можно сидеть и наблюдать часами, ничуть не утомляясь.

Михаил Иванович выбрал это место не случайно. Отсюда открывался вид на всю долину с ее полянами я перелесками, на большой массив молодого леса, уступами сбегающего к берегу голубого Славянского залива. Он давно обратил внимание, что матки с новорожденными оленятами чаще всего встречались именно здесь, что близость моря с его маскирующими утренними туманами и защищенные от ветров заросшие овражки располагали оленух приносить своих малышей в этом укромном уголке полуострова.

За последние дни уже несколько толстых маток осторожно проследовали в ярко зеленеющий лесной массив, но он их не тревожил. Рано. Пусть обживутся там и разрешатся...

Однако в это утро Михаил Иванович наконец увидел то, чего так настойчиво ждал. Из леса, на усыпанное одуванчиками поле вышла пасться пятнистая самка. Он навел на нее бинокль и взволнованно прошептал:

— Ага! Так, так. Значит, пора!

За маткой, цепляясь и запинаясь за все кустики и стебельки, покачиваясь, как пьяный, ковылял на длинных неокрепших ножках незаметный издали олененок. Янковский приподнялся, высматривая, как лучше подкрасться. Но легкий ветер внезапно изменил направление, потянул в сторону оленей. И хотя их разделяло несколько сот шагов, мать сразу уловила запах человека. Она вскинула голову, потянула носом. Потом, вздрогнув, подала какую-то команду малышу и быстрым шагом скрылась в лесу. Детеныш, хотя и неуклюже, но довольно проворно засеменил следом за ней.

Спутав и пустив пасться своего коня, Михаил Иванович сбежал с горы и осторожно ступил в чащу с подветренной стороны. Он был уверен: где-то здесь скончалось еще несколько мамаш, но нужно поднять такую, которая принесла детеныша если не сегодня, то хотя бы вчера. Более взрослого не догнать.

В сырьем полумраке весеннего леса пахло прелью, из-под ног прыгнула лягушка. Сквозь прошлогодний потемневший лист робко проглядывала острия травка, маленькие лопушки. Сочными коричневыми крючками пробивался любимый дальневосточниками съедобный папоротник-орляк.

Михаил Иванович двигался против ветра медленно и осторожно, мягко отводя ветки, заглядывая под каждый куст. Шел зигзагами. Миновал половину рощи, но ничего не обнаружил. Он остановился, соображая: «Чтобы наткнуться на роженицу, нужно особое счастье. Взять собаку — опасно, она в миг задавит такую крошку. Лучше завтра привести всех ребят, прочесать лес цепью...»

И вздрогнул — в нескольких саженях от него вскочила на ноги крупная, рыжая, в белых пятнах матка! Широко расставив большие уши, она несколько мгновений стояла не шелохнувшись. Потом, как обычно при тревоге, веером распушила белую шерсть окружающего хвост «зеркала», растерянно оглянулась, хрюплю свистнула и запрыгала в чащу. Михаил Иванович пробежал вперед и заметил в кустах какое-то движение. Покачиваясь, словно длинноногий лесной паучок, между деревьев пробиралось миниатюрное пятнистое существо.

Пригибаясь под кустами, охотник барсом ринулся за малышом. Тот сделал несколько неуверенных

движений, споткнулся и упал. Не дав ему опомниться и подняться, Михаил Иванович в прыжке накрыл олененка. Только бы не помять!

И вот он уже осторожно прижимает к груди живое горячее тельце. Человеку, имеющему опыт ловли шустрых жеребят, поймать новорожденного олененка оказалось не так трудно.

Малыш бился недолго. Пискнул, взбрькнул несколько раз и притих. Даже прикрыл глаза. Михаил Иванович вытянул одной рукой из кармана припасенный бинт и связал по две вместе тонкие, с крошечными копытцами ножки. Тот снова затрепыхался, запищал, но вскоре, уткнув под мышку влажный носик, тихо засопел. И только бурно колотилось испуганное маленько сердце.

Добравшись до лошади, Михаил Иванович запеленал олененка в прихваченную из дома старую простыню, уложил в мешок и, оставив снаружи только комолую головку, приторочил к седлу. Так, осторожно, больше шагом, довез до дома.

Ольга Лукинична не поверила глазам.

— Поймали?! Ах ты, маленький. Вот красавчик!

— Красавчик, говоришь? А я ехал и все думал, — как его окрестить. Значит, будет наш первый домашний олень — Красавец. Дай-ка нам, Оля, теплого молочка. Если мы сумеем его вырастить, он станет главой нового, ручного стада.

В кухню с шумом вбежала Нюта с гостившей подругой.

— Ой, какая прелесть!

Нюта обняла малыша и пыталась его поцеловать. Тот вырвался, запрыгал, но копытца заскользили на крашеном полу, ножки разъехались, и олененок упал на бочок.

— Тише ты со своими нежностями. Сейчас мы попробуем его накормить: парень уже часа два голодает.

Ольга Лукинична налила в блюдечко слегка подогретого молока и подала мужу. Он присел на корточки перед олененком, обмакнул в блюдце палец и осторожно поднес к его губам. Малыш понюхал, понюхал, потом потянулся и вдруг лизнул палец!

Девушки в восторге захлопали в ладости. Красавец вздрогнул и отпрянул.

— Да спокойно же вы, егозы! Большие, а не понимаете. Сидите тихонько или марш отсюда. Это же дикое существо...

Успокоившись, телок снова лизнул палец и потянулся за ним. Хозяин опустил его в блюдце и не вынимал. Красавчик сунулся за пальцем, фыркнул и облизал побелевший нос.

— Не удобно ему. Давай, Оля, налей-ка молока в бутылочку. Нюта, беги, принеси соску, из которой мы подкармливали теленка, когда тигр задрал корову...

Красавец очень скоро понял, что такое бутылка с соской. Он сосал азартно, время от времени поддавая головой, как будто перед ним было материнское вымя. Дети пищали от восторга.

Назавтра в Длинную падь отправилась целая группа верховых ловцов, а сзади шел «обоз»: в телеге, на мягкой подстилке из сена, ехали Павлик и Митюков.

Михаил Иванович расставил всех, кроме карауливших лошадей «обозников», в частую цепь. Проинструктировал и, встав в центре, повел в лес против ветра. А к вечеру Павлик и Митюков доставили Ольге Лукиничне еще двух новоселов, двух самочек — Машку и Глашку. На следующий день поймали Мальчика.

Период основного отела тянется две-три недели, редко месяц. Охотники обшарили соседние распадки, и в июне в специальной загородке, построенной возле дома, уже резвилось более двух десятков домашних пестрючков. И ни один не был покалечен.

Оленята быстро крепли и росли. Самых ручных выпускали на общий двор и даже водили «в гости» домой. Взрослые и дети по несколько раз в день заходили в загородку, наливали в корыто воды, кормили с рук. Некоторые оленята, выйдя, ложились отдыхать во дворе рядом с собаками. Те вскоре так привыкли к домашним оленям, что начали затевать совместные игры: носились друг за дружкой в догоняшки, прыгали через изгороди. Но подросшие оленята в пылу игр начали перемахивать такие высокие заборы, что эти полеты оказались пустяк не по силам. Они с ходу останавливались и, опустив хвосты, исподлобья смущенно оглядывались на хохочущих хозяев и гостей.

Скоро молодые олени научились жевать травку и мелкие веточки, отказались от молока. Осенью легко перешли на дубовые веники и сено. В углу ограды им построили теплый загон и навес, куда они забирались по ночам, прятались в непогоду.

Когда в ворота оленника въезжала запряженная волом или лошадью телега, ее окружали плотным кольцом. Возница не успевал разгружать траву или сено: олени тащили корм не только из рук, но и прямо из-под возчика...

На следующий год наловили новых оленят. Но чтобы старшие не обижали маленьких, им рядом пригородили отдельный двор.

Теперь на Сидеми жило два стада. Первые, в «парке», — совершенно вольно. Хотели — уходили с полуострова, хотели — возвращались, неизменно приводя с собой из тайги диких оленей. Вторые — особенно самки — постепенно становились совсем домашними. Незаметно подрастали свои пантачи, появились еще более смиренные во втором поколении оленята.

Позднее сочли выгодным содержать в загородке только пантачей и всех самок выпустили в парк, где полуудикое стадо начало быстро расти. И вряд ли сам зачинатель этого дела мог предполагать, что придет время, когда пятнистый олень вытеснит с полуострова далее его любимую лошадь.

* * *

Об удивительном целебном свойстве пантов — летних, наполненных живительной кровью рогов оленя, изюбра, марала — восточные медики дознались много веков назад. И лучшими среди всех определили панты пятнистого оленя. За них купцы платили, казалось, невероятные деньги, а поэтому не удивительно, что «пантовка» для охотников Приморья представлялась золотым дном. В разгар ее сезона в тайгу устремлялись все промысловики, а с ними часто и едва научившиеся держать в руках оружие начинающие любители.

Люди терпели голод и утомительные переходы, мокли под дождем и среди обильной утренней росы, плутали в густых приморских туманах и безропотно переносили жгучие укусы мошек, комаров и слепней. И все ради того, чтобы заметить среди зелени рыжий пятнистый бок и добить вожделенные розоватые, покрытые пушком, мягкие летние рога — панты. Где еще бедный охотник мог в одно мгновение, одним метким выстрелом добить сразу столько золота, чтобы купить лошадь, корову, а то и целую усадьбу? И с каждым годом количество охотников, а с ними и число добытых черепов росло.

Один дальний хозяйственный пристав докладывал в те годы губернатору, что только в подведомственном ему урочище за одно лето добывают до четырехсот пар пантов пятнистого оленя. Дальновидный пристав задумался над тем, что всякие богатства природы имеют свой предел. Но мало кто

тогда думал так, как он...

И все-таки самым главным бичом для оленей была не летняя охота, когда стрелок выбирал только зрелого самца. В снежные зимы их загоняли по насту безжалостные браконьеры и волки. Спасаясь от преследования, олени мчались с гор на равнину к морю и, запаленные и надорванные, бессмысленно гибли.

* * *

При сильном весеннем ветре по равнине между Лебяжьей лагуной и горами прошумел большой пал. Несколько дней кряду огонь с треском пожирал кустарники, сухую траву и буйные заросли камыша. Дым застилал старый тракт от Черкасской до Славянки, затянул весь полуостров. Горело до тех пор, пока пожар не уперся в озеро, болото и берег морского залива. Под конец помог и дождь, однако, вся степь успела стать черной, как головешка. А когда подсохло, Михаил Иванович собрался в объезд — осмотреть последствия беды и размеры пожарища. И, не доеzzя до станции Черкасская, свернул на гарь.

Вся равнина колебалась и трепетала в мареве испарений, словно просвечивая сквозь дрожащее стекло. Она выглядела бесконечной пустыней. Лишь под ногами лошади, сквозь прибитый дождем налет пепла, едва заметно ожили головки кочек: они усеялись робкими желто-зелеными глазками побегов не покорившегося огню живучего камыша. Вокруг — ни души: утки и фазаны навсегда покинули эти места. И только высоко в голубом небе одиноко парил белохвостый орел в надежде заметить уцелевшую мышь...

Янковский окинул равнину задумчивым взглядом, и его внимание невольно привлекли разбросанные вдали белесые предметы.

Он подъехал к первой кучке и остановился в недоумении. Череп и кости! Ко второй, — целый скелет оленя с рогами. Дальше еще, еще и еще... Вся равнина представляла огромное кладбище костей и скелетов загнанных в снежную зиму оленей. Волки и браконьеры заставляли копытных искать здесь спасения. Спугнутые в горах во время весеннего наста, они в кровь резали ноги и не могли скрыться в тайге. Инстинктивно мчались вниз на равнину и, обессилев, здесь находили смерть.

В этот день Михаил Иванович насчитал сотни погибших за последние годы животных. А скольких он не сосчитал? Годы выбелили старые кости, их погрызли и растащили звери, однако часть скелетов сохранилась полностью. Он сбился со счета и горестно покачал головой: «Закон ограничения охоты на оленя очень запоздал, и может случиться, что скоро в тайге их останутся считанные единицы...»

Сейчас он со всей ясностью понял, как своевременно, еще на Аскольде четверть века назад, взял их под свою защиту и берегает от всех посягательств по сей день.

БРАКОНЬЕР

Туманным июльским вечером с западного перевала к хутору торопливо семенил Митюков. Прошагал двором прямо к крыльцу, взбежал по ступенькам и постучался в кабинет. Михаил Иванович уже засветил керосиновую лампу и, сидя за рабочим столом, четким острым почерком заполнял свои книги по коннозаводству.

— Здорово, Митюков, чего так запыхался?

— Шибко поспешал, Михал Иваныч. Ввечеру ктой-то стрелил в Смежной пади, а наши никто в ту сторону вроде не проходили. Стало быть, чужой. Я еще вчера приметил, — вроде бы дымокурчик из овражка вился. Да ведь этот чертов туман как залег, так три дни и ни с места, ничего толком не разглядишь. Чуть пронесет и снова здорова...

— Да, одолел нынче туман пуще обычного. Выстрел, говоришь? Подозрительно. Сегодня у нас и верно на пантовку никто не спрашивался. Кто бы это мог быть? А Андрей где?.

— Андрей Алексеевич ноне в Семивершинной, то не он. Этот дьявол бродит вдоль обрывов, я слыхал, там олени свистели. Приплыл, видать, стервец, морем, а лодку, поди, крепко припрятал, незаметно нигде. Залег теперича в чаще, а на заре опять зачнет браконьерствовать!

— Похоже, ты прав. Ну ладно, иди на кухню, поужинай и отправляйся назад в сторожку, а я чуть свет подскочу...

Едва светало, когда Михаил Иванович подъехал к указанному Митюковым распадку. Похрапывая и «играя селезенкой», Саиб шел свободной рысцой, оставляя позади в высокой, седой от мороси траве извивающуюся змейкой темную стежку. Слева показалась узкая, свободная от тумана, хмурая полоска моря. Михаил Иванович придержал коня, перевел на шаг. Становилось заметно светлее.

И вдруг, приглушенный туманом, не далее, как в полуверсте, бухнул одиночный выстрел. А следом за ним прозвучал протяжный, тревожный свист; мелькнули тени, процокали копытами несколько убегавших в горы оленей.

«Ага, где-то там, неподалеку от моря, в обрывах!»

Михаил Иванович стянул винчестер, положил его поперек седла и тихонько послал Саиба вперед. Не прошли и двухсот саженей, как перед ними, поперек пути, обозначился волок. На примятой траве — кровь.

Повернул коня по направлению волока. Еще сто шагов — и в кустах мелькнуло что-то бурое. Михаил Иванович спрыгнул с седла. Так и есть, олень! Даже не выпотрошенный, еще горячий, но уже обезглавленный. Значит, браконьер захватил только голову с пантами и кинулся к берегу, чтобы тут же скрыться на лодке. Но где она? Митюков вчера ее не обнаружил. Видно, ловкий хищник!

Янковский снова вскочил в седло и поскакал к невысокому обрыву, нависшему над бухтой. Над морем стеной стоял плотный туман. Он только чуть отступил от берега, оставив неширокую полосу отливавшей сталью воды.

Михаил Иванович спешился, быстро привязал Саиба к кусту и огляделся. «Этот черт где-то здесь у берега, под обрывом. Неужели успел столкнуть лодку и уйти? Не может быть, ведь я опоздал на какие-то минуты...»

И в этот момент из-за темных, обсаженных бакланами прибрежных камней на серую гладь воды вынырнула лодка!

Их разделяло меньше сотни шагов, и Михаил Иванович отчетливо разглядел стройную поджарую фигуру и молодое, с темными усиками лицо. Сейчас оно было бледно от волнения и напряжения.

Человек очень спешил. Почти ложась на спину, далеко назад забрасывал весла и сильными толчками гнал шлюпку в открытое море, в полосу тумана. Он еще не видел преследователя, но чутьем браконьера ждал его появления с минуты на минуту.

— Стой! Поворачивай, стрелять буду! — крикнул Янковский.

Мушка винчестера нащупала зеленовато-серую куртку, сделала нужный вынос. Палец лег на крючок. Теперь только плавно нажать, и парень ткнется носом в дно лодки. И все.

Но тот и не думал поворачивать, приналег еще сильнее.

«Но ведь совсем молодой, да и меня не стрелял. Нет, надо перебить греби или сбить уключину и взять живым, проучить».

Он поймал в прицел весло, и, когда беглец занес и опустил его в воду, — с обрыва рявкнул крупнокалиберный винчестер. Донесся сухой щелчок, весло вздрогнуло, от него отлетела большая щепка. Подняв фонтанчик брызг, пуля ушла в глубину. Гребец весь съежился и выронил весло, но оно не переломилось.

— Черт, выдержало! А ну, дай-ка в уключину... — Михаил Иванович передернул скобу, прищурился,

убрал дыхание, и — снова попал точно. Уключину заклинило, шлюпка начала разворачиваться.

Однако браконьер не растерялся. Мигом пригнулся, схватил лежавший под ногами маленький топорик и начал лихорадочно выправлять погнувшееся железо. Раздался третий выстрел. Видно, и эта пуля попала в цель, но дала рикошет. Человек вдруг странно дернулся, покачнулся, но вскочил на ноги, и, выхватив из гнезда другое весло, опустил его за кормой и начал быстро, по-азиатски, юлить. Остановившаяся было лодка снова набрала ход и, тускнея, втянулась в полосу тумана. Михаил Иванович чертыхнулся и опустил ружье.

«Ну да ладно, хорошо, что не продырявил. Зато теперь уж на всю жизнь запомнит!»

Услышал свист и оглянулся. С горки, до пояса мокрый от росы, спускался Митюков.

— Что, ушел?

— Уйти ушел, но я ему, кажется, нагнал жару!

— Я видал, как он завертелся. Кажись того, ожгли его малость, так ему и надо. Но прыткий, сатана: услыхал Саиба и айда налегке с одной головой. Да и убил-то второпях двухлетка, какие у него панты: шилья, за них и пяти рублей никто не даст...

* * *

За то недолгое время, что Юрий учился в гимназии, у него завелся дружок-одноклассник — Андрей Кочергин, ловкий, стройный, «прогонистый» парень. Юрия забрали домой помочь на хуторе, а Андрей сбежал из гимназии сам. Спутался с темной компанией, стал баловаться контрабандой и «легкой» охотой. Но ребята продолжали дружить. В детстве они соревновались в стрельбе из лука, а когда подросли, начали соперничать в пулевой. Стрельба из нарезного оружия по стандартным «офицерским» мишням все больше входила в моду. Во Владивостоке каждое лето устраивались крупные состязания, победителям доставались ценные призы, за первое место — золотая медаль. В числе юных стрелков постоянно выделялись двое: Юрка Янковский и Андрюшка Кочерги и. Спор между ними проходил с переменным успехом, хотя Юрий и стал обладателем золотой медали.

В это лето, когда они, как обычно, встретились на спортивном стрельбище, он заметил на руке друга повязку.

— Что это у тебя с рукой, Андрюшка?

— А то не знаешь!

— Правда не знаю, в чем дело? Андрей выглядел необычно смущенным.

— Ладно, отойдем, расскажу...

Они присели в стороне на скамейке. Кочергин снял повязку и протянул Юрию руку.

— Вот, смотри — на левой руке не хватало среднего пальца, но рана почти зажила.

— Кто это тебя?

— Как кто? Да твой же батька!

— Папа? Когда? А-а, постой, постой, так это ты в прошлом месяце был на лодке?!. А мы все гадали... Я ж тебя сколько раз предупреждал: коли не можешь не браконьерить — твое дело, но к нам на Сидеми не лезь, у нас охрана поставлена как надо!

— То-то и оно, что говорил, не спорю. И верно, охрана налажена здорово. Да черт попутал, понес туда. Вот и оставил мне Михаил Иванович метку на всю жизнь. Но, брат, спасибо ему.

— Благодарность за то, что без пальца оставил? — Серо-зеленые материнские глаза Юрия озорно заскрились. — За науку, значит, спасибо?

— И за науку, конечно. — Андрей потрогал темные усики. — Но, главное, я же понимаю: ну чего ему было ту пулю мне в башку не всадить?! Уж коли в весло да в уключину на полном ходу лепит без промаху, то в человека-то с закрытыми глазами попал бы. А там камень на шею, бух в море — и концы в воду!.

— Папа и дома говорил, что только попугать хотел. Молодой, мол, совсем мальчишка.

— Понятно, пожалел. А попадись я, к примеру, нашим староверам на Сице или охране на острове Путятина — пустил бы твой Андрюшка Кочергин пузыри! Так что передай твоему бате поклон. Скажи — не обижается, мол, Андрей и больше на Сидеми ни ногой, вот те крест. А ежели и соберусь еще пошкодить, только не туда. Слово даю.

Кочергин сдержал слово и больше никогда не появлялся на полуострове. Но через несколько лет после отчаянной перестрелки с настигшей его охраной погиб от егерской пули и утонул у берега острова Рикорда.

КОРЕЯ И АМЕРИКА

Ольга Лукинична распахнула дверь рабочей комнаты мужа.

— Михаил Иванович, к нам гости...

Секретарь Приморского отделения Русского географического общества пропустил вперед представительного молодого человека с небольшой клинышком бородкой.

— Здравствуйте, разрешите вам представить нашего молодого ученого Владимира Леонтьевича Комарова. У нас есть письмо от вице-президента общества, господина Семенова-Тян-Шанского. Он просит содействовать господину Комарову в намеченной экспедиции по соседним странам.

Все обменялись рукопожатиями, хозяин рассадил гостей.

— Каков же ваш маршрут и основные задачи, Владимир Леонтьевич? — поинтересовался он.

— Получил задание пересечь северную Корею от устья Тюмень-Улы до верховьев Ялу, а там перейти на маньчжурсскую сторону. По пути произвести съемку местности, этнографические исследования, собрать предметы национальной утвари и, конечно, ботанические, энтомологические и орнитологические коллекции. В Петербурге знают о вашей дружбе с корейцами, начальство надеется на вашу помощь.

— Может быть, выделите для этой цели кого-либо из ваших сыновей, Михаил Иванович? — добавил секретарь, — мы знаем, что они уже бывали в Корее, имеют опыт, навыки. Помогли бы со сбором коллекций. Да и с языком и бытом, наверно, знакомы.

— Специального образования мои ребята, к сожалению, не получили, но сборами занимаются с детства. Умеют ловить, определять и препарировать. Пожалуй, дам вам старшего, Александра. Пусть дойдет с экспедицией до верховьев Ялу, а там отпустите. Дальше вы пойдете в Маньчжурию, а китайского языка он не знает. И возвращаться придется, вероятно, одному, В Корее-то, я знаю, его никто не обидит, может переночевать под любым кустом: у нас с корейцами, действительно, давняя дружба.

— Буду очень рад иметь такого помощника, Михаил Иванович, спасибо. И, конечно, отпущу по первой его просьбе!..

Михаил Иванович помог с организацией путешествия, выделил лошадей. Экспедиция Владимира Леонтьевича Комарова — будущего президента АН СССР — выступила в мае 1897 года. Кто шел, кто ехал верхом. Скарб везли выручные кони, тракта в северной Корее в те годы не существовало. От устья реки Туманган отряд двинулся на запад сперва извилистыми тележными дорогами, а дальше узкими тропами. Тянулись сквозь перелески и аккуратно возделанные поля, засеянные чумизой, кукурузой и бобовыми культурами. Миновали селения с крытыми соломой и черепицей одноэтажными фанзами, хуторки и обнесенные каменными стенами уездные города: Онсон, Хойрен, Мусан.

Крестьяне встречали приветливо. Королевские чиновники — вежливо, но подозрительно. Вели себя важно, носили белоснежные халаты с бантом на груди и черные, сплетенные из конского волоса шляпы-пагоды, в зависимости от ранга и дворянского достоинства — о трех, пяти и семи углах!

Александр добывал для Комарова бабочек и птиц, вел свой «орнитологический дневник».

Крутые перевалы и реки без мостов не давали делать больших переходов, только в августе экспедиция достигла подножия знаменитого в Корее потухшего вулкана Пяктусан Обошла белоголового старца с юга, одолела покрытый мачтовым лиственничным лесом водораздел и вышла к истокам Ялу. Здесь миссия Александра Янковского и переводчика корейца Кима оказалась законченной.

Здесь они и распорощались. Экспедиция переправилась на северный берег Ялу, Александр с Кимом зашагали на юг. Долгий, через множество перевалов, лежал их путь к морю. Только в октябре выбрались они на побережье, пришли в знакомый порт Вонсан. Там сели на пароход и через несколько дней оказались дома.

Дружба Янковских с будущим академиком сохранилась на всю жизнь. Впоследствии Комаров еще не раз был гостем Сидеми, где, кстати, за обеденным столом состоялась их первая встреча с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым.

Александр привез свой толстый дневник и массу ярких впечатлений. Его слушали до поздней ночи.

— Видел корейские праздники, — рассказывал он. — Сначала весенний — «тано». Парни и мужики состязаются в стрельбе из луков, борются, продев руку в тряпичное кольцо, которое опоясывает бедро противника. Бросают друг друга через голову и по-всякому. Крик, шум! Кто переборет всех, танцует под флейту и барабан, забирает первый приз — быка с красным поясом и медными бляхами. Под конец победитель садится на него верхом и уезжает под музыку к себе в деревню. А девки и молодые бабы на высоченных качелях соревнуются, достают ногами перекладину с колокольчиками. Которая больше всех прозвенит, та и выиграла. Для них первый приз — несколько кусков материи. Все в разноцветных кофточках, в глазах рябит!

— В первом же селении, когда Ким упомянул ваше прозвище и сказал, что я ваш сын, сбежалась вся деревня. Шепчут: «Нэнуни атыри, Нэнуни атыри», — сын Четырехглазого. И так на всем пути через горы, до Вонсана. Кормили, поили и денег брать не хотели!

— Скажи, пожалуйста, значит прослышили уже и там. Далеко.

— Просто удивительно, как легенда о вас и Син Сolle успела облететь чуть не всю северную Корею.

— Я всегда поражался, с какой быстротой их устная почта разносит всякие были и небылицы. Да, а знаменитый осенний перелет под Вонсаном вы захватили?

— Перелет сказочный! Если у нас на Лебяжьей лагуне весной бывают десятки тысяч, то там — сотни, или даже миллионы. Гусей на полях — черно! Но не подпускают. Однако Ким их перехитрил: взял под уздцы коня, спрятался за ним и подошел на выстрел. Те вытянули головы, вот-вот слетят, а он ка-ак даст дуплетом из своей двадцатки! Поднялись, как заорут, я чуть не оглох. И все небо закрыли. А мы тут же на месте собрали девятнадцать казарок...

Отец помог обработать и издать при содействии географического общества «Орнитологический дневник Александра Янковского». Он думал, что Шура увлечется наукой, но братья запоем читали Майн Рида и Фенимора Купера. Может быть, именно они и смутили неуравновешенную душу Александра: в один прекрасный день он заявил родителям, что твердо решил ехать в Америку...

Нелегко было собрать нужные деньги, но их собрали, и Шура уплыл из Владивостока в Иокогаму, а оттуда прямым пароходом в Сан-Франциско. Писал аккуратно. Через несколько месяцев сообщил, что решил ехать на строительство Панамского канала. Оттуда написал, что устроился на сооружении шлюзов плотником. Что, как видно, унаследовал способности отца, им довольны. Зарабатывает хорошо, живет весело.

Юрию писал, что сейчас все в Америке только и говорят о золоте Аляски и он вскоре думает махнуть, туда.

Эти письма Юрий читал Анне. Она уже закончила конвент в Японии и вернулась домой, принялась энергично помогать по хозяйству.

Как-то брат с сестрой решили развлечь рабочих чтением и явились после работы во «дворец».

«Дворцом» на Сидеми окрестили кирпичный одноэтажный домик с крылечком, построенный для русских рабочих. Для корейцев была выстроена типичная корейская фанза.

Юрий и Анна явились в общежитие вечером. В уютной комнате сидели несколько человек. При свете большой керосиновой лампы каждый занимался своим холостяцким делом: кто шил, кто починял, кто сучил дратву. Старшим среди всех был Митюков.

Юрий устроился под лампой и раскрыл любимую книгу. Он читал старательно, с выражением. Закончил первую главу, дошел, как он считал, до самого захватывающего места и остановился. Ему очень хотелось видеть, — какое впечатление книга произвела на слушателей, хотелось, чтобы его поторопили скорее добраться до развязки. Он обернулся к Митюкову.

— Ну как, интересно?

Старик сосредоточенно грыз соломинку, разглядывая что-то на потолке. Он обернулся и закивал:

— Интересно, интересно, Юра, как же, А теперь — из другой книжки почитай!

Брат с сестрой переглянулись. Остальные все были заняты своими делами и, видимо, не слышали ни чтения, ни разговора. Нюта незаметно толкнула брата в бок.

— Пойдем, Юра. Потом дочитаем. Всем, наверное, уже пора спать.

Они собрали свои книжечки и вышли на улицу. Стояла теплая ночь, светила луна.

— Ты знаешь, я заметила, они совсем не вникали. Видно, просто не привыкли к чтению. Наверно, нужно начинать с чего-то полегче, может быть, со сказок?

Юрию было немного смешно, но в общем он был раздосадован.

— Вот ты теперь и читай им сказки, с меня хватит. Раз таких интересных вещей не понимают, я больше не пойду. Нет, как вам нравится: «Интересно, как же. А теперь из другой книжки почитай!» — он передразнил скрипучую интонацию Митюкова.

— Нет, я посоветуюсь с папой и подберу, что он подскажет.

— Ладно, это твое дело. А я вот о чем хотел с тобой поговорить. Слушай, — Юрий атаковал сестру неожиданно и круто: — Ты поддержишь меня, если я тоже попрошу в Америку?

— Ты чего? Тоже, как Шура? Что вы оба с ума сошли по этой Америке!

— Нет, ты послушай, ведь мне скоро двадцать лет. У Шурки там Панама, Аляска, золото. Мне этого не надо. Я решил проситься года на три, хочу выучить язык и все то новое, что есть у них в сельском хозяйстве и коневодстве. Хочу побывать в прериях Техаса, поработать на фермах. Все это должно потом нам очень пригодиться!

— Это другое дело. Тогда просись. А я скажу, что беру часть твоей работы на себя. Зато, когда вернешься, — я поеду по России. Тогда ты меня поддержишь, ладно?

— Конечно, обещаю. Лишь бы папа отпустил меня в этом году. Я ведь знаю — от моей поездки будет польза всем. Может быть, и чистокровных лошадей удастся привести!

— Знаешь, сначала с мамой поговори, попроси ее, И скажи, что я — за. Мама поможет.

— Я тоже так думаю.

На следующий вечер в столовой после ужина состоялся семейный совет.

Михаил Иванович согласился не сразу, В самом деле, нелегко было надолго оставаться без двух старших помощников. Ян, хотя и заканчивает иностранную школу в Японии, сразу пойдет учиться в

мореходное училище во Владивостоке. А Павлика только недавно отправили в первый класс в Иокогаму.

— Ты говоришь, хочешь учиться. Отлично. Но на отцовские деньги это каждый может. А ты докажи, что сумеешь сам заработать и на жизнь и на ученье. На дорогу мы тебе соберем, но содержать в Америке два-три года не сможем, знай это.

— Я ко всему готов. И на дорогу дайте сколько сможете, лишь бы хватило в третьем классе добраться. Вы ведь знаете, — я не боюсь никакой работы, а научусь многому.

— Так и быть, попробуй. Посмотрим, что выйдет, А если не осрамишься, года через два соберу денег, чтобы на обратном пути привез чистокровных английских производителей.

КУПЕЦ

Юрий собрался быстро. Во Владивостоке зашел к тетке Наталье Осиповне, одной из дочерей Куркутовых, у которых когда-то в девушках жила Ольга Лукинична. Муж тетки — коммерсант — дал к своему родственнику в Америке рекомендательное письмо.

На шевелевском пароходе Юрий пересек Японское море, прибыл в Иокогаму. Оживленный японский порт произвел неизгладимое впечатление. Скрежет трамваев, звонки и окрики босоногих рикш с высокими двухколесными колясками; длинные кимоно с широкими поясами, веера, зонтики; освещенные желтыми фонариками тележки ночных торговцев бананами, сладким картофелем и каштанами; дробный перестук тысяч пар деревянных сандалий «гета» — все это было необыкновенно и ново.

С большими трудностями купил самый дешевый билет третьего класса и доплыл до Сан-Франциско. Наконец Америка! Белые, черные, желтые лица. Невиданные костюмы, шляпы. Разноязыкая непонятная речь. Огромные трамваи и поток самых различных экипажей и повозок, влекомых крупными сытыми лошадьми...

Нужно было проехать с пересадками тысячи миль по совершенно незнакомой стране! К счастью, неожиданно помог добрый попутчик негр, с которым они как-то легче понимали друг друга. Помогло и точное, четкое расписание железных дорог. В общем, без знания языка, он все-таки преодолел огромное расстояние от Тихого океана до Миссисипи и добрался до городка Хайлэнд.

Домой писал аккуратно. Рассказал о том, что на океанских пароходах белым с «цветными» ездить не разрешается и во время мучительных объяснений при покупке билета в отвратительный, «улучшенный для европейцев» третий класс его единственный переводчик, едва выглядавший из-за конторки первоклашка Павлик так переволновался и расстроился, что расплакался прямо перед кассой. Описал свои мытарства в пути и наконец о том, что чета Хилди, к которым было адресовано рекомендательное письмо, оказала ему самый радушный прием. Хозяин разрешил построить на чердаке отдельную комнатку, в которой Юрий сейчас живет.

Работает на него, Хилди, молочном заводике, в свободное время помогает по хозяйству и усиленно изучает английский язык. В этом ему помогают миссис и мистер Хилди, которые относятся к нему, как к сыну.

Позднее писал, что на заработанные деньги купил велосипед, объездил на нем три штата, работал поденщиком на разных фермах. Изучал быт, технику, передовое ведение хозяйства и, конечно, продолжал совершенствоваться в английском.

Спал чаще на сеновалах, но питался, как здесь принято, за общим столом, Ходил за лошадьми, пас свиней, доил коров, помогал собирать и сушить фрукты. По воскресеньям хозяйские дочки катали его в экипаже.

Потом сообщил, что мистер Хилди обещал устроить его следующей осенью вольнослушателем в сельскохозяйственный институт. А весной он едет в Техас, будет изучать коннозаводство.

Свой первый, заработанный на ферме серебряный доллар хранит, как памятный сувенир для мамы...

От Александра долго не было никаких известий. Боялись, что погиб по дороге на Аляску. Но, наконец, оттуда, с севера, пришло долгожданное письмо. Шура писал, что они, четверо, в самом деле едва не погибли на пути в Клондайк. Под конец съели своих ездовых собак, тащили нарты на себе, голодали, обморозились. Но, слава богу, добрались, и теперь подлечились, окрепли. Сейчас уже застолбили на Юконе участок, приступили к промывке песка. Идет неплохо. Те, кому везет, зарабатывают здесь бешеные

деньги...

Михаил Иванович внимательно перечитывал письма обоих сыновей. Юрием он был доволен. А над письмом Александра покачал головой и сказал слушавшим его жене и дочери:

— Не верю, чтобы Шурка добился большого успеха старателем. Для этого нужно быть настоящим мужчиной, а он неуравновешен и слабоволен. Я столько лет проработал на золоте и знаю: лучше не искать его под землей, — слишком ненадежно. Гораздо легче закопать, чем выкопать. Нужно уметь замечать и находить золото на земле!

Анна честно старалась заменить брата. В шароварах и куртке, с хлыстом в руке, с утра бывала в седле. То облезжала табуны, проверяя пастухов, то скакала на ферму племенного скота на берегу речки Сидеми. Издали ее легко было принять за плотного парня. В четырнадцать лет, прыгая с парнями через костер, Нютка зацепилась за корягу и рухнула в огонь. Все ахнули и растерялись, думали ей конец. А она выкатилась из костра и пылающим факелом нырнула в реку, отделавшись пустяковыми ожогами.

Теперь, правда, Нюта остынула. Вечерами, помимо чтения и бесед с отцом, успевала учить грамоте детей пастухов. И терпеливо ждала возвращения Юрия.

Между тем домашних пантачей на Сидеми становилось все больше, они тоже требовали ухода. Михаил Иванович сконструировал станок для спиливания пантов, который позднее стал образцом для всех оленеводов Приморья. Соседи-новоселы поняли выгоду пантового хозяйства, начали наезжать, просили уступить несколько голов на расплод. Так полуостров стал «рассадником», как говорил Михаил Иванович, пятнистого оленя в Приморском крае.

Как-то в перерыве заседания географического общества Михаил Григорьевич Шевелев сказал Янковскому:

— Давно хочу дать вам один совет. Сидеминское оленеводство, как и женьшеневое хозяйство, растет, в последний приезд оно меня просто поразило. Советую познакомиться с представителем крупной фирмы из Чуфу Тун-Чуй-куном. Это честный и порядочный человек. Скажите, что рекомендовал я.

Янковский и Тун познакомились. И теперь отпала надобность обивать пороги разных аптек, Тун-Чуй-кун всегда сразу давал настоящую цену.

У некоторых купцов тех лет были свои традиции и этика. Постоянному клиенту такой купец помогал и даже поддерживал в трудную минуту кредитом. Однажды Михаил Иванович слышал, как Тун поучал охотника, которому одолжил порядочную сумму денег.

— Через месяц деньги нету — ничего. Только приходи, говори. Опять нету — опять пришел, честно сказал — еще нету. Это ладно. Только если срок пришел, а тебя нету — а-я, так шибко худо! Если люди честна слова нету — наша его человека не считай!..

Михаил Иванович застрелил в оленнике самого драчливого, калечившего молодых, пантача. Вырубил панты вместе с лобовой костью, укрепил на дощечке, приплыл на попутной шхуне во Владивосток и отправился к Туну. Он вошел в большую сумрачную комнату нижнего этажа аптеки-лавки и снял темные очки. После давнего ослепления, которое когда-то так заботливо лечила Катя Полозова на Уссури, он еще раз пострадал от сверкающего снега на весенней охоте у озера Ханка. Потом в саду во время прививки повредил левый, и теперь постоянно берег глаза от яркого света.

В лавке царило оживление. Оборванные, пропахшие потом и дымом костров, два охотника таза, старый и молодой, топтались у высокого прилавка. За прилавком в длинных синих халатах стояли старшие и младшие приказчики. Из рук в руки переходили небольшие, но толстые, в три отростка, покрытые пушком две пары пантов. Торговались азартно: хлопали друг друга по плечу, обменивались таинственными

рукопожатиями, Это был условный, безмолвный торг при помощи одних пальцев.

Люди то хмурились, то улыбались. Кивали или отрицательно качали головами. Сизый дым от нескольких трубок застыл неподвижным облаком. В лавке резко пахло чесноком и восточными пряностями.

Но вот торг подошел к концу, и на прилавке зазвенели маленькие романовские золотые и большие китайские серебряные даяны.

Довольные охотникисыпали деньги в кожаные мешочки, спрятали их под куртками на пояса, раскланялись и вышли; Михаил Иванович поставил свой товар на прилавок и попросил позвать хозяина. Мальчик легко затопал войлочными подошвами по лестнице на второй этаж, и вскоре, поблескивая в улыбке золотым зубом, выплыл Тун-Чуй-кун.

Он потряс руку гостя двумя мягкими теплыми ладонями и приказал помощникам подать чай. Потом распахнул занавеску и ввел посетителя в узкую гостиную с неуклюжими деревянными креслами и продолговатым столом посередине. На стене висело мутное зеркало, повсюду расклеены дешевые репродукции набеленных и нарумяненных красавиц, улыбающихся среди розовых пионов.

Быстро окинув опытным глазом панты отстрелянного в загородке оленя, Тун-Чуй-кун сказал:

— Эта олени сопка стреляй нету. Вы дома олени держи?

— А ты как догадался?

— А-я, Тун-Чуй-кун кругом понимай. Который олень сопка живет, туда-сюда бегает, панты непременно мала-мало царапает. Эти ваши панты чистые, как старовера Поносова одинаково. Его олени тоже в загородке сидят.

Михаил Иванович уже слышал эту фамилию. Энергичный и предприимчивый старообрядец Семен Яковлевич Поносов прибыл в край в конце восьмидесятых годов. Поставил заемку на речке Сице, северо-восточнее Владивостока и через несколько лет тоже принял разводить оленей. Но не ловил оленят и не выращивал. Семен Яковлевич использовал чужие лудевы, которые обнаружил в тайге неподалеку от своего хуторка. Зная, что ловушки эти противопоказаны, а, следовательно, хозяева на него не заявят, хитрый старовер попросту вытаскивал из ям попавших туда оленей и помещал в свою загородку. Покалеченные гибли, от здоровых появлялся приплод. Впоследствии он перевез животных на север, в бухту Валентин. Хозяйство было некрупным, но тем не менее Поносов справедливо считался одним из пионеров пантового оленеводства в Приморье.

— Я слышал о Поносове, но еще не встречался с ним.

— Поносов олени много нету. Я слыхал, ваша Сидеми больше.

— Верно, у нас в загоне порядочно, а в лесу тем более. Но когда на море тайфун, в город скоро не попадешь. А в жаркую погоду панты, сам знаешь, как быстро портятся. Вот если бы умели варить и сушить на месте, тогда другое дело.

— Русска люди панты вари, суши никогда не могу. Это шибко трудно, большой секрет.[\[3\]](#) Моя думай так: наша мастера можно к вам посыпать. Они кругло лето на ваша заемка живи, все панты сразу на месте варить, сушить будут. Вам надо крепко подумать, будем дружно работать. Я слыхал — ваше слово крепко, Тун-Чуй-кун слово тоже крепко.

— Хорошая мысль. Шевелев говорил — ты честный купец. Только нынче уже поздно. Да на тот год и пантачей будет больше, молодые подрастают. А у нас там еще и женьшень есть.

— Слыхал, слыхал. Шевелеф говорил, ты на сопка много женьшень посадил. Это очень интересное

дело. В сентябре я на ваше Сидеми пойдем, все кругом посмотреть будем. Ты, я — оба сердце прямо. Нам нужно друг друга рука крепко держать, тогда никакой худой люди нам никогда мешать не будет!

БОКС НА КОРАБЛЕ

Юрий сообщал родителям, что все лето провел в Техасе, работал ковбоем на крупном ранчо француза Котэ. Описывал, как ему удалось укротить полудикого мустанга Блэки, который сбрасывал всех, пытавшихся его объездить. О том, как научился владеть лассо и как они, ковбои, заарканили взбесившегося и запоровшего насмерть нескольких волов бугая. О том, как перегоняли по прерии тысячное стадо волов и они, изнеможденные зноем, почувствав воду, ринулись в речку такой плотной массой, что она мгновенно вышла из берегов!

Осенью он вернулся в Хайлэнд, где, верный своему слову, мистер Хилди устроил его вольнослушателем в сельскохозяйственный институт. За эту зиму он прослушает курс лекций по животноводству и тогда будет считать свою основную задачу выполненной. Кстати, ему уже не раз предлагали здесь очень выгодную работу, но он соскучился и рвется домой.

Читая последнее письмо, Михаил Иванович с удовлетворением окинул взглядом внимательно слушавших его Ольгу Лукиничну и Анну.

— Молодец Юрка. Добился-таки своего. К весне надо подготовить денег, пусть на обратном пути подберет и приведет двух-трех чистокровных и чистопородных копей. Вот тогда мы выведем своих скакунов и рысаков не хуже орловских! Сегодня же напишу ему об этом.

Третья на чужбине весна застала Юрия на пути в Сан-Франциско. Здесь его ждали перевод и письма от отца, Анны и Александра. Шура сообщал, что они напали на богатые россыпи, наконец он обеспечен и решил прокатиться вместе с братом домой. Пусть теперь на него полюбуются отец и прочие скептики, пророчившие неудачу! На днях открывается навигация, он выедет в Сан-Франциско с первым пароходом, а оттуда они тронутся домой вдвоем.

Юрий сосредоточенно перечитал отцовское письмо. Главное — нужно подобрать отличных производителей. Необходимо выбрать действительно первоклассных, но желательно подешевле. За эти же деньги да головы три-четыре — вот бы хорошо! Но как это осуществить? Нужно быть ближе к делу: попасть на ипподром, попытаться устроиться конюхом. Там будет виднее.

В тот же день он нанялся на работу и все получилось, как в сказке. Через неделю хозяин конюшни, рыжий ирландец мистер Браун, крупно проигрался и, чтобы выйти из положения, решил срочно продать несколько лошадей. Этим он поделился со своим конюхом и спросил совета:

— Понимаешь, Джордж, влетел я вчера в историю — продулся в пух и прах! Не хочу унижаться и просить кого-то, давать повод злословию, однако деньги нужно достать сегодня же. Придется продать часть моих скакунов и рысаков. Поискать бы ты покупателя, а? Мне как-то неловко...

Слушая, Юрий продолжал водить щеткой по золотистому крупу красавца Бангора. Он давно уже наметил четырех лучших коней Брауна и теперь не верил своим ушам. Однако спросил почти равнодушно:

— А сколько бы вы хотели за Бангора, Топика, Куин и Морнинг Стар, сэр?

— Ого, губа не дура. Видно, ты в самом деле разбираешься в лошадях, парень, коли назвал именно этих. А Бангур — это вообще звезда Калифорнии! Но сегодня затронут вопрос чести, а срок истекает, поэтому если бы мне дали наличными три тысячи золотых, я бы, черт возьми, продал и его!

Юрий, попытался сохранить безразличную мину.

— Что ж, мистер Браун, я, пожалуй, возьму у вас эту четверку.

Браун вскинул рыжие брови, потом нахмурился.

— Ты шутишь, а мне не до смеха.

— Почему шучу? Если согласны — едем в банк.

В банке Браун остановился в стороне от кассы. Было похоже, что он все еще опасался какой-то провокации, не верил. Но когда седой кассир, проверив чек, начал выставлять в окошечко желтые стопки монет по десять долларов каждая, — он подошел и хлопнул Юрия по спине.

— Браво, Джордж! Только скажи честно, — выиграл в карты? Я не могу понять, откуда у простого ковбоя могут быть такие деньги?!

— Все очень просто, сэр. Я — русский. Мой отец имеет свою ферму около Владивостока. Вот по его заданию я и увезу ваших лошадей на Дальний Восток.

— Ах черт! Ловкий же у твоего отца сын! Будь я проклят, если бы в другое время продал своих коней. Но — Браун никогда не нарушал слова, и теперь они твои. Кстати, я очень рад, что мои лошади не попадут в чьи-то руки здесь, в Сан-Франциско, и станут брать призы в России, во Владивостоке. Запомните, вы будете иметь от них великолепное потомство!..

В тот же день Юрий получил от брата с борта парохода лаконичную телеграмму: «Срочно вышли телеграфом 25. Александр». Видно, Шурка сдал все деньги в банк, везет в чеках, но не рассчитал, не хватило в пути на расходы... Юрий пошел на телеграф и сделал перевод.

Он снимал небольшую комнату в частном пансионе. Через два дня, когда Юрий сидел вечером за письмом-отчетом отцу, в дверь постучалась хозяйка и как-то неуверенно пролепетала:

— Мистер Янковски, вас спрашивает один э-э... человек... немножко странного вида. Он ждет в холле. Можно ему зайти?

— Конечно, просите.

Через минуту скрипнула дверь и как-то нерешительно, бочком, порог переступил незнакомый оборванец. В истрапанной куртке, драных ботинках, обросший темной бородой. Бросались в глаза только новенькие дешевые джинсы.

— Вы ко мне? — спросил Юрий по-английски и встал.

— Это я, — сказал бродяга по-русски и виновато улыбнулся. И только теперь, по улыбке, Юрий узнал брата.

— Шурка! — братья обнялись. — Что с тобой, ты же писал...

— Ты понимаешь, воры-золотоискатели обокрали на пароходе. Дурак, не успел сдать деньги на почту или в банк, все вез с собой, и вот обчистили до нитки, проклятые!

— Ну, ладно, хорошо, что жив. Ведь такие, бывает, прихлопнут, да и за борт. Проходи, умывайся, а я попрошу хозяйку дать нам поесть. Но в чем это ты одет, что за маскарад?

— Так сперли же все, даже костюм. Эту рвань собрали попутчики, не мог же я выйти на берег в одном белье?! А штаны дали такие, что в них идти не рискнул. На последний доллар из тех, что ты прислал, купил в лавке в порту вот эти...

Позднее раскрылось, что история эта была чистейшей легендой, никто Александра не обворовывал. В действительности, став азартным игроком, он до нижнего белья проигрался на пароходе в покер и в рулетку. А выдавать «сменку» в виде любого тряпья, лишь бы прикрыть стыд, было, очевидно, неписанным законом жулья всех времен. Накормив брата, Юрий сказал:

— Домой все равно поедем вместе. Папа велел подобрать чистокровных производителей и нанять до

Владивостока помощника. Лошадей я купил, а помощником теперь будешь ты. Завтра же достанем тебе приличную одежду.

Через несколько дней океанский лайнер «Корея» покидал берега Калифорнии. Он держал курс на Гаваи, а оттуда, через Японию, во Владивосток. В хорошо оборудованном отсеке рабочей палубы стояли два чистокровных скакуна и две рысистые кобылы. Всем им суждено было стать прародителями целой плеяды «звезд» и покорить сердца лошадников — любителей бегов и скачек на русском Дальнем Востоке.

Братья возвращались на родину в приличной каюте, второго класса. Модные клетчатые костюмы, котелки, бородки и бакенбарды произвели большое впечатление и во Владивостоке, и дома. Но особый восторг вызвали холеные, невиданно статные кони. На Сидеми их устроили с комфортом — каждого в своем просторном, светлом деннике.

В первый вечер рассказам, естественно, не было конца. Александр описывал тропики Панамы, снега, холод, голод и золото Аляски. Юрий рассказывал о полудиких мустангах и ковбоях Техаса, о больших городах и образцовых фермах, где он работал поденщиком у самых разных хозяев.

Анна, свободно владевшая английским, задала вопрос:

— Юра, а ты скоро научился хорошо понимать?

— Да не очень, бывали конфузы. За одной хозяйствской дочкой, мисс Мэй, я немного ухаживал. И вот сидим мы за чаем на дне ее рождения, она указывает на стол и что-то говорит. Показалось — предлагает попробовать. Ну, я из скромности говорю: «Нет, спасибо». А она как расхохочется: «Да я же просила положить мне кусок кекса!» Все, конечно, рассмеялись — и я тоже...

Поступивший недавно в мореходное училище, Ян спросил:

— Ну, а драться часто приходилось?

— Не очень, Недавно, правда, мы косили сено и к нам втесался наглый тип, Здоровенный, лежит под телегой и прохлаждается. Кто ему слово скажет — в морду. Я обозлился, говорю — вставай, работай. Он вылез и ко мне: «Ах ты, русская свинья, я тебя!..» А я схватил стальные вилы, сделал, как умею, страшную рожу и на него: «Запорю!» Все думали, мне капут. А он взвизгнул и ходу. Запнулся, упал, юрк под телегу, да как завопит: «Спасайте, убьет!» Я делаю вид, что меня держат и кричу: «Чтобы твоего духу не было!» Он выполз из-под телеги и бегом на ферму.

— А на мисс Мэй не собирался жениться? — улыбнулась, мать.

— Однажды она спросила: «Как вы в Сибири среди снегов и медведей живете? В шахтах под землей?» Я отвечаю: «Медведей у вас в Америке не меньше, а живем мы в домах. Летом в море купаемся, по горам скачем. В лесах у нас олени, есть и тигры». А она: «Как бы я хотела все это посмотреть!» Тут я и ляпнул: «Хотели бы поехать со мной?» «С удовольствием», — говорит. И нас вроде бы уже считать женихом и невестой, да мне пора было ехать в Техас...

— И как Техас, понравился? — спросил отец.

— Я многому там научился, но не понравилось отношение к цветным. Лучшим среди нас ковбоем был мулат Джим. Красавец, великолепный наездник, мы дружили. Так представляете, белые рабочие обедают с хозяином в столовой, а Джим — лучший из всех — с неграми на кухне. Однажды они заспорили о чем-то по работе с хозяином, а тот и говорит: «Ну, Джим, если ты окажешься прав, я посажу тебя с собой за стол!» Понимаете, это — как высшая награда!..

В этот вечер повидать «американцев» в доме собралось много молодежи: дочки Гека, братья Сухановы, крупные фермеры с острова Путятинна Старцевы.

— Лучше послушайте, как Юрка боксировал на пароходе, — вмешался Александр, и все посмотрели на Юрия.

— Вот где я влип в историю! Как только вышли из Сан-Франциско, администрация вывесила расписание увеселительных игр с предложением записываться всем желающим принять участие. Тут и теннис, и игра, в которой двое, сидя верхом на гладком бревне, сближаются над бассейном и лупят друг друга подушками, пока один обязательно в костюме и шляпе, не бухнется в воду. Ну и бокс. Я в Хайленде тренировался порядочно и решил: подумаешь, попрыгаю на ринге, потешу публику. И записался. А всего нас оказалось трое: француз Жак Ламбертон, немец Ханс — фамилия какая-то длинная, да я. На счастье в первый день драться выпало тем двоим. Француз оказался техничным боксером, но немец был много тяжелее, выше, и длиннорукий. Он поймал Жака на удар снизу в челюсть, тот упал. Как продержался до конца — удивительно. Физиономия под конец была — страшно смотреть!

Анна задала каверзный вопрос:

— А ты после этого не струсил?

— Как не струсить? Пришел в каюту, лег на койку и думаю: что делать? Отлупит меня немец, как бог черепаху. Но как отказываться, это же позор. Скажут — русский испугался... И вдруг стук в дверь. Смотрю — вползает Жак Ламбертон, все лицо в примочких, в пластырях. Вы, спрашивает, должны драться с этим Хансом через три дня? Видели, как он меня разукрасил? Нравится? Нет — отвечаю. Очень хорошо, — говорит, — тогда я вас научу его коронному приему. С завтрашнего утра будем тайком от всех тренироваться в углу грузовой палубы, или в каюте. Покажу вам, как его апперкоты парировать. Идет? Идет, — отвечаю, а сам думаю: ты, брат, хитер, хочешь отыграться моими боками! Но делать нечего.

Все слушали с напряжением, а Шура не выдержал:

— Я смотрю — по пароходу афиши расклеены: «утром такого-то — бокс, финал. Немец против русского». Народу собралась тьма. Дамочки в шляпках с перьями, джентльмены в котелках. Из первого и второго классов все на сидячих местах, а остальные где попало, стоя. Некоторые даже в спасательные шлюпки залезли! Ну, дальше пусть он сам расскажет.

— Как попер на меня длиннорукий — только успевая уворачиваться. Раз поскользнулся и упал. Встал — он снова на меня. Но, хорошо, кончился первый раунд. Во втором я как-то приоровился, но атаковал больше он.

— А немцы собирались в одном углу и орут: дай, ему, Ханс, дай! Но остальная публика молчит, — вставил Александр.

— В третьем он снова налетел на меня со своим апперкотом. Но я ушел, а он проскочил и подставил челюсть. Я — раз! И он на полу!

Шура не вытерпел, вмешался снова:

— Вот тут-то вся остальная публика как заревет: «Русс, Джордж, — откуда только узнали, как его зовут, — бей его, бей! Еще!» И тут Юрка...

— Он разозлился, кинулся на меня и снова попал на мой хук — это боковой удар так называется. На этот раз грохнулся так, что было слышно, как стукнулся головой о палубу. Но на восьмом счете поднялся. Схватился за канат, качается, а тут последний гонг, и судья поднял мне руку: «техникэл нокаут!»

— Видели бы, что в этот момент творилось! — Шура обнажил в улыбке крупные прокуренные зубы. — Мужчины его качали, жали руки, а молодые леди поднесли цветы и... даже целовали!

— Правда, Юрка, правда? — Анна с восторгом смотрела на брата.

— Да я как следует и не запомнил, закачали. Потом капитан преподнес мне вот это...

Смущенный общим вниманием Юрий полез в карман, достал коробочку и передал матери.

— Вот, мама, пусть лежит у вас.

Ольга Лукинична, улыбаясь, вынула золотые с эмалью запонки... На них было выгравировано:

Все зашумели:

— Покажите, покажите, тетя Оля... — и запонки пошли по рукам. Последним, не без тайной гордости, рассматривал их отец.

В это лето на Сидеми собралось особенно много молодежи. В свободное время все купались в море, катались на лодках, верхом. На пляже Табунной пади жгли по ночам костры, при факелах острогой с лодки лучили притихшую на дне рыбу: порой добывали огромных черных скатов с опасным электрическим зарядом в хвосте. Жаркими погожими днями завозили на лодке сеть, забрасывали ее полумесяцем и тянули с двух концов к берегу. Когда круг сужался, вода в кольце поплавков кипела, как в громадном котле. Тогда, чтобы успокоить рыбу, в «котел» бросали охапки травы, а ловцы с криком забегали в море и поднимали кромку сети выше головы. И все равно добрая половина жирных туполовых пилингасов, сверкнув в воздухе, успевала перемахнуть в море через головы веселых рыбаков...

Осенью собрали в Москву Анну. Мать перекрестила ее в дорогу, отец проводил до Владивостока и посадил в поезд.

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

Сидеминская лошадь поднимала уссурийскую целину, тянула пушки горной артиллерии, служила казакам и драгунам. Выигрывала призы на ипподромах Приморского общества поощрения коннозаводства. На дубовых полках старого дома-форта появились серебряные кубки, золотые и серебряные медали, добытые на состязаниях и сельскохозяйственных выставках. Лошадь с выжженным на лопатке тавром «Я» действительно «возила воду и воеводу», как мечтал Нэнуни-Четырехглазый, создавая свой хутор четверть века назад.

Калифорнийские кони скоро оправдали затраченные на них средства и энергию. Бангор стал чемпионом, выиграл украшенный уральскими самоцветами ведерный серебряный кубок Владивостока. Он и Тоник дали отличное потомство. Кобылы принесли великолепных, прославившихся рысаков.

Однако никогда не отличавшийся кротостью Бангор с годами стал невероятно строптивым и злым. Дошло до того, что иначе как вдвоем на розвязах его не выводили. А он все равно то и дело становился на дыбы и мотал взрослых мужчин, как детей. Конюхи его откровенно боялись. Многим досталось от копыт Бангора, одному жеребец напрочь откусил палец.

Но, как ни странно, не боялся Бангора один человек, — старый «гном» Митюков. К этому времени он давно ушел из конюхов, перейдя на должность егеря. Жил в сторожке на вершине горы, высматривал в бинокль хищников и браконьеров, докладывая о делах по полевому телефону. По субботам приходил на хутор париться в бане, после чего «гулял».

В воскресенье утром, хватив граненый стакан слегка разведенного спирта, Митюков нетвердыми шагами поднялся на парадное крыльцо хозяйственного дома. Здесь Ольга Лукинична почевала чаем иркутских гостей — сестру Степаниду с мужем. Степанида Лукинична уже несколько лет не видела Митюкова и почему-то решила, что его уже нет в живых. И, вдруг встретив, всплеснула руками.

— Батюшки, кого вижу! Митюков, здравствуй! Да ты еще жив?!

«Гном» усмехнулся. Он не был лишен чувства юмора и собственного достоинства. Задорно мотнул бороденкой:

— Здрасьте, Степанида Лукинична, здрасьте. Как же, давно не видались. Жив я, жив. Так ведь и вы живы еще не померли?

Гости смущались, а Митюков беззлобно рассмеялся. «Водочная» храбрость уже брала свое, и он вдруг выпалил:

— Бабушка Ольга Лукинична, я иду к Бангору. Запустили его, бедного, без меня. Дайте, пожалуйста, ножницы.

— Да ты ж пьян, Митюков. Лучше завтра, а?

— Какой же я пьяный, только чуть пригубил. Дозвольте мне в порядок привести. Завтра некогда.

— Да ладно уж, иди. Кроме тебя, и верно, что некому.

Польщенный старик взял ножницы, низенькую скамеечку, фартук и отправился на конюшню. За ним последовали заинтересованные гости, группа «веселых» с утра конюхов и ребятишек. Зрелище предстояло необыкновенное. Все тихо вошли в длинную полутемную конюшню, где в дальнем конце находился просторный, с отдельным окном, денник Бангора.

Услышав скрип наружной двери, чемпион переливисто и грозно заржал. Но по мере того, как

неверные шаги Митюкова приближались к его дверям, рокот постепенно стихал и вдруг оборвался. «Шедшие позади остановились, а Митюков положил руку на засов.

— Бангор, Бангор, что, узнал, кто к тебе идет? Обрадовался небось. Ну, погоди, погоди, я сейчас...

Старичок откинул засов, не задумываясь ступил в денник и закрылся изнутри. Все замерли, потом подкрались к перегородке и прильнули к щели глазами, Что такое? Из дракона Бангор вдруг превратился в овечку. А „гном“ шагнул к нему и фамильярно, с силой хлопнул по крупу.

— А ну, повернись, мой родной, я на тебя полюбуюсь! Ах ты господи, эк запустили тебя, нехристи. Вот я ужо доложу Михаилу Иванычу, нагоню этим конюхам холоду.

Смотревшие в щель не верили своим глазам. Гроза всех конюхов, огромный рыжий жеребец, тихо всхрапывая и дрожа кожей выхоленного тела, как маленький жеребенок, послушно поворачивался под уверенными прикосновениями стариковских рук. Испуская тонкое ржание, уткнулся головой в темный угол и замер.

А Митюков невозмутимо поставил свою скамеечку напротив убийственных задних ног, уселся и, приговаривая, начал аккуратно подрезать сильно отросший, великолепный пепельно-рыжий хвост. И, подравнивая, продолжал бормотать:

— Бедный ты, бедный. И никто-то без Митюкова тебя не приласкает, никто красоты не наведет...

При этом, расчувствовавшись от жалости и собственной доброты, он горько плакал. Всхлипывал и утирался рукавом, но слезы так и катились по сивой бородке. Наконец Митюков склонился к самым копытам, собрал и связал в пучок волнистую кипу конского волоса, поднялся, крякнул и молвил:

— Ну вот, теперь и ладно! Прощавай покедова! Хлопнул на прощанье по налитому заду, вышел и задвинул за собой засов. Все облегченно вздохнули.

На обратном пути скамеечку и ножницы нес уже не Митюков, а покоренные им зрители. А он важно шагал впереди, галантно преподнес бабушке Ольге Лукиничне оригинальный букет из хвоста страшного Бангора.

* * *

В это воскресное утро на Сидеми приехал Тун-Чуй-кун. Лошадьми он не интересовался, поэтому, после осмотра оленей в загородке, все отправились в недавно отстроенную пантоварку. Этот легкий двухэтажный домик был построен по проекту Туна. В рабочей части нижнего этажа над топками были установлены котлы: Рядом за стенкой — спальная для мастеров и кухня, На втором этаже — сушилка.

Хозяева и гость вошли в наполненное паром помещение нижнего этажа, поздоровались с мастерами. Те ответили на приветствие, не оставляя работы. У каждого в руках была длинная кривая палка, на конце которой прикреплены панты. В котлах едва заметно, лениво кипела вода. Мастер то и дело опускал в кипяток концами вниз потемневшие от варки панты. Он держал их там, не спуская глаз, какие-то секунды, потом поднимал ненадолго над поверхностью, давая слегка остинуть. После нескольких повторений откладывал в сторону и брал другую пару. Обработанные помощник относил на чердак и вешал в тени на ветерке. Там уже сохло несколько пар, готовых к отправке.

Михаил Иванович обернулся к Туну.

— Ну, как нравится пантоварка? Все сделали по вашему наказу.

— Конешно, конешно, все правильно. Ваше слово крепко: как говори, как делай. Теперь ни один панты не пропадет, — довольно улыбался Тун-Чуй-кун.

— Да, теперь тайфун, не тайфун — на душе спокойно. Я скоро в Москву поеду, будете иметь дело с женой и вот с Юрием.

— Можно, можно, твой сынка дело хорошо понимает. Чего, хозяин, теперь женьшень посмотреть пойдем?

Плантация женьшения была уже огорожена высокой сеткой из оцинкованной проволоки, в углу участка стояла сторожка.

Они вошли в калитку и направились вдоль длинных гряд, вытянувшихся под пологом леса. Стоял теплый августовский день. Пахло папоротником, бархатным деревом, созревшими травами, прелью, грибами. Взрослые растения „корня жизни“ тоже издавали едва уловимый особый запах. Они раскинули зонтичные веточки с пятитальными листьями, выбросили вверх длинные „стрелки“, на которых пламенели кровавые головки ягодок-семян.

Тун остановился, молитвенно сложив руки ладонями вместе.

— А-я-я-я, очень красиво. Я здесь целый день стоять могу. Смотреть, думать, все равно молиться. На земле другого такого растения нету. Сколько оно может жить — никто не знает. Этот, большой, сколько года будет? Лет двадцать есть?

— Нет, лет пятнадцать. Но корни уже порядочные.

— Можно сейчас несколько штук копать? Я посмотрю, потом в Чифу посыпать буду. Там в главной аптеке проверять нужно.

Для него вырыли несколько лучших корней, очистили от земли, разложили на столе в сторожке. Присели вокруг. Тун долго, внимательно их рассматривал, что-то шептал про себя.

— Ничего, хорошие корни. Как дикие. И похожие на людей. Самое главное — шея длинная. Если шеи

нету, значит на огороде вырос: таких в Китае, Корее сколько хочешь есть. Ваши корни совсем как на сопках. Я тебе все расскажу точно, во Владивостоке лучше, чем Тун-Чуй-кун, женщины ни один люди не понимает. Только... сделаем условие: другим китайским купцам вы его продавать не будете. Ладно?

— Согласен, Тун, будем иметь дело только с тобой.

* * *

В ноябре Тун-Чуй-кун снова приехал на полуостров. Он сказал, что получил по образцам сидеминского женщины положительный отзыв экспертов из Чифу и решил, не откладывая, договориться на сезон будущего года, боялся конкурентов.

Они долго говорили о делах, а потом Тун вдруг ударили себя по лбу и помрачнел:

— А-я, совсем забыл. Ты слыхал — Шевелеф помирал?!

— Как? Я слышал, что болен, собирался навестить. Когда?

— Уже три дня прошло. Вчера хоронили. Русский доктор сказал — у него в животе рак жил. Какой такой рак — я не понимаю. А-яй-яй, какой хороший человек помирал. Наши китайцы все плакали!

— Значит, уже и похоронили. Выходит, я опоздал.

— Наше общество просили тело нам отдавать. Хотели в Китай возить, там хоронить. Потому мы его как свой люди считали. Сильно просили, только его мадама не согласна. Владивостока кладбище похоронили.

— Да-а, большой человек ушел от нас!

— Очень хороший, умный, очень добрый человек. Его сердце зата было! Сколько наших букв, иероглиф знал, ни один мой знакомый не знает. Китайские законы тоже крепко знал. Если не Шевелеф — Китайская Восточная железная дорога договор заключать было очень трудно. Только он и китайский министр Ли-Хун-джан шибко знакомы были. Встретились, переговорили, все скоро решили.

— Да, добрых дел он сделал много, это правда.

— Вы еще не все знаете. Шевелеф старший приказчик — мой хороший товарищ — после похорон мне один секрет рассказал. Несколько лет назад хозяин ему большой список дал: какой вдове жить тяжело, какой студент учиться трудно, какой-какой бедный люди фамилия, адрес — все написал. Шевелеф приказал каждый месяц этим людям деньги посыпать. Только хозяин сказал: никому говорить не надо. Даже его жене не говорить, потому что, может быть, она не согласна... Теперь уже этим людям, наверно, никто помогать не будет. Потому что доброе сердце помирало. Большое сердце!

Проводив гостя, задумчивым возвращался Нэнун на хутор.

Дома ждало письмо от Анны. Ее путешествие длилось уже второй год, за это время она побывала в Москве, Петербурге, Риге, Киеве. В этом письме сообщала, что очень хотела бы поступить на медицинские курсы, спрашивала разрешения родителей.

— Как думаешь, мать, разрешим?

— Пусть учится, Михаил Иванович, нужно же ей иметь какое-то ремесло, а сестрой милосердия она людям пользу принесет.

— Верно. Так и напишем. Нютка у нас умница, пусть учится. Вот поеду, навещу ее...

ВОЙНА

Обстановка на Дальнем Востоке накалялась год от года, однако, хотя о возможном конфликте с Японией и поговаривали, в войну верили мало. И вдруг, запалив коня, из Славянки с пространной телеграммой прискакал нарочный. В телеграмме сообщалось, что Япония вероломно напала на нашу эскадру в Порт-Артуре, после чего объявила войну. Командующий гарнизоном Владивостока срочно вызывал Янковского и Гека. Они вернулись через два дня, и Михаил Иванович разослал гонцов, требуя на совещание старшин всех деревень, входящих в состав возглавляемого им отряда самообороны. В назначенный день у коновязи сидеминского двора собралось десятка полтора лошадей, в основном уроженцев этого хутора.

В столовой дома-форта, вдоль длинного, более чем на двадцать персон стола расселись усатые и бородатые старосты деревень и урочищ Посытского района: Верхнего и Нижнего Сидеми, Славянки, Адими, Брусьев, Перевозной.

Корейцы были одеты и пострижены по-разному. Кто в русской тужурке и брюках, кто в корейской национальной рубахе и жилетке, в широких домотканых шароварах. Головы одних были коротко острижены, другие еще носили на макушке сплетенные из собственных волос шишкы, заколотые длинной серебряной иглой. У многих в редких, свисающих усах и жидких бородках, уже пробивалась заметная седина. Все прибывшие были старыми, испытанными соратниками Нэнуни и Гека.

За четверть века корейские переселенцы научились ломанно, но уверенно объясняться по-русски. Многие крестились, приняли православные имена: теперь Син Сolle был уже Шин Петр Иванович, староста деревни Адими — Ма Тон Сиг — Магай Иннокентий Викторович, старший поселка Брусья Чё Чун Бон — Цой Василий Прокофьевич... Кимы, Паки, Ханы сохранили свои фамилии без изменений, однако русские имена и отчества обрели все старожилы. Молодежь усердно училась в школах и говорила по-русски свободно.

Но на собрании присутствовали не только корейцы. Кроме Гека тут был мул? Лизы Василий Васильевич Паузер с мыса Турек, Семен Аверьянович Ануфриев из Славянки, Пономаревы, Гене и Худяковы с берегов Амурского залива. Все они дружно оберегали покой и порядок на этой узкой полоске русской земли. Когда все приглашенные расселились вокруг стола, Михаил Иванович начал:

— Командование предупреждает, что сейчас мы, жители приграничных и приморских поселков, должны быть готовы к вероятным попыткам врага забросить своих лазутчиков — и через сухопутную границу, и через Корею, и морем. Мне, как начальнику дружины, дано задание сбить всех вас, обсудить наши возможности и распределить обязанности. Разобъем наш район на участки, закрепим за каждым ответственного и будем нести свою вахту. Штаб, как всегда, здесь. При любом появлении подозрительных незнакомых людей, лодки, шаланды, по возможности задерживать и немедленно сообщать нам. Как только море очистится ото льда, капитан Гек с вооруженной охраной будет курсировать вдоль побережья. Особое внимание нужно проявлять при тихой погоде и тумане. В такие дни рекомендую патрульным водить с собой охотничьих собак, на чужого они обязательно залают.

— Правильно, правильно, — загудели старики, — собак таскать обязательно нужно...

— Организуйте молодежь. Среди них есть уже много хороших стрелков, наездников и охотников. Да и вооружены мы теперь не так, как двадцать пять лет назад, когда с шомполками воевали. Вон у Син Сolle какой сын вымахал! Я слышал, твой Алексей уже настоящий таежник, ходит со старым Ли Мазой на пантовку?

— Да, мой Алешка, Микау Иваныч, как твой Юрика. Они в один год родились, оба настоящие охотники стали. Теперь крепко дружат, Я думаю, через несколько лет будут заменять нас...

Син Солле как бы заглянул в будущее. В самом деле Юрию Михайловичу Янковскому и Алексею Петровичу Шину суждено было принять эстафету отцов, — продолжить борьбу с непрекращавшими набеги хунхузами.

— Только у тебя четыре сына, а у меня один, — добавил Син Солле.

— У меня, брат, считай — три осталось. Шурка снова укатил в Америку и не слышно. Отрезанный ломоть. Зато вон у Василия Цоя, Иннокентия Магая, Семена Кима — у каждого по взводу солдат из сынов растет!

Старики посмеялись, покашляли, подымали трубками и начали по очереди высказывать свои соображения. Порешили регулярно делать обходы, патрулировать побережье. В самых вероятных местах высадки лазутчиков ставить замаскированные дозоры.

— Ну, главное наметили, — удовлетворенно сказал Михаил Иванович. — Конечно, для отражения настоящего десанта командование располагает силами гарнизонов Раздольного, Барабаша, Славянки, Посьета. Теперь им будут приданы особые части. Так что в этом случае наше дело — только вовремя заметить и предупредить.

Наметили съехаться в назначенный день, доложить — кто что слышал, видел, что сделал. Приезжие напились чаю, начали прощаться и понемногу разъезжаться.

Только Гек не торопился. Он сидел ссутулившись в углу и хмуро дымил трубкой. Ольга Лукинична принесла ему еще стакан чая и посмотрела с беспокойством.

— Что-то не нравится мне ваш вид, Фридольф Кириллович.

— Неважно себя чувствовать в последнее время, Оля. Что-то болит тут и не отпускает, — он тронул рукой низ живота.

— Показывался врачам-то?

— Смотрели, дали лекарство, а там все равно давит. Не знаю, как нынче пойду в море. И никто не говорит, что за болезнь.

Проводив гостей, Михаил Иванович подсел к ним.

— Как-то редко мы видимся в последние годы, Фридольф. Ты все в морях да в морях. А выглядишь в самом деле скверно. По-моему, тебе следует показаться специалисту.

— Вот посмотрю, попью еще лекарства, а если лучше не будет, — поеду показаться профессору...

* * *

Меж тем начался призыв резервистов. Андрея Аграпата срочно призвали в свою часть. Михаил Иванович подарил ему резвого вороного четырехлетка Чингизхана, на нем Андрей и ускакал в полк. Юрия вызвали на сбор народного ополчения. По законам тех лет старших сыновей в регулярную армию не призывали. Ян все еще учился в мореходке. Павлика с прочими российскими учениками эвакуировали из Японии домой. Анна сообщила, что кончила курсы и едет сестрой милосердия в действующую армию в Маньчжурию.

Летом, помимо тяжелых морских сражений, развернулись ожесточенные бои под Порт-Артуром и на полях Маньчжурии. И вскоре из военных госпиталей на поправку начали прибывать на Сидеми раненые.

Кто прогуливался с палкой, кто носил руку на перевязи. Потерявшие много крови впервые, по совету Тун-Чуй-куна, стали принимать пантовую кровь. Ее собирали при срезке пантов в станке и она дала удивительный эффект: бледные, истощенные люди розовели и поправлялись на глазах.

Вечерами все вместе читали газеты, слушали рассказы участников боев. Старые и малые дальневосточники очень болезненно переживали неудачи этой войны: потери разгромленной Тихоокеанской эскадры, героическую, но кровавую трагедию «Варяга», осаду Порт-Артура; проигрыш боев под Тюренченом и Вафангоу, сражения под Ляояном. А раненые офицеры откровенно ругали и винили в неудачах бездарное руководство, особенно Куропаткина. Некоторые, с оглядкой, — правительство. Настроение у всех было подавленное. А в первых числах июля пришло известие, повергшее Янковских в глубокую скорбь.

Прибывший знакомый морской офицер тронул хозяина за рукав и, оглянувшись по сторонам, понизил голос:

— Вы слышали о смерти капитана Гека?

— Что, что? Когда это произошло? Где, в больнице?

— Говорят, застрелился в своей капитанской рубке. Понял, что безнадежен, не захотел мучиться. У него признали рак желудка.

— Да-а... Недавно при встрече он жаловался на сильные боли, но я никак не предполагал...

— Очень огорчен, что привез вам такую грустную весть.

— Что делать, вы здесь ни при чем. Бедный Фридольф, ведь он всю жизнь искал, но так и не нашел своего без вести пропавшего первенца-сына. Простите, оставлю вас ненадолго.

Михаил Иванович опустил голову и побрел сообщить горькое известие жене, хлопотавшей где-то по хозяйству.

А через несколько дней появился почерневший и похудевший Андрей. Руки и ноги были целы, но голова в бинтах. Вечером, когда ему меняли повязку, присутствующие увидели: на загорелом лбу, от правого виска до левой брови, залег едва подживший бело-розовый шрам. Андрей рассказывал:

— Нас, казаков, постоянно в разведку гоняют. Вот и столкнулись с ихним эскадроном. Сшиблись, закружились. Кони на дыбы, тоже друг на друга в драку лезут. Я норовлю одного самурая пикой достать, а другой — и как не заметил — подскочил сбоку, да хвать меня шашкой! Аж звон в ушах пошел и фуражка слетела. Но успел я того, нас克рьзь просадил. Наши еще нескольких покололи да порубили, те и задали стрекача. А мне уже глаза кровью залило, не вижу ничего. Тогда, значит, и сполз с седла. А Чингизхан не убег, Михаил Иванович, ребята говорят — ни на шаг от меня не отходил, покуда санитары не забрали!

— Значит, твой Чингизхан службу верно песет? И вообще — как там наши кони?

— О них разговоров много, Михаил Иванович. Прямо скажу — кавалеристы и артиллеристы не нахваляются. И резвы, и выносливы, и послушны. Первыми научились ложиться и прикрывать стрелка, сколько народу спасли. Отрадно слышать, когда вас добрым словом поминают!

— Да, приятно. Я уже много писем получил: от командира полка, от офицеров и даже от рядовых вольноопределяющихся. Отдельную папку завел, храню эти письма... Да, Андрей, ты же под Ляояном был. Расскажи-ка, видел что?

— Как же. Мы ж ценный день в резервеостояли, и все сраженье перед нами, как на ладони разворачивалось. А чего не ясно, офицеры поясняли, они-то с биноклями.

— И правда, что наши могли выиграть это сражение?

— Беспременно. По первости наша артиллерия и пехота его так прижали — аж трещит японец. По всему фронту теснят, — вот-вот побежит. А час, несколько свежих кавалерийских корпусов, позади пехоты растянули и держат. Все в седлах, наготове. Ждем: сейчас будет команда в атаку. Эх, думаем, налетим сейчас, опрокинем, погоним — и армии Куроки конец. Может, и войне конец! Они ж при последнем издыхании были, можно сказать — на волоске висели... И тут вдруг команда — отходить! Вот где тошно и горько было: ведь несколько десятков тысяч коней и кавалеристов в полной боевой готовности напрасно простояли. Но команда есть команда, развернулись мы и без выстрела, в полном порядке, как на маневрах, отступили. Никто за день шашки из ножен не вытянул!

— Почему же все-таки отступили? Сами-то хоть потом разобрались? Из газет наших мы ничего толком не поняли.

— Как не разобраться. Те, что у переднего края стояли, все своими глазами видели. Когда у Куроки все резервы кончились, он уже штаб с горы приготовился снимать, потому как понял — разгром начнется. Совсем тикать собирались... А тут один их единственный взвод горных стрелков по крутящему обрыву на высотку взобрался и две горные пушечки в разобранном виде туда втащил. Геройски забрались, конечно, как кошки али муравьи. И никто их оттуда не ожидал...

— Так что такое взвод и две пушки в таком сражении?

— В том-то и дело, что ерунда. Да только они по нашим окопам во фланг картечью пальнули, какой-то паникер Куропаткину и доложил, что, мол, «японцы обходят». А тот, трус, не разобрался, что то капля в море, сам в панику ударился, дал команду — отступать! После пленный показывал, что их командующий Куроки глазам не поверил. Думал — хитрит Куропаткин, заманивает. Долго, говорит, вперед идти не решался. А мы откатились, укрепленную позицию и железную дорогу отдали — эх!..

— Я читал в немецкой газете интервью английского военного атташе при штабе Куроки — майора Гамильтона. Так он в общем подтверждает этот нелепый факт и критикует нерешительность Куропаткина. Хотя подчеркивает, что лично он — храбрый человек, не прячется. Стоит на бруствере под огнем с биноклем в руках и весь свой штаб держит, а когда нужна твердость командующего, пасует, боится ответственности.

— Обидно это, Михаил Иваныч, особенно тем, кто кровь проливает.

— Согласен, Андрей, но кому вообще нужна эта война? Кучке коммерсантов для защиты их концессий на Ялу? А вот Нюта считает, что неудачи на фронте — на-руку простому народу. Царь, мол, сговорчивее станет.

— Такие разговоры и промеж солдат идут, только за них многие уже пострадали. Не надо бы Анне Михайловне об этом по почте писать, письма-то сейчас проверяются.

— Ну, Нютка не так глупа. По почте ничего подобного не пишет...

Андрей быстро поправился и опять уехал на фронт. Вернулся со сборов Юрий. Пошла вторая военная зима. Анна писала по-прежнему часто, но в письмах была осторожна. Рассказывала, что работа сестры милосердия ей ничуть не в тягость, чувствует себя счастливой, когда оказывает помощь. Говорила, что окружена умными и интересными людьми, от которых узнала много нового...

В феврале, после тяжелых потерь, понесенных в Мукденском сражении, Нюта сообщила, что командировка сопровождать эшелон раненых в Россию и, вероятно, в будущем году будет дома.

А в июле на Сидеми произошло событие, едва не окончившееся катастрофой.

В то последнее военное лето на хуторе гостил чей-то чудаковатый родственник Лева. Поручили ему однажды привезти сена. Парень запряг коня, забрался в телегу, покатил через перевал в Табунную падь и

застал косарей-корейцев во время перекура. Они, сидя на корточках у кромки упирающегося в песчаный пляж покоса и мирно попыхивая трубочками, созерцали окружающий простор. С голубого, сливающегося с небом моря дул освежающий ветерок, зеленели вдали острова — Бычий, Сидорова, Герасимова. Где-то на горизонте дымил пароход, маячил серый парус одинокой шаланды. С легким шипением лениво разбивалась о берег небольшая волна.

Лева остановил коня, слез с телеги и присел с косарями. Закурил за компанию и вдруг увидел в пене прибойной полосы поддаваемый волной, перекатывающийся с боку на бок круглый, блестящий на солнце предмет. Подбежал поближе и очевидно сорвавшуюся с якоря узнал настоящую морскую мину.

Парень пришел в восторг: вот это находка! Сколько будет разговоров, когда он вместо сена привезет на хутор такую штуку. А за сеном съездит еще раз, — подумаешь, какие-то три версты!

Запыхавшийся, бегом вернулся к косарям.

— Что я нашел! Пошли все, поможете погрузить...

Чтобы мина не каталась, кинул в телегу охапку травы и подогнал коня. Корейцы и того меньше понимали, что это такое. Сообща выкатили на мокрый песок забавный, с торчащими во все стороны рожками металлический шар и, кряхтя, взвалили в кузов многопудовое тело. Страшно довольный такой удачей, Лева гаркнул, как заправский конюх, и хлестнул коня.

Проселочная дорога «не асфальтовое шоссе, а телега была, конечно, не на резиновых шинах. При спуске с перевала и на бродах через каменистые речки мина перекатывалась из стороны в сторону и частенько тыкалась рожками в твердую ясеневую раму. Но Левушка не унывал и лихо вкатил во двор. Он подъехал к самым ступеням веранды и, возбужденный, влетел в столовую.

Все уже сидели за обеденным столом, Лева оглядел присутствующих восторженным взглядом и, захлебываясь, воскликнул:

— Посмотрите, что я привез?! Во-от такую морскую мину!

Обедавшие выскочили из-за стола, выссыпали на крыльцо и обомлели. Отмахиваясь от слепней, конь то и дело дергал воз, а на нем, глухо стукаясь о борта рожками-детонаторами, лежал стальной, в полтора обхвата снаряд!

Михаил Иванович метнул на Леву взгляд, от которого его восторженное настроение мгновенно улетучилось.

— Что ты натворил!.. — Он обернулся к сыновьям: — Юрий, выпрягай осторожно и отводи коня в сторону. К телеге никому не подходить! Ян, седлай свежую лошадь, скачи в Славянку на телеграф, сейчас составлю телеграмму в морской штаб!

Через несколько часов, поднимая форштевнем белью крылья пену, в бухту Гека на всех парах влетела похожая на акулу миноноска. От нее отвалил бот, и несколько военных моряков заспешили через перевал к дому. Осмотрев и разрядив мину, саперы развели руками. Старший офицер сказал:

— Если бы она сработала — от вас да и от всего дома осталось бы одно воспоминание. Она же способна взорвать целый крейсер! Да-а, вам неслыханно повезло. А где же герой?»?

Лева застенчиво вышел из окружавшей телегу толпы. Моряк посмотрел на него с любопытством.

— Что вы кончали?

— Гимназию...

— Так неужели вы, уже взрослый и образованный молодой человек, не понимали всей опасности

такой дикой транспортировки?

«Герой» потупился, но ответил вполне серьезно:

— Нет, почему же, когда ее здорово валяло на ухабах, я сторонился, и даже прикрывался... вот так, — и он показал, как прикрывал ладонью глаза и щеку.

Сапер скрыл улыбку и сказал совершенно серьезно:

— Ах, вот как? Ну, тогда другое дело...

Все заулыбались, послышался нервный смех. Многие только теперь поняли, во что могла обойтись Левушкина затея.

Моряки разрешили оставить на память обезвреженную мину, и она много лет висела, подвешенная на цепях к толстым нижним ветвям дуба, росшего у западной стены дома.

ПОБЕГ

В окрестностях Владивостока немало красивых уголков, и тем не менее среди отцов города и края постепенно установилась неписаная традиция — «угощать» своих высоких гостей показом Сидеми. Разномастные скакуны и рысаки, стада оленей, плантация легендарного женьшеня, прекрасная природа и овеянные романтикой дома Гека и Янковского становились общепризнанной достопримечательностью Амурского залива.

Не только российские, но и иностранные вельможи и даже коронованные особы в сопровождении важных чиновников прибывали на роскошных яхтах или военных кораблях и порою проводили на полуострове целые дни. И каждый раз кому-то приходилось их сопровождать, показывать, рассказывать, давать пояснения и, конечно, принимать в доме. Это отнимало много полезного времени, утомляло, а подчас и раздражало.

Однажды, в отсутствие Михаила Ивановича, Ольга Лукинична вынуждена была принимать губернатора со свитой, сопровождавших наследного принца и принцессу Сиама. На прощанье его превосходительство решил сказать хозяйке комплимент:

— Нужно отдать должное, вы с супругом отменно потрудились: есть чем, гордиться. Ваш полуостров и хозяйство с каждым годом становятся все более популярными.

Ольга Лукинична проводила гостей, посмотрела им вслед и покачала головой: «Много вас тут ездит, господа хорошие. Приезжаете, отвлекаете от дела...»

Бывали другие гости. Писатели, ученые, путешественники. Последние — занятой летом народ — навещали Сидеми больше под осень.

В это время никто никуда не торопился и, особенно по вечерам, гости и хозяева подолгу просиживали в гостиной в просторных, черного дерева, креслах. Стены гостиной были увешаны мощными рогами оленей и изюбров, на полках оскалились черепа волков, медведей, тигров и барсов. Между ними тускло мерцали серебряные кубки. В камине, потрескивая, оранжево вспыхивали сухие дубовые дрова.

Здесь встретились и впервые познакомились академик Комаров и писатели-путешественники Арсеньев и Гарин-Михайловский, читал стихи поэт Бальмонт, сообщали о своих открытиях ботаник Десулави и энтомолог Мольтрехт, знаменитый анималист профессор Каульбарс.

Арсеньев увлекательно рассказывал о своих путешествиях в дебри Уссурийского края, тепло вспоминал встречи с Михаилом Григорьевичем Шевелевым и очень сокрушался, что в результате пожара в кабинете погибли бесценные для науки записки Шевелева, которые тот не успел опубликовать.

Много говорили о лошадях, о ставших очень модными скачках, о том, как эффектно Бангор выиграл первый кубок Владивостока — ему первому поднесли этот кубок, наполненный шампанским...

Первый послевоенный год был полон драматических событий. Революционные события, прокатившиеся по всей России, отозвались и на Дальнем Востоке. Во Владивостоке поднимались рабочие, солдаты гарнизона и флотские экипажи. Эти выступления были подавлены с особой жестокостью.

Однако все события обходили Сидеми стороной, — у Янковских не было врагов среди простого народа. Жизнь на полуострове входила в мирное русло, ждали домой Анну. Она сообщила, что уже демобилизовалась, рас прощалась с госпиталем, но хочет съездить с новыми друзьями ненадолго в Крым и скоро будет дома. Как вдруг письма ее оборвались — ни одного. Послали запрос в Москву. Оттуда ответили, что Нюта с компанией молодежи уехала на юг, и пока о ней ничего не слышно. Родители

немного успокоились: наверное, Нютка отдыхает после госпиталей, ей не до писем, пусть развлечется!

И вдруг, как гром в ясном небе, — извещение: ваша дочь арестована за антиправительственную деятельность. Сообщили через прокурора, официально, сомнений быть не могло.

Ольга Лукинична никогда не выставляла напоказ своего горя. На людях она не плакала, но заметно поблекла. Все близкие были подавлены, Михаил Иванович ходил молчаливым и задумчивым. Перед глазами все время стояла дочь... Эх, Нютка, Нютка, неужели и ее не минует его участь — тюрьма и каторга?

Он жалел дочь, считал, что политика не женское дело. И все-таки чувствовал, что именно он поселял это зерно: слишком часто говорил при ней о неравенстве и угнетении. Как-то все теперь обернется?..

Но вот проскользнула мимо носа начальства второпях нацарапанная записка: «Не беспокойтесь, родные папа и мама, я не опозорила вашу семью, не сделала ничего низкого. Видимо, понесу наказание за то, что желала людям добра. Но правда восторжествует и мы снова будем вместе. Во всяком случае знайте, что теперь у меня много надежных друзей, они не оставят в беде. А если вам сообщат, что нужно перевести деньги для „товарища Гали“ и укажут адрес, пожалуйста, пошлите. Они могут очень пригодиться...»

Деньги сумели перевести, и друзья «товарища Гали» сообщили, что они вручены. Кому, зачем, — об этом не говорилось. Михаил Иванович прекрасно знал по опыту, что подследственным писать не разрешается, поэтому терпеливо ждал известий и как умел успокаивал жену. И вдруг...

Дом-форт спал, как всегда, чутко. Прошли временаочных караулов, но оружие по-прежнему стояло наготове в пирамиде, собаки ночью свободно бродили по двору, и по первому их бреху старшие вскакивали.

Однако в эту ночь случилось необычное. Ухо Ольги Лукиничны уловило дребезжание стекла в окне, а собаки молчали. Стояла теплая ночь, форточка была открыта. Хозяйка осторожно приблизилась к окну и вдруг услышала со двора шепот:

— Мама, откройте тихонько, это я... Нюта. Только не зажигайте огня. Я буду ждать у двери на кухню...

Ольга Лукинична разбудила мужа. Волнуясь, они открыли дверь черного хода и не сразу узнали дочь. Худая, обтрепанная, в старом, с чужого плеча, платье, коротко остриженная Анна мало напоминала цветущую девушку, три года назад покинувшую дом. Даже голос сильно изменился, стал хрипловатым, чужим. При свете ущербной луны Анна казалась мертвенно бледной.

— Спрячьте меня где-нибудь... Я... убежала из тюрьмы, и меня разыскивают!

Через несколько минут, умывшись и став более похожей на прежнюю Нюту, она жадно пила молоко с хлебом и вполголоса рассказывала подробности последних месяцев. Как они устраивали сходки и распространяли среди рабочих листовки, как ее с друзьями внезапно арестовали. Как переводили из одной тюрьмы в другую, как допрашивали, провоцировали. Следствие затянулось, но вскоре должен был состояться суд. И тут оставшиеся на воле товарищи воспользовались посланными родителями деньгами и подкупили стражу. Ушло сразу несколько арестантов. Она в чужой одежде и с подложным паспортом вчера добралась до Владивостока.

Там, на явочной квартире, узнала — ее уже разыскивают. Товарищи советовали поскорее добраться домой и надежно спрятаться. Предупредили, что на Сидеми на днях обязательно будет обыск... Она сразу побежала в корейскую слободку и, к счастью, встретила старых знакомых: Василия Цоя и Иннокентия Магая. Они отнеслись к ней, как к дочери, посадили вечером на шаланду, а после полуночи высадили около Кроличего острова.

Анну накормили, переодели и спрятали, на первых порах в просторном темном подвале дома. На

рассвете Михаил Иванович разбудил сыновей и отправился с ними в Озерную падь. На сухой укромной площадке, возле ключика, окруженного густым дубняком, построили балаган, соорудили узкие нары. К балагану подходили только кружным путем, не оставляя никаких следов.

Вернувшись, отец взял свечу и спустился в подвал. Там было темно, но не сырое. Анна, съежившись, лежала в своем углу, на матрасе, укрывшись старым одеялом. Он подумал, что дочь спит, и хотел уйти, но она порывисто села. Михаил Иванович прилепил к выступу фундамента свечу, нашел пустой ящик и сел.

— Слушай, мы в Озерной построили для тебя балаган. Сейчас ребята отнесут матрас и одеяло, посуду, еду. Потом мама принесет сюда свое платье и чепец. До вечера здесь оставаться опасно, поэтому ты переоденешься в мамино и пойдешь на кладбище, вроде отнести цветы Платону и Сереже: часто туда ходит. Оттуда братья проводят тебя в убежище. Будем по очереди навещать, но и там долго жить опасно. Нужно придумать что-то более надежное.

— Папа, теперь, когда я рядом с вами, мне уже не страшно. Я выполню, что вы скажете, но хочу, чтобы вы знали обо мне все!

— Спасибо за доверие. Вечером я приду к тебе в лес и ты не торопясь мне расскажешь. А пока нам не следует рисковать, — сама сказала, что с часу на час могут нагрянуть ищёйки.

Вскоре в темном чепце, кофте и длинной юбке, ссгутившись и сразу сделавшейся похожей на мать, Нюта с букетом цветов просеменила на кладбище, откуда братья проводили ее в зеленый вигвам. Таким образом, ни один посторонний не был посвящен в эту тайну, все следы замечены и все на хуторе сохранило свой обычный вид.

После обеда во двор трусцой въехал один из бывших пастухов, а позднее член дружины Нэнуни, Василий Цой. Михаил Иванович встретил его на крыльце, протянул руку.

— Здравствуй, Микау Иваныч, пойдем куда-нибудь в отдельную комнату. Надо тихо говорить, чтобы никто не слышал.

Михаил Иванович проводил гостя в спальню, усадил на стул.

— Говори, Василий, здесь никто не услышит.

— Аню крепко спрятали?

— Крепко-то крепко, но надо что-то придумывать.

— Вы и бабушка Ольга Лукинична нам всегда помогали, теперь мы, корейцы, будем выручать. Мы Аня совсем маленька девочка знали, потом она наши дети учила. Наши все знают, Аня бедным людям помогала, поэтому полиция ее не любит. Хотят в тюрьму посадить. Это нельзя. Наши старики ночью долго, долго думали. Придумали так: надо в Японию бегать! Там Аня учились, языки понимает, знакомых людей много. Несколько лет там жить можно.

— Так-то так. Но из Владивостока на пароходе уехать нельзя!

— Из Владивостока нельзя. Там полиция, жандармы. Таможня все пароходы проверяет. Найдут, сразу заберут, это не годится. Наши старики придумали другой дорога: Нюта нужно через Корея ходить. Темна ночью на наша шаланда в трюм спрятаться, тихо сидеть. Шаланда парус поднимает, в море пойдет — как будто морскую капусту или рыбу ловить. Наши шаланды на море очень редко проверяют.

— А если военный или таможенный катер остановит?

— Это, конечно, опасно. Только если станут смотреть трюм, мы будем Аню старой рогожей или сеткой сверху накрывать. Там внизу дышать можно. Дальше прямо в Корею пойдем. Если ветер хороший, на второй сутки уже граница, — мимо реки Туманган ходить будем. Через пять-шесть дней Вонсан придем.

Там русский полиция нету. На японский пароход сядет, билет купит, — никто трогать не имеет права. Еще два дня и — Цуруга, Япония придет.

— Да-а, хотя и рискованно, но, пожалуй, это единственный выход. Передай вашим старикам спасибо. А мы целый день голову ломали, как Нютку отправить. Ты с кем на шаланде-то будешь?

— С Иннокентием Магай. Мы с ним уже говорили. У Михаила Ивановича отлегло от души и он разрешил себе пошутить:

— Значит, лучшие мои пастухи будут на этот раз пасти мою собственную дочь?

Цой довольно улыбнулся, обнаружив крупные белые зубы.

— Хорошо будем пасти, Микау Иваныч!

— Буду надеяться. Только нужно выбрать темную ночь, пока еще слишком светло.

— Через три-четыре дня луна совсем не будет. Как думаете, хозяин, где шаланда приставать лучше?

— Если будет тихо, безопаснее всего под скалами Великаны Уступы, там есть маленькая бухточка. Помнишь, где зимой волков караулили?

— Верно, там никто не заходит опасно, берег очень крутой. Ну, до свиданья. Через два-три дня мы с Иннокентием приедем...

Следы заметли вовремя: на следующий же день нагрянули пристав с урядником и два жандарма. Пристав хотя и был знаком, держался сухо:

— Милостивый государь, ваша дочь Анна Михайловна Янковская была арестована за революционную деятельность и бежала из-под стражи в процессе следствия. Есть указания на то, что она прибыла во Владивосток, а затем куда-то скрылась. В управлении подозревают, что она спряталась здесь. Мне поручено произвести обыск и, обнаружив, арестовать. Вот ордер. Но, может быть, вы сами укажете ее местопребывание. Вы же знаете, в случае добровольной сдачи существует определенное снисхождение...

Михаил Иванович невозмутимо дымил трубкой. Как не знать?! Сорок три года назад он слышал об этом из уст расстрелянного позднее командира — капитана Звездовского, Топора. Тот тоже наивно верил, что их, добровольно сдавшихся студентов, простят. Нет, пристав, это пустой ход!

— Мы с женой знаем об аресте дочери. Нас известили. Но после этого никаких сведений не имеем. Ведь подследственным переписка воспрещается, это всем известно. А что Анна сбежала, — слышу от вас впервые. Впрочем, не верите, — ищите, где угодно. На то у вас и права, и ордер.

Жандармы обошли комнаты, кухню, побывали на мансарде и в подвале. Открывали шкафы, заглядывали под кровати. Потом осмотрели баню. Допросили Ольгу Лукиничну, братьев, кое-кого из рабочих. Анна сбежала? Они слышат об этом впервые...

Перед тем, как сесть в тарантас, пристав обвел хмурым взглядом кудрявые горы, грозно взъерошил русую бороду.

— М-да... Здесь и взвод беглецов спрятать можно. Ну что ж, доложу обстановку. Посмотрим. Имею честь! — Он козырнул и протянул было руку. Но хозяин тоже задумчиво рассматривал знакомые зеленые горы и протянутой руки почему-то не заметил...

Вечером братья незаметно дежурили около дома, а Михаил Иванович заглянул в балаган к дочери. Неподалеку от входа присели на ствол поваленной ветром липы. Костра, естественно, не разводили. Сгущались сумерки, внизу у озера орали лягушки, над головой со свистом проносились стрижи, изредка попискивали комары.

Отец рассказал об обыске, о предложении корейцев. Анна ожила:

— Будем надеяться, проскользнем благополучно, и я вам скоро напишу. Но как бы то ни было, я хочу, чтобы вы всё знали обо мне... Папа, я стала членом партии большевиков... Не хочу, чтобы вы снова рисковали на старости лет, и никаких адресов не оставляю. Может быть, к вам когда-нибудь явится высокий худой человек, назовется Антоном. Если попросит чего-либо от моего имени, от имени товарища Гали или Риты — это моя вторая подпольная кличка — помогите ему, по возможности.

— Можешь быть уверена.

— Спасибо, папочка. А теперь идите. Кто знает, может, пристав поручил кому-нибудь следить за вами?

— Ого, ты стала совсем грамотная!

— У нас с вами одна школа, папа. Правда, на каторге я не была, с вашим стажем пока не сравнить.

— Хватит с тебя и этого. Ладно, я пошел. Загляну завтра, сделаю вид, что собрался на охоту. А еду будут носить ребята и мать.

— Поцелуйте ее, скажите, что я только здесь наконец сплю спокойно...

Еще дважды наезжали жандармы, бродили вокруг хутора. Уехали ни с чем, но подозрение их не покидало и со дня на день можно было ждать более основательных поисков.

Но вот луна исчезла совсем. Корейцы сообщили, что поздно ночью будут ждать с шаландой под скалистыми обрывами Великаньих Уступов. Вечером Ольга Лукинична пришла проститься с дочерью. Они обнялись, расцеловались. Потом мать пошептала ей что-то на ухо, торопливо сунула в руку давно приготовленный бумажник с деньгами, перекрестила воздух и, опустив голову, быстро зашагала к дому. Братья вскинули на плечи винтовки, подняли мешок и саквояж Анны, двинулись вперед. Михаил Иванович с дочерью шли сзади. Все двигались осторожно, переговаривались редко, вполголоса.

Над полуостровом опустилась мглистая темная ночь, и только люди, знаяшие каждую пядь этой земли, могли идти так уверенно. В гору, потом под уклон и снова вверх. В лесу было влажно, невидимые ветки цеплялись за лицо и одежду. Нежно пахло жасмином, невидимыми цветами, папоротниками — неповторимой свежестью раннего приморского лета.

И все-таки ожидание опасности не покидало, поэтому когда впереди кто-то зашевелился, схватились за оружие и разом встали. Раздался низкий свист, топот копыт, все с облегчением вздохнули, а Анна прошептала:

— Сегодня могут напугать даже олени!

На вершину скалы, под которой залегла маленькая бухточка, добрались в полной темноте. Остановились, прислушались: вдруг жандармы как-то пронюхали и устроили засаду? Нет, тихо. И в этот момент от скалы отделилась едва заметная тень. Юрий вскинул винтовку, но услышал хриплое:

— Не стреляйте, это я, Магай! Мы уже больше часа здесь дожидаем. Василий там внизу на шаланде, сильно беспокоится. Нам пока везет, на море туман. Только спускаться очень трудно, надо осторожно ходить. Микау Иваныч, вы лучше здесь прощайтесь, все равно один человек тут караулить надо.

— Да, папа, дальше не ходите. Прощайте. Нет, до свиданья! Если доберусь благополучно, сейчас же дам знать. Напишу, что удрала через Владивосток, — закопалась в уголь на грузовом пароходе: нельзя подвести друзей. Пусть шпики поломают голову! — Она крепко обняла отца за шею.

— Успокойте маму, скажите, что все будет хорошо. Один за другим вслед за Магаем начали осторожно сползать к морю и сразу растаяли в темноте. Михаил Иванович опустился на выступ и лишь по

шуму осыпающихся под ногами камней мог представлять, как далеко продвинулась группа. Он давно знал это место: тут и днем было нетрудно сорваться и свернуть себе шею. Но наконец расслышал легкий всплеск скатившегося в воду камня и характерный скрип кормового весла. Значит — добрались до берега. И вдруг почувствовал, как напряглись все мускулы и обострился слух: а что если засада именно здесь, на месте посадки?

Он затаил дыхание... Нет, ни возни, ни выкриков, которых он все время подсознательно опасался!

И впервые за последние дни Янковский-старший почувствовал себя спокойно. Он сидел высоко над уровнем моря, не видел его, но ощущал близкое присутствие огромной массы воды. Ее запах, ее простор. Он представил всю эту безбрежность, и перед ним вдруг поплыла его жизнь...

Детство и отрочество в отцовском имении Янкувка в Польше, гимназия в Люблине, Горы-Горецкий институт. Восстание: пьянящее, захватывающее начало и горький финал. Арест, тюрьма, допросы, суд... Прощание с матерью и жуткий сибирский этап. Каторга. Ленские прииски. Потом станица Сиваково, Дыбовский. Дед Сила Ковалев, лодка «Надежда» и долгое путешествие по Амуру. Слепота на Уссури и милая фельдшерица Катя...

Аскольд, Бабих, Гек. Женитьба. Борьба с бандитами. Морские львы, птицы и бабочки, принесшие ему известность.

А потом страшный день переселения на этот полуостров. Звериный вопль Гека, потерявшего любимого сына. Хунхузы — лесной бой и глядевшая в глаза черная дырочка направленного на него дула винтовки черноусого батоу... И его выстрел в атамана, принесший уважение корейцев и звание «Четырехглазого»...

Что же было дальше? Первые лошади. Тигр при луне давит последнего жеребенка, а назавтра его ощеренная морда из-за куста и спокойный голос Гека позади: «Но разбей череп, Михаил!..»

И снова походы. Пленение целой банды хунхузов. Нахodka стоянки доисторического человека. Красные волки, едва не погубившие всех оленей. Барс, с прижатыми к затылку ушами, в трех шагах, готовящийся к прыжку, — сколько их было таких случаев? На его счету девять тигров, и все встречи связаны с риском: или ты, или он. Ведь за эти годы только тигры задрали более пятидесяти лошадей.

А привод томских коней за пять с половиной тысяч верст?! Байкал, Селенга, плоты по Амуру и голод; страшные Ханкайские болота. И все это ради его лошади. Но теперь она есть. Даже лучше той, о которой он мечтал, впервые осматривая этот полуостров на маленьком коньке-горбунке... В общем, он достиг своей цели, далеко не каждый может подвести такой итог.

Но скольких попутчиков уже нет?! Бабих, Платой, Гек, Шевелев. Давно спит среди сосен маленький Сергей...

Теперь с большим риском уезжает далеко и надолго Анна. Может, выйдет там замуж и умчится еще дальше на край света? Нет, она не из тех, кто живет для себя. Нютка обязательно вернется и продолжит борьбу. Это ее судьба. А Юрий собирается жениться на старшей дочери покойного Шевелева — Маргарите. Хотелось бы и внуков увидеть; кто знает, сколько ему, самому Нэнуни, еще отпущено лет?

Стали в последние годы сказываться сырье тюрьмы, пеший сибирский этап, каторга. А последующие походы и охоты? Ведь всех его приключений хватило бы на три жизни!

И все-таки ему еще многое хочется осуществить. Огородить парк, построить капитальную дамбу на лагуне, проложить такую дорогу с выходом на тракт, чтобы легко разъезжались две тройки!..

Спустя три года, рассматривая две свои фотографии — юноши-студента и убеленного сединами мужа, он сделает на обороте последней надпись: «Промчалось полвека, а все куда-то рвется сердце

ненасытное!» И в этой фразе — весь он. Вся жизнь — поиск, работа, открытия...

А в это время четверо уже достигли берега и ступили на мокрые камни. Анна и братья только сейчас разглядели темный силуэт тихо покачивающейся джонки. Она слегка хлюпала привальным бруском по набегавшей сонной волне.

Магай тихо свистнул, и на судне выросла темная фигура. Иннокентий двинул веслом и сказал едва слышно:

— Бросай конец!

На берегу выбрали мокрую веревку и привязанный к ней узкий трап. Ян вытянул на корму свой конец доски, и теперь между берегом и шаландой пролег шаткий мостик. Ян придерживал трап на плоском камне возле берега, остальные, балансируя, перебежали по скользкой пляшущей доске на судно. Юрий поцеловал сестру и наклонился к уху корейца:

— Василий, тут такая темень, как бы Нютка не свалилась за борт. Сведи ее поскорее в трюм!

Повернулся и бегом вернулся на камни. Ян столкнул трап в воду, и люди на шаланде втащили его на палубу. Затем выбрали из глубины раскоряченный якорь-кошку и подняли прямой залатанный парус.

Человек на корме снова опустил в чернильную воду весло, сделал несколько еле заметных движений, и судно, отодвинувшись от береговых камней, развернулось носом в открытое море. Легкий бриз чуть выгнулся серый парус. Шаланда вздрогнула, двинулась и медленно растаяла во мгле. Братья закинули за плечи винтовки и начали взбираться вверх по крутыму обрыву...

Михаил Иванович разглядел коренастую фигуру Юрия и тонкую высокую Яна, когда они уже были в трех шагах.

— Ну как?

Юрий ответил вполголоса:

— Отчалили. На море тихо. Лишь бы туман продержался еще несколько часов, тогда, пожалуй, проскочат.

— Дай бог. Ну, а теперь пошли. Нужно поскорее успокоить мать.

Ян вытянул из кармана что-то светлое.

— Папа, возьмите. Это Нюра велела передать маме свой платок сестры милосердия. В нем, говорит, воевала. — Он протянул отцу белевшую на фоне скал косынку.

— Вот и кстати. Накинь-ка его, Юрий, себе на плечи и шагай вперед. Только не спеши. Что-то в последнее время я стал не очень четко различать дорогу в темноте...

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

(Вместо эпилога)

Несколько лет назад жизнь преподнесла мне подарок — я побывал там, где прошли первые годы моего детства.

За кормой остался современный красавец Владивосток с многоэтажными домами, вереницами разноцветных автомобилей на широких улицах и площадях, с веселой нарядной толпой, с благоустроеными золотисто-песчаными пляжами и длинными причалами.

Быстрый рейсовый катер Владивосток — Славянка пересек голубой Амурский залив, вошел в бухту Гека, взвизгнул сиреной. Знакомые сопки как будто стали немного меньше, но чудилось, что тоже рады встрече и словно улыбаются мне. Хотелось прыгнуть за борт, чтобы скорее прикоснуться к этой земле! Сколько же воды утекло за эти десятилетия с Синего Хребта в Амурский залив?

Издали все казалось таким же, как сорок лет назад. То же море, те же годы, тот же лес. Но вблизи я увидел много нового. Старая усадьба вольного шкипера Гека затерялась между белыми домиками рыболовецкого колхоза. Левее пристани, где когда-то стояли дачи Бринера, раскинулся обширный пионерский лагерь. Но и старые дачи целы, только вокруг настроены новые павильоны и повсюду весело звенят ребячьи голоса. Слышится музыка, мелькают разноцветные детские шапочки.

От пристани я поднимался к перевалу «домой» и переживал чувство, похожее на мираж или сон. Ведь в последний раз я бежал по этой дороге — только от дома к морю — еще гимназистом-второклашкой!

Одолев перевал, снова был поражен: сколько новых построек! И невольно подумалось: здесь никто меня уже не узнает... Вспомнилось, что где-то тут должен жить старик Ленский, который мог слышать обо мне. Обратился к первому встречному и с радостью узнал, что да, он действительно живет совсем неподалеку.

— Вон его дом! Только осторожнее — там собака.

Я подошел к калитке сада, за которым прятался в зелени выкрашенный в темно-голубую краску домик. На цепи у калитки заворчала, залаяла овчарка. Ее кто-то окликнул, и я увидел сухощавого загорелого мужчину в соломенной шляпе, под которой белели седые виски. Он шел из сада к дому.

— Вы ко мне?

— А вы — Александр Александрович?

— Да. Проходите. По какому делу?

— Я сын Юрия Михайловича...

— Янковского?!!

— Да, а вы вероятно, знали отца?

— Здравствуйте, здравствуйте. Нет, вашего батюшку мне встречать не довелось. Но я много лет проработал на Гамове, в бухте Витязь, в бывшем хозяйстве вашего дяди, Яна Михайловича. Правда, попал туда уже после его смерти. Зато тетку вашу, Ангелину Михайловну, знал, конечно, хорошо. Но как же вы оказались здесь?

— Прибыл катером из Владивостока посмотреть на родные места...

И вот я пью чай в гостеприимном доме супругов Ленских, смотрю альбомы, слушаю и рассказываю. Последние два десятилетия Александр Александрович работал здесь, в оленесовхозе «Амурский» главным зоотехником. Сейчас уже пенсионер.

— Вы, наверное, хотите взглянуть на хозяйство? Пойдемте, я вам покажу все новое...

Стоит золотой августовский день, и знакомые старые дубы по краям дороги приветливо роняют спелые желуди к моим ногам... Ленский ведет мимо старого кладбища, и мы первым делом заглядываем туда. Его кольцом окружают вековые кедры и сосны, посаженные еще руками бабушки и деда. И гранитная плита на могиле умершего дяди Сережи лежит на своем месте. Только жаль, белая мраморная фигурка мирно спящего на ней мальчика куда-то исчезла, кому-то помешала. Но рядом еще хорошо сохранилась могила Платона.

Спускаемся с кладбищенского холма и переходим сильно обмелевшую речушку.

— А вот и вашего дедушки сад. Только он совсем одичал, что нет уже смысла с ним возиться. Хотя не так давно еще плодоносил, и один старый садовод-любитель снимал какие-то удивительные груши: одна половина красная, другая зеленая, и аромата необыкновенного!

Я поднимаю голову. Какие стоят великаны! Им тоже, верно, скоро по сотне лет, но они по-прежнему четко держат заданный когда-то дедом строй. Я глажу шершавые бока «стариков», невольно переносясь в далекое прошлое. И мне кажется, вижу еще молодого чернобородого Михаила Ивановича, любовно отобравшего молоденькие деревца груши, вишни, абрикоса. Вижу, как он принес их на эту, заранее возделанную площадку, как ухаживал за ними.

— Александр Александрович, а плантация женьшеня? Она же здесь совсем неподалеку. Давайте заглянем!

— Зайти-то можно, да плантации давно нет. Я здесь двадцать лет, но и тогда ее уже не существовало. Хотя слышал, что была богатейшая, единственная на всю страну. Но, как ни странно, в акте инвентаризации ее не упомянули. Видимо, все было под снегом, о ней забыли. А те, кто знал, — учли это и потихоньку выкопали все богатство. Если хотите убедиться, поднимитесь наверх, взгляните, раз помните место, а я уж постою, у меня сердце...

Я отлично помню эту плантацию и взбираюсь на знакомую террасу. Но в самом деле, здесь ничего нет, кроме старых пеньков. Ни ограды, ни сторожки. Даже гряды совсем расплылись и заросли.

Побродил в тени леса и спустился к соседнему ключику. Здесь лет семьдесят назад любила купаться молодая Ольга Лукинична. Для этого дед углубил ключик, выложил его каменными плитами, запрудил. Позднее в этом бассейне часто купалась моя мать с подругами, они называли его «бабушкина ванна». К великому удивлению, я нашел этот, сильно тронутый временем, водоем! Присел, зачерпнул ладонью и напился.

Ленский поджидал внизу, опервшись спиной о ствол толстого клена.

— Ну как? Нашли что-нибудь?

— Увы, кроме «бабушкиной ванны» — ничего.

— Да-а, жаль, что создавая новую плантацию, организаторы не подумали воспользоваться опытом вашего деда. Все-таки Михаил Иванович был большим специалистом-агрономом и не зря выбрал именно это место. Оно оправдало себя в течение десятилетий. Наверное, совхозу «Женьшень» нужно было устроить здесь хотя бы свой филиал...

В этот момент я услышал характерный свист, дробный стук копыт и оглянулся. Мимо нас промелькнуло несколько рыжих, с пятнами на боках животных.

— Смотрите, олени!

Их теперь в парке около пяти тысяч, и они уже давно вытеснили с полуострова его первых хозяев — лошадей. Для всех не хватило места. Совхоз оставил для obsługi оленника три-четыре десятка рабочих коней, а основную массу перевели на берег Уссурийского залива, в район села Шкотово.

Мы вышли из леса у подножия сопки «Просека», и перед глазами открылась вся усадьба. Два больших современных здания, школа, службы и белые домики рабочих совхоза. Кирпичные постройки встали у подножия горки «Обсерватория», которую я совсем не узнал. Покрытая во времена моего детства невысокими дубками и кустами багульника, теперь она поросла настоящим сосновым бором! Вспомнил: ведь это мы, дети, под руководством отца больше сорока лет назад засадили ее орешками и крохотными саженцами кедра и сосны. А привез их из далекой Кедровой пади Андрей Алексеевич Агранат. И вот ни его, ни отца уже нет, но плоды их рук остались — вырос такой прекрасный лес.

Рассказываю об этом Ленскому. Он как-то загадочно улыбается и согласно кивает головой.

— Вы знаете, я сам не летал, но люди рассказывали, что с самолета можно прочесть вашу фамилию, выписанную этими сосновыми. Видать, ваш отец сажал их по особому рисунку. Да-а, семя только вовремя посей... Посадите-ка на память какое-нибудь деревце в моем саду!

На следующий день я выкопал и посадил на его участке малюсенькую сосенку. Не знаю, прижилась ли?

Вскоре у подошвы «Просеки» набрели мы на длинные низкие постройки. Ветер донес резкие запахи, послышался пронзительный визг.

— А это что такое?

— Новая, очень перспективная и выгодная отрасль нашего хозяйства норки. Сейчас вы сможете познакомиться с ними поближе, тут есть на что посмотреть!

Мы подошли к вольерам вплотную, и я остановился зачарованный. В клетках сидели, лежали и бегали сотни, нет, вероятно, тысячи длинных пушистых зверьков всевозможных оттенков, начиная от бледнопалевых и кончая цветами классического окраса баргузинского соболя. Переходили от клетки к клетке, и я не мог оторваться от этой радуги живых теплых красок. И невольно подумал: «Это я, а что, глядя на такую красоту, должны чувствовать наши модницы? Ведь они после подобного зрелища не спали бы ночей...»

— Мы недавно начали осваивать пушное звероводство, но оно быстро развивается. Им довольны все. Совхозу — план и немалый доход. А для тех, кто за ними ухаживает — в основном это женщины — отличные заработки, премии и право приобрести недорогой воротник!

Сколько помню, в наше время никто не имел представления ни о разведении лисы, ни песца, ни норки.

За разговором миновали доживающие свой век, теперь уже не нужные конюшни, и вышли к тому месту, где когда-то стоял дом-крепость. К сожалению, он не сохранился...

— Проржавела с годами крыша, вода проникла в саманную кладку и стены начали разрушаться. А жили в нем ни много ни мало восемнадцать семей рабочих и служащих. Руководство рассудило, что целесообразнее старый дом снести и построить современные здания с более удобной и привычной планировкой, благо средства на это были отпущены. И снесли. Хотя, конечно, жаль.

Дом был красив — настоящий замок. А вон тот домик сохранился с давних времен!

Я посмотрел поверх заросшего травой и бурьяном мощного каменного фундамента (все, что осталось от дома-крепости) и увидел белый флигелек с верандочкой, который бабушка, родители да и все звали «школой». Когда-то в нем учились дети, а в дни моего детства он уже служил жильем для молодых неженатых сидеминцев. Я смотрю на него как на старого-старого знакомого, а Ленский трогает за локоть и говорит:

— А вон и директор совхоза. Идемте, я вас представлю. — И мы идем навстречу невысокому плотному человеку.

— Дмитрий Ананьевич, вот, познакомьтесь — товарищ Янковский, — внук, сын...

— Какой Янковский? Тот самый, из тех, что ли?

— Ну да, старший сын Юрия Михайловича. Директор смотрит с удивлением и протягивает руку.

— Вот здорово! Ну, пошли в контору, потолкуем.

И вот мы сидим в просторном кабинете Дмитрия Ананьевича, в нижнем этаже одного из новых кирпичных домов, что расположились под вечнозеленой теперь «Обсерваторией». В соседнем, таком же доме, — магазин и почта. В верхних этажах — благоустроенные квартиры совхоза.

Почти следом за нами в контору выходит высокий и симпатичный молодой человек.

— Мой замполит — секретарь нашей партийной организации, — представляет его директор. — Знакомьтесь: Янковский. Тот самый...

— Как тот? Внук, сын? Да не может быть! Ну, здравствуйте. Простите, дайте на вас посмотреть... Я-то думал, что из Янковских уже никого не осталось... Как вам у нас понравилось, все ли посмотрели? Или еще что-нибудь можно вам показать? Нам ведь интересно услышать ваше мнение.

— Спасибо, Александр Александрович уже показал и рассказал о многом. Повидал оленей, познакомился с норками. Очень понравились. Но коли спрашиваете моего мнения, то мне кажется, их нужно было селить не здесь, в центре усадьбы, а где-то в сторонке, хотя бы в Озерной, ближе к морю: кормите же в основном рыбой?.. И еще, откровенно говоря, жаль старый дом...

— Да нам и самим его жалко. Но ведь разрушили не при мне, я здесь далеко не первый, — мне показалось, Дмитрий Ананьевич с сожалением смотрит в окно на поросший травой фундамент. — Думаю, сгоряча поторопились...

— Зря, зря, присоединяет свой голос замполит, — музей из него нужно было сделать. Вы знаете, сколько у нас бывает экскурсий? Теперь мы включены в маршрут Дальневосточного круиза, и когда теплоход бросает якорь в бухте Гека, нас навещают сотни туристов из всех уголков страны. И главное внимание всегда привлекают олени. Вы слышали, сколько мы теперь снимаем пантов, сколько вылечиваем людей? Сами и препарировать научились, обходимся без иноземных мудрецов, которые столько лет делали из этого секрет!

— Многое достигли, слов нет, — произносит долго молчавший Александр Александрович. — Но вот я частенько думаю: каково же было создавать все это на голом месте Михаилу Ивановичу...

Энергичный секретарь даже привстает со стула.

— Вашему деду следовало бы здесь памятник поставить! Ведь мало того, что наш совхоз является крупнейшим в крае, — именно из его «семени», так сказать, выросло большинство оленеводческих хозяйств Приморского края! Вот о чем следовало бы помнить.

Директор задумчиво барабанит пальцами по столу.

— Да-а, я представляю, как трудно было начинать на пустом месте: без дорог, без техники, да еще в окружении всякого рода хищников... К сожалению, мы располагаем очень ограниченными сведениями о прошлом полуострова: о Янковском, Геке... Вот Александр Александрович работает над монографией о нашем хозяйстве. Мы просили бы вас просмотреть его работу.

— С удовольствием. Тем более, что я приглашен переночевать у Ленских. — Вот и добро. А то я могу устроить, у нас есть специальная комната для гостей.

— Спасибо, я уже принял приглашение. Может быть, пройдемся вместе по усадьбе?..

Я увидел электростанцию, мастерские, гараж, целый парк современной техники. Оленей стало в два раза больше, они и норки требуют постоянного ухода. Под конец мы побывали на опушке бора. Я рассказал, кк и когда сажали эти кедры и сосны. Дмитрий Ананьевич поделится некоторыми планами на будущее, приглашал заглядывать еще. Расстались друзьями.

Вечером неподалеку от берега бухты Табунной, я обнаружил по схеме, полученной во Владивостоке от друга детства — внука шкипера Гека, гранитный межевой столбик. На обращенной к морю верхней его части хорошо сохранились выбитые в камне и закрашенные четыре цифры: «1879». Столбик чуть накренился, но стоялочно.

На пустынном пляже Табунной пади меня застала ночь. На том самом пляже, по которому проехал в день «открытия» полуострова на своем горбунке дед. И я вдруг почувствовал, что всё вокруг выглядит сейчас таким же, как в тот делений, канувший в лету день! Как столетие назад, приглушенно рокочет океан, высится на фойе неба округлые сопки, плывут над ними облака, и душистый морской ветер ласкает лицо.

Все впечатления дня, разговоры, записки Александра Александровича, — все это сложилось здесь, под звездами, во что-то очень большое. Оно заставило окунуться в подернутое мглою прошлое этой земли, на каждом камне которой для меня — незримые следы дедов и отцов. Мне почудилось даже, что о далеких и — не побоюсь этого слова — героических временах и делах, совершенных ими, шепчет сегодня старый лес и морская волна, набегая на берег...

Они ушли навсегда: Михаил Иванович и Ольга Лукинична, Гек, дед Шевелев, мои родители и все, кто создавал доставшуюся нынешнему поколению красоту. Ветер временами часто заносит следы больших трудов; они становятся все более смутными и расплывчатыми в памяти людей и в конце концов могут исчезнуть совсем. А это несправедливо. В ту ночь я окончательно понял, что после меня уже никто и никогда не сможет рассказать правдивой истории полуострова — решил поведать ее современникам.

НЕТ, НЕ ВЫМЫШЛЕН ЭТОТ МИР

И таежные чащобы с их звериными тропами, и поединки с медведем, барсом, тигром, и стычки с бандитами, и захватывающий труд первоходцев — нет, не вымыщен мир этой книги, такая уж увлекательная, богатая приключениями жизнь досталась ее героям и автору.

В 1874 году юный участник Польского восстания Михаил Иванович Янковский после каторги и ссылки, прибыл на «вольное поселение» в Приамурье. Первые пять лет он провел на острове Аскольд, а затем поселился на небольшом полуострове в Амурском заливе, посвятив всю дальнейшую свою кипучую жизнь научной деятельности и освоению этого края. По свидетельству видных ученых, отечественных и зарубежных, авторов всевозможных книг и справочников, он оставил в истории развития Дальнего Востока заметный след.

«Сборы М. И. Янковского рассеяны по многим зоологическим музеям мира, и, очевидно, лишь немногие экземпляры, около тысячи шкурок, находятся в Зоологическом институте Академии наук СССР», — пишет орнитолог Е. Н. Попов в большом труде «Птицы Южного Приморья», а энтомолог профессор А. И. Куренцов сообщает, что М. И. Янковский «нашел новых для края до ста, видов дневных иочных бабочек, семнадцать из них получили его имя». Имя Янковского носят также впервые описанные им два подвида птиц — лебедя и сороки — и совсем новый вид редкой овсянки, живущей лишь на крайнем Юге Приморья.

Природа того края поразила и навсегда покорила воображение М. И. Янковского, но уже в те годы, когда богатства ее флоры и фауны казались несметными, он, как бы предвосхищая задачу, ставшую теперь первостепенной для всего человечества, одним из первых выступил против хищнического промысла, за охрану и обогащение природы.

М. И. Янковский с энтузиазмом занимался увеличением поголовья оленя-цветка, как называют пятнистого оленя, в неокостеневших рогах которого содержится ценнейшее лекарственное вещество пантокрин; ищет, пути к разведению с наибольшей пользой для человека легендарного женьшеня. В 1930 году в книге «Пантовое хозяйство» Г. А. Менард пишет о нем, как о пионере пантового оленеводства на Дальнем Востоке, — а биолог И. В. Грушвицкий в своем научном труде «Женьшень» сообщает, что М. И. Янковский первый в России создал плантацию дикорастущего корня жизни.

Привлекала внимание М. И. Янковского мало изученная в то время история освоения человеком Дальнего Востока, он занимался раскопками и публикует в 1880–1883 годах в «Известиях» Русского Географического общества несколько научных работ. Одна из них — «Остров, Аскольд» — удостаивается серебряной медали этого общества, а другая — «Кухонные остатки человека каменного века», посвященная одному из его открытий в области археологии, получает высокую, даже восторженную оценку уже в наше время. Советский профессор А. П. Деревянко в книге «Ранний железный век Приамурья» пишет: «Раскопки М. И. Янковского удревнили историю Приамурья сразу более чем на полтора тысячелетия».

Неоценимое значение для развития края имели селекционные поиски М. И. Янковского. Путем долголетних генераций ему удалось вывести дальневосточную лошадь, десятилетиями надежно служившую русской армии и крестьянам, завоевавшую много призов на бегах и скачках и медалей на сельскохозяйственных выставках. В 1896–1898 годах им были опубликованы в Петербурге и Владивостоке две большие работы по коннозаводству в Южно-Уссурийском крае.

И поразительно, что вся эта разносторонняя деятельность М. И. Янковского протекала в сложнейших условиях. Вечная угроза нападения хищников и бандитов держали поселенцев в постоянном напряжении,

требовали от них собранности, сплоченности и взаимовыручки. И отрадно, что труд этих людей не был затрачен впустую, исследования М. И. Янковского и сейчас продолжают служить науке, и на базе заложенного им хозяйства пантовым оленеводством занимается старейший в Приморье совхоз «Амурский».

Автор этой книги родился в Приморье, на полуострове Янковского, названном так в честь его деда. Обошел, изъездил, исплавал и облетал моря и земли Востока и Севера. Так же, как у его братьев, деда и отца — знаменитого охотника, автора книги «Полвека охоты на тигров», у В. Ю. Янковского много было приключений, интересных и опасных встреч, а на счету немало таких трофеев, как рысь, кабан, медведь, барс, тигр. Он занимался поисками и выращиванием женьшения на Дальнем Востоке, теперь же разводит это прихотливое растение в самом центре России.

Рассказы В. Ю. Янковского с 1967 года печатаются в журналах «Вокруг света», «Охота и охотничье хозяйство», «Уральский следопыт». Первый их сборник «В поисках женьшения» был представлен читателям в 1972 году известным советским писателем Сергеем Никитиным, и я убежден, что новая его книга — повесть «Нэнуни — Четырехглазый», вызовет живейший интерес читателей, и не только юных.

Примечания

1

В. И. Ленин, характеризуя Польское восстание 1863–1864 годов, в частности писал: «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской».

2

Лоциями капитана Гека пользуются и поныне. Много мысов, проливов и бухт русского Северо-Востока, унаследовало его имя. (Прим. автора).

3

Когда пантовое хозяйство стало государственным, миф о том, что русские никогда не сумеют консервировать панты, был рассеян. Совхозы вырастили своих специалистов-пантоваров. (Прим. автора).